Р. 3654

Царская дипломатия и парижская коммуна

II-48081
Царская дипломатия
и парижская коммуна
1933г. 1871г.
4229 3б.
обзор архив
5262

Р3654 ЦЕНТРАРХИВ

ЦАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
И
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
1871 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933 ЛЕНИНГРАД

Р3654 ЦЕНТРАРХИВ
П-48081
Пров. 52

ЦАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 года

[redacted]

44590
153275
ПРОВЕРЕНО 1933 КИЖ
ПРОВЕРЕНО 1934 КИЖ
ЛИИЖ им. А. И. Герцена ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Коммунистическая академия Журналист. факультет БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933 ЛЕНИНГРАД

Стр. 3–28 нет
8/V 44 г.

ДОКУМЕНТЫ

Поверенный в делах в Париже[1] *министру иностранных дел Горчакову*[2].

Донесение № 237. Бордо, 31 декабря/12 января 1870/71 г.

Г-н канцлер,

Новости о положении в Париже продолжают оставаться противоречивыми.

Согласно тем сведениям, которые распространяются правительством, столица якобы имеет продовольствия еще на некоторый период времени, продолжительности которого оно не определяет. Г-н Шодорди[3] утверждает, что г-н Клеман Дювернуа, последний министр торговли при империи, предвидя осаду Парижа, собрал продовольствия на два месяца. На другой день после революции правительство национальной обороны будто бы прибавило сюда продовольствия еще на два месяца. После того тщательные поиски и обыски будто бы были произведены у частных лиц. Эти обыски обнаружили, как говорят, частные продовольственные склады, которые теперь забраны и дадут средства продолжить сопротивление еще дольше. Кроме того имеются будто бы запасы хлеба, вина, сухих овощей и риса вплоть до весны. Низшие классы находятся, по слухам, в относительно хорошем положении, потому что среди них были в широких размерах распределены хлеб и вино. Сверх того, составляя часть постоянной национальной гвардии, они и одеты хорошо. Богатые якобы вовсе не испытывают лишений, имея возможность доставать себе все необходимое. По-настоящему затронуты только средние классы вследствие крайней дороговизны продуктов питания. Порядок, согласие и доверие царствуют в столице, решившейся на все жертвы и на сопротивление до последней крайности.

Эти оптимистические данные не совпадают с теми, которые я получил из других источников и которые я счел своим долгом резюмировать в своем донесении от 10/22 декабря за № 230[4].

Согласно этим информациям продовольствие в Париже будет истощено якобы уже во второй половине января, и останутся только хлеб и вино.

Кажется, ген. Трошю[5] решил сделать последнюю попытку, раньше чем сдать столицу. Дело идет повидимому о том, чтобы спасти армию, произведя массовую вылазку и прорвав вражеский фронт, — не для того чтобы освободить от блокады и снабдить продовольствием Париж, а для того чтобы бросить на восток армию в 200—250 тыс. человек, которая прервала бы коммуникации неприятеля с Германией.

Чтобы способствовать этой попытке, ген. Бурбаки, который, как гово-

рят, стоит сейчас во главе более чем 200-тысячной армии, будет действовать против Бельфора. После того как с этого города блокада будет снята, Бурбаки свяжется с армией, вышедшей из Парижа.

Здесь как будто убеждены, что эта комбинированная операция в случае удачи принудит армию принца Фридриха-Карла оставить свои позиции и броситься на помощь ген. Вердеру. Генерал Шанзи, который находится в Мансе с 120 тыс. человек, имел бы тогда перед собой только корпус принца Мекленбургского и был бы в состоянии без особых трудностей двинуться на Париж.

Такой план кампании был якобы выработан ген. Трошю совместно с корпусными командирами французской армии в провинции.

Если бы Шанзи и Бурбаки были побиты и если бы массовая вылазка из Парижа разбилась о немецкие войска, осаждающие столицу, ген. Шанзи вернулся бы в Манс, опираясь на укрепленный лагерь Конли и на крепости Бретани, а ген. Бурбаки, со своей стороны, укрылся бы в Лион, укрепления которого сейчас будто бы полностью вооружены и который считают значительно более сильным, чем Париж.

Продолжают вооружение и организацию новых войск в учебных лагерях, организованных по декрету г. Гамбетты[6]. Эти лагери составлены из мобилизованных национальных гвардейцев, из мобилей южных департаментов, из рекрутов призыва 1870 г. и из линейных солдат внутренней службы. Согласно традициям 1793 г. гражданский элемент представлен там комиссарами, носящими титул „гражданского председателя лагеря". Эти комиссары в большинстве являются левыми республиканцами, назначенными г. Гамбеттой. По мере того как войска, сформированные в учебных лагерях, признаются годными к бою, их направляют в три больших армии — северную, западную и восточную.

Неудача тех попыток, которые предпринимались до сих пор ген. Трошю, чтобы разорвать железное кольцо, сковывающее столицу, начинает оказывать некоторое влияние на его популярность. Правда, инсинуации левых республиканских листков, старающихся поставить под подозрение лойяльность парижского губернатора, являются предметом осуждения со стороны большинства публики, но все-таки повсюду начинают упрекать Трошю в отсутствии военных дарований, чему и приписывают неудачу делавшихся вылазок. Признают, что он хорош как организатор, но отказывают ему в таких военных талантах, которые позволяли бы ему быть на высоте нынешнего положения.

Примите и пр.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 238. Бордо, 31 декабря/12 января 1870/71 г.

Г-н канцлер,

Правительственная делегация[7] только что издала два декрета, являющиеся новым шагом по пути произвола, на который она вступила под влиянием г. Гамбетты.

Один декрет предписывает распустить генеральные советы[8] и заменить их департаментскими комиссиями, назначаемыми правительством по предложению префектов.

Другой — кладет конец военному управлению в Алжире и ставит на его место гражданский режим.

Роспуск генеральных советов означает разрушение последней легальной власти, которая получила свой мандат на всеобщих выборах.

Если бы Франция не была всецело поглощена делом обороны, эта мера наверно вызвала бы недовольство всей страны. Сейчас эта мера привела только к отдельным протестам со стороны нескольких председателей и членов генеральных советов и нескольких департаментских газет, которые были немедленно закрыты административной властью.

Рассказывая мне об этом декрете, г. Шодорди не отрицал, что он противоречит общественному мнению. Он сказал мне, что правительство оказалось вынужденным принять эту меру, чтобы положить конец действиям членов генеральных советов, выбранных при режиме официальных кандидатур империи и из духа партийности затруднявших действия правительства.

Этот упрек, направленный против департаментских собраний, представляется мало обоснованным, потому что после падения империи они не переставали оказывать самое горячее содействие всем распоряжениям, которые правительство считало нужным делать в интересах национальной обороны.

Впрочем, если даже мотив декрета был именно таков, следовало бы приступить к новым выборам; но устроить так, чтобы префекты предлагали назначать тех, кто уполномочен их контролировать, — это означает довести произвол до предела.

Правда состоит в том, что роспуск генеральных советов означает новую уступку правительства требованиям крайней партии, которая утверждает, что все эти собрания, уполномоченные контролировать префектов и департаментские расходы, должны состоять из испытанных республиканцев.

Что же касается декрета, вводящего гражданский режим в Алжире, то он является вторжением в прерогативы законодательной власти. Только будущее Учредительное собрание будет компетентно высказаться о реорганизации великой африканской колонии.

Издавая этот декрет, люди из правительства считались только со своим желанием осуществить тот принцип, который они постоянно защищали при империи в палате, где они не переставали требовать уравнения Алжира с остальной Францией как в административном, так и в законодательном отношениях.

Положение в южных провинциях почти не изменилось. Крайняя республиканская партия все продолжает там господствовать. Нужно бояться, как бы на следующий день после несчастного мира эти области не оказались совершенно готовыми к гражданской войне. Г-н Гамбетта посетил Лион. Он утверждает, что он прекратил домогательства членов и сторонников Коммуны. Тем не менее эта Коммуна продолжает еще заседать там, и красное знамя еще развевается над зданием ратуши. Правда состоит в том, что г. Гамбетта не осмелился ни распустить лионскую Коммуну, ни отнять красное знамя, боясь вызвать пролитие крови [9].

Примите и пр.

Окунев.

Шевалье Висконти Веноста маркизу Караччоло в С.-Петербург.

Флоренция, [31 декабря] 12 января 1871 г.

Шифром: Информируйте меня, не предпринимая никаких официальных демаршей, какое впечатление произвела бомбардировка Парижа[10] на общественное мнение и на правительство.

Информируйте, расположены ли сделать новые усилия для мира.

Маркиз Габриак[11] графу Шодорди в Бордо.

С.-Петербург, [1] 13 января 1871 г.

Шифром: На дипломатическом приеме, бывшем при дворе сегодня утром по случаю русского нового года, я постарался воспользоваться тем, что ко мне подошел император Александр, чтобы добиться от него каких-нибудь уверений, которые могли бы подать нам надежду на его ценное вмешательство. Я мог констатировать его желание видеть окончание войны, но также его твердое намерение не входить в длинные разговоры по этому вопросу. Затем император выразил мне сожаление по поводу того, что г. Фавр[12] не может прибыть на конференцию[13].

Я сказал его величеству, что согласно последним новостям, полученным мною от вас, наш министр иностранных дел ожидает туда официального приглашения, которое, поскольку я знаю, до сих пор не имело места.

Затем императрица с видимым волнением говорила мне о несчастиях нынешней войны.

Я ей ответил, как и императору, что мы больше чем кто бы то ни было другой желаем ее окончания, что мы всегда возражали против нее, но что Эльзас, отторжения которого от нас требуют, является такой же французской — и более французской, чем всякая другая — провинцией, — факт, представляющийся неоспоримым.

„Я знаю это", — ответила мне императрица; затем, не дав мне времени настаивать на этом предмете, ее величество стала говорить со мной о конференции и об отсутствии г. Фавра. Я передал ей то, что объяснил и императору.

Я вам отправлю обратно NN в четверг.

Граф Шодорди маркизу Габриаку.

Бордо, [2] 14 января 1871 г.

Шифром: Вчера получил вашу телеграмму от 11-го, приношу за нее благодарность. Сегодня мы получили депеши г. Жюля Фавра от 5-го сего месяца. Он готов отправиться в Лондон, как только получит приглашение от лорда Гренвиля[14] и необходимые пропуска. Это ясно доказывает, что граф Бисмарк[15] не переслал ему их и что он задержал письмо лорда Гренвиля. Это новое прусское плутовство касается всех нейтральных держав, и мы надеемся, что они сумеют его оценить по достоинству*.

Г-н Фавр не говорит и не делает намеков о якобы происшедшей бе-

* Помета Александра II: *„Но это неверно"*.

седе с представителем Соединенных штатов; это заставляет сомневаться, чтобы она вообще когда-нибудь имела место. Во всяком случае она не могла иметь того смысла, который Бисмарк старался ложно ей приписать, а что касается отказа г. Ж. Фавра выехать из Парижа, об этом никогда не было речи *.

Вы получите официальный протест правительства против бомбардировки столицы — бомбардировки, бесполезной с военной точки зрения, единственным результатом которой будет убийство женщин и детей и разрушение памятников и частной собственности.

Парижское население, несмотря на эти жестокости, остается настроенным весьма твердо.

Вы передадите наш протест и укажете, что эта бомбардировка является возвращением к варварству **, которое должно вызвать общее негодование со стороны цивилизованных правительств и народов.

Маркиз Караччоло шевалье Висконти Веноста во Флоренцию.

С.-Петербург, [3] 15 января 1871 г.

Шифром: Императорское правительство не проявляет в данный момент никакого расположения к вмешательству в пользу мира. Со времени бомбардировки Парижа никто из моих коллег не предпринимал шагов в этом направлении. Французский поверенный в делах только что получил от своего правительства телеграмму, которая извещает его о том, что в ближайшее время ему будет переслан протест против бомбардировки.

Граф Шодорди маркизу Габриаку.

Бордо, [4] 16 января 1871 г.

Шифром: . . . . . .

В ближайшее время вы получите от правительства депешу, относящуюся к бомбардировке Парижа. Благоволите довести ее до сведения министра иностранных дел, указав ему на все те основания, которые должны были бы вызвать вмешательство великих держав, чтобы воспрепятствовать подобной жестокости, с военной точки зрения по меньшей мере бесполезной.

Окунев Горчакову.

Бордо, 4/16 января 1871 г.

Донесение № 3.

Г-н канцлер,

Маркиз де Габриак уполномочен довести до сведения вашей светлости протест правительства национальной обороны против бомбардировки Парижа.

Сообщая мне об этом документе, г. Шодорди заметил, что бомбардировка не ускорит сдачи города: Париж пойдет на капитуляцию, лишь будучи вынужден к тому голодом. По словам уполномоченного по иностранным делам, бомбардировка эта не могла иметь целью подготовку

* Помета Александра II: *„Это находится в полном противоречии с новостями, переданными Окуневым“.*

** Помета Александра II: *„А Кремль, который они сами взорвали!...“*

взятия Парижа приступом, так как, если бы дело было в этом, то следовало бы начать с разрушения фортов. Поэтому очевидно, что немецкие войска стремились лишь терроризировать население. Однако из сообщений, полученных им от г. Жюля Фавра, явствует, что бомбардировка не только не вызвала паники среди жителей Парижа, но, напротив того, лишь укрепила их в решении защищаться до последней возможности. Итак бомбардировка совершенно не достигла своей цели. Причиненные ею убытки также не были велики. Кроме того город мог быть бомбардируем с одной лишь южной стороны, где расположение фортов, находящихся в большой близости от окружной стены, давало доступ к Гренельскому и к смежным с ним кварталам. С других же сторон форты более выдвинуты, и оттуда нельзя обстреливать Париж, не завладев сначала одним из этих фортов.

Вынужденная же голодом сдача города была уже заранее предусмотрена правительством Парижа. Все члены его, включая сюда и ген. Трошю и г. Жюля Фавра, требовали бы продолжения войны и после падения столицы, в случае если бы Пруссия продолжала настаивать на территориальных уступках. В случае взятия их в плен они передали бы эту миссию своим коллегам в Бордо. В этом они были солидарны со всем населением Парижа, которое также хотело продолжения войны и готово было претерпеть все тяготы, связанные для него с неприятельской оккупацией. В то время Парижу уже нечего было терять. Торговля его уже была уничтожена. Оккупация лишь немногим могла увеличить его страдания.

Таково официальное заявление делегации в Бордо. Будущее, возможно близкое, покажет, насколько это заявление основательно и до какого предела страна намерена следовать по этому пути за своим правительством.

Правда, бомбардировка Парижа, кажется, усиливает чувство национальной обиды, которое Гамбетта постарается использовать в целях продления войны, однако ничто не свидетельствует о том, чтобы партия, о тенденциях коей я сообщал в своем донесении от 31 декабря/12 января за № 236[16], в чем-либо изменила своим убеждениям. Как раз обратное, — эта партия до сих пор продолжает видеть в бомбардировке Парижа еще одно лишнее разорение, ответственность за которое должны нести те, кто настоял на продолжении войны и при отсутствии сколько-нибудь обоснованной надежды на успех поддерживал в стране опасные иллюзии.

Генерал Шанзи кажется потерпел под стенами Манса полнейшее поражение. Тем не менее вдохновляемые Гамбеттой газеты уверяют, что вскоре, произведя некоторое переформирование находящихся в его распоряжении корпусов, генерал перейдет в наступление.

Примите и пр.

Окунев.

Маркиз Габриак графу Шодорди в Бордо.

С.-Петербург, [7] 19 января 1871 г

Шифром: Я прочел князю Горчакову часть вашей телеграммы о 16-го, которую получил только 18-го, и передал ему резюме, чтобы о мог сообщить его императору и выставить таким образом в ясном свет недобросовестность намерений графа Бисмарка. Канцлер сказал, чт открытие конференции задерживать больше невозможно, тем более, чт

она уже была отсрочена более чем на месяц, и тем более, что всегда представлялось сомнительным, захочет ли г. Фавр покинуть Париж во время бомбардировки.

По этому случаю я горячо настаивал на варварстве этой меры, которая представляется оскорблением цивилизации и бессмысленным вандализмом. Я прибавил, что прусский король плохо отплачивает за гостеприимство, которое было ему оказано три года назад в стенах нашей столицы, атакуя наши памятники (два слова не расшифрованы). Результат будет только один: сопротивление станет более упорным.

Князь Горчаков мне ответил, что он искренно сожалеет о том, что происходит, но что Париж является укрепленным городом и что он не может исполнить мою просьбу выступить против бомбардировки.

Я сказал, что бомбардировать даже укрепленный город без предварительного уведомления противоречит международному праву и что (одно слово не расшифровано) наших фортов от крепостной стены делает в Париже более легким, чем где бы то ни было, изоляцию атаки на укрепленные районы вне города. Однако невозможно было добиться от канцлера другого ответа, кроме нового выражения сожалений о мере, являющейся, по его мнению, простым последствием войны, характер которой, к несчастью, становится у наших (не расшифровано одно слово) с каждым днем все более варварским.

Окунев Горчакову.

Донесение № 5. Бордо, 8/20 января 1871 г.

Г-н канцлер,

Во время разговора, который я только-что имел с графом Шодорди, он сказал мне, что г. маркиз де Габриак уполномочен им ходатайствовать перед императорским правительством о признании существующего в данное время во Франции правительства и о восстановлении официальных с нами сношений.

Г-ну де Габриак, в качестве доверенного (l'organe de ces ordres), было поручено обратить внимание на то, прибавил г. де Шодорди, что правительство национальной обороны опирается на признание его всей Францией. Париж выразил свое признание в плебисците от 30 ноября [17]. Остальная Франция дала молчаливое доказательство признания, откликнувшись на все воззвания правительства о предоставлении в распоряжение последнего людей и денег.

Я ответил делегату по иностранным делам, что не имею права предвосхищать решений моего правительства, но что я не могу не указать ему на то, что члены теперешнего правительства во Франции, принимая власть после падения монархии, ставили себе единственную цель: национальную оборону. Они заявляли при этом, что позднее будет созвано Учредительное собрание, которое и решит вопрос об окончательной форме правления для Франции *. Собрание это еще не было созвано... Ввиду этого существующий ныне порядок сохраняет, по моему мнению, лишь временный характер, что исключает возможность признания его Европой. Правда, я сам был свидетелем той готовности, с какой страна

* Помета Александра II: *„Правильно“*.

предоставляла и людей и деньги в распоряжение правительства, обратившегося к ее патриотическим чувствам. Но мне казалось, что готовность эта свидетельствовала лишь о желании Франции использовать все возможные средства обороны.

Г-н де Шодорди ответил мне, что он не оспаривает основательности моих возражений, но что вопрос и не идет о признании самой республики: теперешнее правительство просит о признании его отнюдь не как правительства постоянного, но единственно как правительства фактически находящегося у власти; оно просит разрешить ему как таковому войти с нами в официальные сношения на тех же основах, как с Италией, Испанией, Грецией и другими державами. Учредительное собрание будет созвано по заключении мира, и от его решений будет зависеть образование постоянного правительства Франции.

Я спросил графа де Шодорди, от имени ли центрального правительства поручено г. де Габриаку сделать упомянутое обращение к императорскому правительству. Он ответил мне, что г. Жюль Фавр уже давно настаивал на необходимости ходатайствовать об установлении официальных сношений с великими державами, но что делегация откладывала до настоящего времени выполнение этих директив. Теперь же, когда в Лондоне собралась конференция и Франции было предложено принять в ней участие и дать свою подпись на протоколе международного совещания, откладывать это обращение уже не представляется возможным. Франция должна быть допущена на конференцию на равных правах с представленными там державами, чем уже предусматривается необходимость установления официальных с ними сношений. Кроме того и общественное мнение уже определенно высказалось по этому поводу в положительном смысле.

В заключение г. де Шодорди прибавил, что подобное представление будет сделано также в Лондоне и в Вене.

Мне кажется, что истинной причиной упомянутого выступления является желание противопоставить авторитет европейского права различным партиям, которые не перестают требовать созыва собрания и образования законной власти.

Примите и пр.

Окунев

Маркиз Габриак графу Шодорди в Бордо.

С.-Петербург, [12] 24 января 1871 г.

Шифром: Вчера на собрании при дворе, куда я должен был явиться, несмотря на дурные новости последних дней, ко мне подошел император Александр и сказал, что он надеется, что новость об отказе Бисмарка предоставить пропуск для г. Фавра не подтвердится. Я ответил его величеству, что мы достаточно привыкли к способу действий прусского министра иностранных дел и что поэтому подобная новость мне, к сожалению, представляется весьма правдоподобной.

Я также сказал императору с полной искренностью, что я не думаю вызвать его немилость, указав, что мотивы, на которые ссылались при отказе г. Фавру в требуемом пропуске, мне представляются оскорбительным для Франции вмешательством в ее внутренние дела, в которые Прус-

сия не имеет права вмешиваться, а также недостатком почтения по отношению к лорду Гренвилю, просившему об этом пропуске.

Я прибавил, что подобный образ действий будет иметь в отношении нас тот эффект, что он вызовет возмущение всей страны и толкнет нас на борьбу до конца; что Пруссия, исходя из своих же собственных интересов, должна была бы стараться поддерживать отношения с тем единственным правительством, которое в течение пяти месяцев признается Францией; что у нас сейчас имеется миллион вооруженных людей, которые скорее будут защищаться до конца, чем вернутся под власть виновников капитуляции Меца и Седана [18].

Что касается г. Фавра, то я сказал, что его присутствие в Лондоне могло бы быть полезно для России, к которой (отметил я мимоходом, не будучи в состоянии представить гарантии на этот счет) он питает симпатии.

Я прибавил, что я вижу, как во Франции накапливается ненависть против Пруссии. Эта ненависть переживет наше унижение, она будет направлять все наши действия как при учреждении нашего будущего правительства, так и в руководстве нашими внешними отношениями.

Император выслушал меня с большим вниманием, ничего мне не возражая и особенно отметив то, что я ему говорил относительно г. Фавра. Я просил императора соблаговолить обдумать над тем, что я имел честь ему сказать, так как у меня было внутреннее чувство, что, высказываясь таким образом, я являюсь только точным истолкователем настроений его страны.

Эта довольно долгая беседа обратила на себя внимание, особенно представителей прусского посольства, которые не теряли меня из вида.

Затем в том же духе я разговаривал с императрицей, которая, как я нашел, была весьма недовольна отказом графа Бисмарка, и почти немедленно после этого и император и императрица вели беседу с князем Рейсом [19].

Таким же образом и даже с еще большими подробностями я выразил свои мнения одному министру, который является личным другом императора и которого мне предстоит увидеть в четверг.

Повсюду я нашел отклик, так же как и восхищение нашим мужественным сопротивлением. Почти весь дипломатический корпус выражал мне симпатию нашему делу, и я счастлив констатировать, что, несмотря на наши поражения, Франция — по крайней мере здесь — с каждым днем все больше завоевывает почву даже в официальных кругах, по мере того как образ действий Пруссии по отношению к нам становится все более нестерпимым.

При таком положении вещей и при наличии тяготения к Пруссии со стороны Австрии, — с которой русское правительство пребывает в постоянных столкновениях, как я мог в том убедиться из моей последней беседы с князем Горчаковым, — становится крайне важным избегать всего, что могло бы задеть национальное чувство России или самолюбие ее правительства.

Чтобы достигнуть этого, мы должны просто продолжать ту же умеренную и благоразумную политику, которой до сих пор мы руководствовались в наших сношениях с иностранными кабинетами после падения империи.

Граф Шодорди маркизу Габриаку.

Бордо, [13] 25 января 1871г.

Шифром: Граф Бисмарк только что отказал г. Фавру в пропуске на выезд из Парижа, выдать который он раньше согласился соответственно обещанию, данному им Англии и России.

Просьба г. Фавра была сдана 10-го, отказ получен 18-го. Передайте этот не поддающийся определению факт правительству, при котором вы аккредитованы, и спросите, намерено ли оно потребовать объяснений, которые представляются нам необходимыми для самой чести и поддержания международных отношений.

На заявление парижского коменданта, переданное в Версаль парламентером, что бомбардировка была начата без извещения и что она направляется на госпитали, ген. Мольтке [20] ответил, что туман мешает видеть здания, что он распорядился стрелять в тумане и что впрочем он действует вне законов войны в тех обстоятельствах, которые ему диктуются поведением Франции после 4 сентября [21].

Итак прусские штабы издали приказ о нарушении международного права и законов войны и о совершении не имеющих названия жестокостей, варварство которых превосходит все, что можно вообразить, — потому, что мы продолжаем сопротивление, потому, что мы не хотим подчиниться безумным требованиям Пруссии, и потому, что мы ведем справедливую и национальную войну! И однако следует признать, что мы сделали все возможное, чтобы добиться мира в условленное время — 15 сентября.

Расскажите всем эти факты и действуйте на прессу.

Сверх того передайте мне, чего можно ожидать от правительства, при котором вы аккредитованы.

Благоволите прочестьмою депешу № 2 о нейтральных державах *.

*Граф Шодорди виконту ** Габриаку в С.-Петербург.*

Бордо, [14] 26 января 1871 г.

Шифром: Должен конфиденциально вас предупредить о неминуемой капитуляции Парижа в скором времени ***.

После сопротивления, которое делает честь нашему отечеству и которое продолжалось дольше всех наших ожиданий, наша прекрасная и несчастная столица, центр европейской цивилизации, должна сдаться из-за голода. Ни бомбардировка, ни пожары не могли ее устрашить, и осада продолжалась бы безуспешно, если бы мы могли подвезти туда продовольствие. Наши армии потерпели неудачу в своей попытке в этом направлении. Долгом правительства является продолжать на новой базе оборону, поскольку страна сможет принести необходимые жертвы и последовать примеру Парижа, который сумел перенести все страдания с терпением и достоинством, вызвавшими восхищение всего мира.

Покажите всем окружающим вас, что это новое несчастие, как бы велико оно ни было, не отнимает у нас надежды и не может обескуражить народ, который сражается за свою независимость.

---

* Ввиду отсутствия исходящих номеров в дешифровке документов, подвергавшихся перлюстрации, нет возможности установить, о какой депеше идет речь.

** Так в подлиннике.

*** Помета Александра II: *„Таким образом этот доклад подтверждает новости от д'Убри!"*

Окунев Горчакову.

Бордо, [16] 28 января 1871 г.
Телеграмма. 7 час. 45 мин. вечера.

Шифром: По словам Шодорди, Фавр будет уполномочен вести переговоры только о военных условиях сдачи Парижа, вызванной истощением продовольственных запасов.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Бордо, [17] 29 января 1871 г.
7 час. 5 мин. вечера.

Вследствие перемирия делегация дала приказ о прекращении военных действий.

Окунев.

Князь Рейс графу Бисмарку *.

С.-Петербург, [18] 30 января 1871 г.

Шифром: Князь Витгенштейн выезжает завтра. Император желает, чтобы он отправился на несколько дней в Париж для получения сведений о внутреннем положении.

Просите распоряжений его величества.

Граф Бисмарк князю Рейсу **.

Версаль, [21 января] 2 февраля 1871 г.

Шифром: Ответ на вчерашнюю телеграмму без номера. Сожалею, что вы выдали некоторым лицам разрешение на поездку в Париж.

В этом отношении еще сохраняется старое распоряжение для поездок в главную квартиру. Французы до сих пор запрещают всем, в том числе дипломатам, въезд в Париж, и мы не знаем, что нам делать с приезжающими.

Окунев Горчакову.

Донесение № 12. Бордо, 21 января/2 февраля 1871 г.
4 приложения.

Г-н канцлер,

Императорское министерство вероятно уже осведомлено из непосредственного источника о заключении в Версале 28 января договора о перемирии, при условии сдачи Парижа и созыва собрания для решения вопроса о мире или о продолжении войны.

Считаю своим долгом представить при сем этот договор в том виде, как он был здесь напечатан.

Несмотря на то, что делегация постоянно скрывала от широкой публики действительное положение столицы, она конечно не могла не предвидеть, как я уже сообщал о том в одном из предыдущих донесений, неизбежности более или менее близкой капитуляции вследствие истощения продовольственных запасов в Париже. Но, кажется, делегация не была подготовлена ни к заключению перемирия, ни к созыву собрания.

---

* Немецкий текст.
** То же.

По крайней мере, если основываться на доверительных сообщениях г. Шодорди, то оказывается, что относительно дополнительных условий о сдаче не существовало никакого предварительного соглашения между центральным правительством и членами делегации в Бордо. Напротив, уже давно обеими частями данного правительства было решено, что в свое время Париж капитулирует просто в качестве определенной территории военных действий, не принимая на себя никаких обязательств, коими бы предрешалось положение провинции.

Переговоры, начавшиеся между немецким генеральным штабом и правительством национальной обороны, в Бордо стали сначала известны лишь из частных телеграмм. Телеграмма г. Жюля Фавра, помеченная Версалем, шедшая через Лондон и официально подтверждавшая эти переговоры, была получена здесь лишь 17/29 января вечером.

Телеграмма эта умалчивала о сдаче Парижа и ограничивалась сообщением делегации о том, что с графом Бисмарком подписан договор, в силу которого заключалось перемирие на срок в 21 день, и что в Бордо должно быть созвано собрание 15 февраля. Вместе с тем делегации предлагалось отдать распоряжение о выполнении перемирия и о созыве избирателей на 8 февраля. Кроме того сообщалось, что в Бордо прибудет один из членов правительства в Париже [22]. Первым намерением г. Гамбетты при получении этого известия о принятии условий, столь противоречащих его политическим стремлениям, было сложить с себя полномочия и открыто заявить протест против заключения перемирия и созыва собрания. Однако вмешательство г. Кремье [23] и некоторых лиц из ближайшего окружения военного министра, кажется, побудили его отказаться от своего решения и сохранить полномочия хотя бы до приезда члена парижского правительства, о котором сообщал г. Жюль Фавр.

Вследствие этого г. Гамбетта отдал приказ о прекращении военных действий на всем протяжении французской территории и таким образом дал первое доказательство признания им заключенного в Версале соглашения.

Декрет о созыве на 8 февраля избирателей появился лишь через три дня. Но, принимая все меры, необходимые для приведения в исполнение решений центрального правительства, г. Гамбетта в то же время разослал префектам прилагаемый при сем циркуляр, в котором он приказывал им поддержать настроение среди населения и извещал их о том, что его политическая позиция отнюдь не изменилась. Она остается прежней, — говорится в этом циркуляре, — „война до последней возможности и сопротивление до полного истощения“. Он добавляет при этом, что „Франции необходимо собрание, которое желало бы войны и решилось бы на все для ведения ее“.

Так как делегация по причинам, до сих пор не вполне выясненным, все еще лишена точных сведений о характере соглашений, заключенных в Версале, г. Гамбетта отправил г. Жюлю Фавру прилагаемую при сем телеграмму. На телеграмму эту последовал, тоже прилагаемый, ответ г. Бисмарка. Одновременно с ответом германского канцлера военный министр получил сообщение о договоре относительно перемирия, подписанном 28 января и врученном ген. Шанзи принцем Фридрихом-Карлом.

Вот только каким образом делегация в Бордо была оповещена о заключенном соглашении; при этом она имела возможность убедиться, что г. Жюлем Фавром не были подписаны никакие прелиминарные условия

мира, предусматривающие потерю Эльзаса и Лотарингии, как о том носились слухи на основании частных телеграмм.

До сих пор неизвестно, было ли требование о созыве собрания выставлено г. Бисмарком, или же сам г. Жюль Фавр попросил перемирия, чтобы облегчить созыв этого собрания. Как бы то ни было, во Франции все умеренные партии ликуют по поводу созыва представителей страны для решения ее судеб.

Если требование о созыве собрания исходило от г. Бисмарка, то он оказал Франции, а может быть и делу миру, значительную услугу.

Упомянутые мною умеренные партии благодарны канцлеру за то, что он избавил Францию от унизительного для нее занятия столицы войсками неприятеля.

Примите и пр.

Окунев.

Приложение 1.

Телеграмма. Бордо, [18] 30 января 1871 г.

Г-ну Жюлю Фавру, вице-президенту правительства национальной обороны Парижа, в Версаль. В случае выбытия — послать вслед.

Я получил телеграмму, отправленную вами делегации в Бордо 28 января в 11 час. 15 мин. вечера и достигшую своего назначения 29-го в 3 часа утра; без каких-либо комментариев, лишь заверив ее подлинность, мы ознакомили с ней всю страну. С тех пор нами ничего более не получено. Страна в лихорадочном состоянии; она не может довольствоваться этими тремя строками. Член правительства, о приезде коего вы сообщали и имени которого вы нам не назвали, до сего времени —30 января 2 часа — не дал о себе знать ни по телеграфу, ни иным способом. Между тем мы в состоянии осуществить лишь чисто военное перемирие, соблюдать которое мы обязались, но совершенно лишены возможности, за неимением каких-либо объяснений с вашей стороны и ввиду полной неосведомленности о судьбе Парижа, принимать какие-либо административные меры по созыву избирателей.

Леон Гамбетта.

Приложение 2.

Официальная телеграмма.
Внутренняя — префектам. Бордо, [19] 31 января 1871 г.
Циркуляр. 12 час. 35 мин.

После телеграммы, отправленной вам во второй половине дня, в которой мы просили Версаль дать немедленно притом точные сведения о сущности, размерах и значении заключенного договора, никакого официального сообщения получено не было. Знаем лишь то, что уже было известно сегодня утром. Тем не менее сообщения из-за границы утверждают, что по вопросу о мире никакого соглашения не состоялось. Занятие пруссаками фортов Парижа должно означать, что столица сдалась как военное укрепление; армия и мобили должны будут сложить оружие; местная национальная гвардия остается при оружии.

Заключенная конвенция касается исключительно перемирия, главной целью которого кажется является созыв собрания.

Политика, поддерживаемая и проводимая министром внутренних дел и военным, остается прежней: война до последней возможности, сопротивление до полного истощения. Употребите всю вашу энергию, чтобы поддержать настроение среди населения: время перемирия должно быть использовано для пополнения наших трех армий людьми, снаряжением и продовольствием. В войсках должна быть введена суровая дисциплина; ее необходимо поддерживать всеми силами, действуя в контакте с военными властями. Необходимо тренировать войска ежедневно в течение многих часов, дабы приучить их к условиям войны. Ревизионные советы должны продолжать свою работу, и вся деятельность как организационная, так и по снаряжению не только не должна прерываться, но должна быть доведена до крайнего напряжения.

Необходимо во что бы то ни стало использовать перемирие, и мы можем это сделать. Наконец, даже выборы могут и должны быть использованы. Франции необходимо собрание, которое желало бы войны и решилось бы на все для ее ведения.

Ожидаемый здесь член правительства приедет без сомнения завтра утром. Министр назначил срок, который истекает завтра в 3 часа. Завтра вы получите воззвание к гражданам и все декреты и распоряжения правительства о принятии тех мер, которые, по его мнению, являются необходимыми в условиях настоящего положения. Итак — терпение, мужество, единение и дисциплина!

Да здравствует республика!

Гамбетта.

Приложение 3

Телеграмма. Версаль, [19] 31 января, 12 час.

Г-ну Леону Гамбетте, Бордо.

Ваша телеграмма выбывшему из Версаля г. Жюлю Фавру будет передана ему завтра утром в Париже для сведения. Имею честь сообщить вам следующее: перемирие заключено 28 января и продлится до 19 февраля. Демаркационная линия, разделяющая обе армии, начинается от Pont l'Evêque в департаменте Кальвадосс, проходит по департаменту Орны, огибает занятые немцами департаменты Сарт, Эндры и Луары, Луары и Шеры, Луарэ, Ионны, пересекает территорию департамента Кот-д'Ор, департаментов Ду и Юры; Север, Па-де-Кале и Гавр остаются неприкосновенными.

Аванпосты — в 10 километрах от линии. Перемирие морских сил: все захваченное после 28-го подлежит возврату. Военные действия перед Бельфором, Ду, Юрой и в районе департамента Кот-д'Ор продолжаются до последующего соглашения. Должно быть созвано Национальное собрание; все укрепления Парижа подлежат сдаче; парижская армия является военнопленной, за исключением наличного состава ее, необходимого для поддержания внутреннего порядка. Национальная гвардия не подлежит разоружению. Немецкие войска во время перемирия не войдут в город. Париж снабжается продовольствием. Допускается свободное движение для производства выборов. Дополнительно сообщаю, что форты были сегодня же заняты нашими войсками; выборы кажется назначены на 8-е; собрание откроется в Бордо 12-го. В Париже полное истощение продовольственных запасов. Жители переведены на довольствие запасами немецкой армии. Собрание решит вопрос о войне и об условиях заключения мира.

Подписал Бисмарк.

Приложение 4.

Конвенция.

Графом Бисмарком, канцлером германской конфедерации, от имени его величества императора Германии, короля Пруссии, и г. Жюлем Фавром, министром иностранных дел правительства национальной обороны, согласно данным им законным полномочиям, заключена следующая конвенция.

Пункт 1-й.

Общее перемирие на протяжении всей линии военных действий между немецкими и французскими армиями вступает в силу: для Парижа — сегодня же, а для департаментов — по истечении трех дней. Срок перемирия — 21 день, считая с сего числа; таким образом, если перемирие за это время не будет возобновлено, оно повсеместно закончится 19 февраля в полдень.

Воюющие армии удерживают за собой свои прежние позиции, имеющие быть разделенными демаркационной линией. Линия эта пойдет от Pont l'Evêque через холмы департамента Кальвадосс по направлению к Линьеру; на северо-востоке — от Майенского департамента, между Briour (?) * и Фроментелем, захватывая район Майенского департамента до Линьера. Она пойдет по границе, отделяющей этот епартамент от Орнского и Сартского до северного пункта Маран и далее, обходя занятые немецкими войсками департаменты — Сартский, Эндры и Луары,

---

* Вопросительный знак в подлиннике.

Луары и Шеры, Луарэ, Ионнский — до того восточного пункта Quarré les Tombes, к которому примыкают департаменты Кот-д'Орский, Ньевр и Ионнский.

Дальнейшее проведение демаркационной линии, начиная с этого пункта, откладывается до последующего соглашения, которое имеет быть тотчас же, как только договаривающиеся стороны получат сведения о ходе военных действий в департаментах Кот-д'Ор, Ду и Юрском.

Во всяком случае она пойдет через территорию этих трех департаментов, причем в ведении немецких войск останутся занятые ими северные департаменты этой территории, в ведении же французских войск — южные. Департаменты Северный и Па-де-Кале, крепости Живэ и Лангр с окружающей их территорией на расстоянии 10 километров и Гаврский полуостров до линии, которая начинается от Этрета и пойдет в направлении к Сен-Ромену, остаются вне немецкой оккупации. Обе воюющие армии и передовые отряды как той, так и другой стороны будут находиться в расстоянии по меньшей мере 10 километров от линии, разделяющей их позиции. За каждой из обеих армий сохраняется право поддерживать свою власть на занимаемой ею территории и пользоваться всеми средствами, которые командующие армиями найдут необходимыми для достижения этой цели.

Перемирие равно распространяется и на морские силы обеих стран, причем за демаркационную линию принимается Дюнкирхенский меридиан; французский флот будет держаться к западу от него, немецкие же военные суда, находящиеся в западных водах, тотчас по получении извещения перейдут на восточную сторону.

Вся военная добыча, захваченная после заключения перемирия и до ратификации его, а также и лица, могущие быть взятыми в плен как той, так и другой стороной, подлежат возврату на условиях, которые будут установлены в указанный срок.

Военные действия на территории департаментов Ду, Юры и Кот-д'Ор, а также осада Бельфора продолжаются независимо от перемирия до того момента, когда обеими сторонами будет определена демаркационная линия, проведение коей по территории упомянутых департаментов отложено до последующего соглашения.

Пункт 2-й.

Заключение перемирия имеет целью дать возможность правительству национальной обороны созвать свободно избранное собрание, которому надлежит решить вопрос, должна ли продолжаться война или же на каких условиях должен быть заключен мир.

Собрание будет созвано в г. Бордо. Командующие немецкими армиями окажут всяческое содействие осуществлению выборов и созыву собрания избранных депутатов.

Пункт 3-й.

Французскими военными властями немедленно будет произведена передача немецкой армии всех фортов, находящихся на внешней окружной линии парижской обороны, равно как и всех военных запасов. Коммуны и дома, расположенные за этой окружной линией или между дорогами, могут быть занимаемы немецкими войсками до линии, имеющей быть установленной военными комиссарами. Войскам обеих сторон будет воспрещено пребывание на территории между линией и внутренней крепостной стеной города Парижа. Способ передачи фортов и проведение указанной линии будут определены в дополнительном протоколе к настоящей конвенции.

Пункт 4-й.

В течение действия перемирия немецкая армия не войдет в город Париж.

Пункт 5-й.

С крепостной стены пушки и лафеты будут сняты и перенесены в форты, имеющие быть указанными комиссаром немецкой армии.

Пункт 6-й.

Вооруженные линейные гарнизоны, мобильная гвардия и морские силы фортов и Парижа будут объявлены пленными, за исключением дивизии в 12 тыс. человек, которая останется в ведении военных властей в Париже для несения внутренней службы.

Пленные войска сдадут оружие, которое будет сложено в местах, отведенных для этой цели, в установленном порядке комиссарами и по их указанию. Согласно обычаю, эти войска останутся внутри города и не смогут выходить из его пределов во время перемирия.

Французским властям предлагается следить за тем, чтобы все лица, принадлежащие к армии или мобильной гвардии, безотлучно находились в пределах города.

На всех офицеров пленных войск будет составлен особый список с передачей такового немецким властям. По окончании перемирия все военные, принадлежащие к задержанной в Париже армии, будут переведены на положение военнопленных немецкой армии, в случае если мир не будет до тех пор заключен. Пленные офицеры останутся при оружии.

Пункт 7-й.

Национальная гвардия останется при оружии; на нее будет возложена охрана Парижа и поддержание порядка. То же распространяется и на жандармерию и на войска, несущие муниципальную службу, на республиканскую гвардию, таможенных досмотрщиков и пожарных. Общее количество лиц этой категории не должно превышать 35 тыс. человек.

Все корпуса вольных стрелков будут распущены приказом французского правительства.

Пункт 8-й.

Тотчас после подписания настоящего соглашения и перед фактическим занятием фортов главнокомандующий немецкими армиями окажет всяческое содействие деятельности комиссаров, которые будут посланы французским правительством как по департаментам, так и за границу для заготовки провианта и для подвоза к городу заготовленных для него товаров.

Пункт 9-й.

После передачи фортов, разоружения крепостных стен и гарнизона, согласно статьям 5 и 6, будет допущено беспрепятственное снабжение Парижа как по железнодорожным, так и водным путям. Провиант, предназначенный для этого снабжения, не должен быть приобретаем в местностях, занятых немецкими войсками; французское правительство обязуется производить закупку его за пределами окружающей немецкие армии демаркационной линии, без специального на то разрешения командующего войсками.

Пункт 10-й.

Всякий, кто пожелал бы покинуть Париж, должен быть снабжен официальным пропуском, который выдается французскими военными властями и визируется немецкими передовыми отрядами.

Эти пропуски и визы будут предоставлены по праву кандидатам собрания выборных в провинции и депутатам собрания. Движение лиц, получивших указанное разрешение, будет допускаться только с 6 час. утра до 6 час. вечера.

Пункт 11-й.

Город Париж заплатит муниципальную военную контрибуцию в сумме 200 млн. франков. Этот платеж должен быть произведен до истечения двух недель с момента перемирия. Способ внесения этой суммы будет определен смешанной франко-немецкой комиссией.

Пункт 12-й.

Во время перемирия не будут изъяты никакие общественные ценности, могущие послужить залогом выплаты военной контрибуции.

Пункт 13-й.

Ввоз в Париж оружия, предметов военного снаряжения или материалов, служащих для изготовления их, на время перемирия воспрещается.

Пункт 14-й.

Немедленно будет приступлено к обмену всех военных, взятых в плен французской армией с самого начала войны. С этой целью французские власти представят в кратчайший срок именные списки немецких военнопленных немецким

военным властям в Амьене, Мансе, Орлеане и Везуле. Освобождение немецких военнопленных будет производиться в наиболее приближенных к границе пунктах. Немецкие власти в кратчайший по возможности срок доставят французским военным властям в эти же пункты в обмен такое же количество французских военнопленных соответственных званий.

Обмен распространяется и на гражданских пленных, каковыми являются капитаны судов немецкого торгового флота и интернированные в Германии французские частные граждане.

Пункт 15-й.

При посредстве главной квартиры в Версале между Парижем и департаментами будет организована почтовая пересылка незапечатанных писем.

В удостоверение изложенного нижеподписавшиеся скрепили настоящее соглашение своими подписями и приложением печати.

Заключено в Версале 28 января 1871 г.

Подписали: Бисмарк, Фавр.

Окунев Горчакову.

Донесение № 14. Бордо, 21 января/2 февраля 1871 г.

Г-н канцлер,

В телеграмме, которой г. Жюль Фавр извещал делегацию в Бордо о заключенном в Версале соглашении, не упоминалось об отсрочке вступления перемирия в силу в применении его к восточной армии.

Министр иностранных дел ограничился сообщением о заключении соглашения о прекращении военных действий на срок в 21 день и предлагал делегации выполнить это соглашение. Вследствие этого министром иностранных дел был отдан приказ о прекращении военных действий по всей французской территории.

Однако из текста соглашения в том виде, как он был передан ген. Шанзи принцем Фридрихом-Карлом, следует, что военные операции в департаментах Ду, Юра и Кот-д'Ор, а также осада Бельфора, независимо от перемирия, продолжаются до последующего соглашения относительно демаркационной линии между находящимися там армиями.

С точки зрения немецких военных интересов отсрочка начала перемирия по отношению к восточной армии вполне объяснима. Действительно в то время, когда г. Жюль Фавр вел переговоры в Версале, французская восточная армия под давлением немецких войск была готова отступить. Поэтому и прекращение там военных действий противоречило бы интересам этих последних.

Но конечно приходится пожалеть о том, что г. Жюль Фавр умолчал об особом характере этого перемирия. Г-н Гамбетта немедленно же использовал это умолчание против министра иностранных дел. В декларации, напечатанной им вслед за официальным бюллетенем, он возложил на г. Жюля Фавра ответственность за вызванное его телеграммой ложное ее истолкование и добавил, что последствия такового могут нанести восточной армии непоправимый ущерб.

В то же время делегация обратилась к лондонскому кабинету с ходатайством об его посредничестве, чтобы добиться немедленного прекращения военных действий на востоке.

Однако ввиду того, что армия ген. Бурбаки, находящаяся ныне под командованием ген. Кленшана, уже перешла за это время швейцарскую границу, обращение к лорду Гренвилю уже не сможет повлиять на поло-

жение этой армии. Обращение может иметь значение лишь относительно судьбы Бельфора, где операции еще продолжаются.

Г-н Гамбетта не ограничивается тем, что обвиняет г. Жюля Фавра в том, что сделанным в своей телеграмме упущением он повредил интересам восточной армии, он также упрекает его за то, что он заключил перемирие, не будучи осведомлен о положении воюющих армий в провинции, и согласился на установление демаркационной линии, по которой к Германии отходят и некоторые департаменты, занятые французскими войсками.

Стараясь таким образом всеми возможными средствами дискредитировать министра иностранных дел, г. Гамбетта очевидно рассчитывает сам воспользоваться всеми теми преимуществами, которые при его содействии будут министром утрачены.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Бордо, [22 января] 3 февраля 1871 г.

Шифром: Габриак уполномочен передать пожелание, чтобы правительство, которое будет избрано собранием, было нами признано без промедления *.

Такое же выступление предпринимается и в отношении других правительств. Выборы в Париже и в оккупированных областях будут производиться согласно декрету центрального правительства, который передан равно и в оккупированные департаменты. Декрет делегации не будет отменен **.

Конфликт будет разрешен собранием после проверки полномочий.

Окунев.

Граф Бисмарк князю Рейсу ***.

Версаль, [24 января] 5 февраля 1871 г.

Шифром: Подтверждение депеши № 9. Его величество не возражает против поездки князя Витгенштейна, предполагая, что положение в Париже выяснится до его приезда.

Окунев Горчакову.

Донесение № 15. Бордо, 24 января/5 февраля 1871 г.

Г-н канцлер,

Пользуясь тем, что князь Меттерних задержал отправку курьера, посылаю с ним донесение вашей светлости и считаю нужным передать содержание разговора, который был у меня только что с графом Шодорди.

Уполномоченный по иностранным делам сказал мне, что маркизу де-Габриак поручено обратиться к императорскому кабинету с новым предложением. Цель такового — подготовить для правительства, которое будет избрано предстоящим Национальным собранием, почву для немедленного вступления его в официальные с нами сношения.

---

* Помета Александра II: *„Надлежит прежде знать, что будет представлять собою это правительство"*.

** Помета Александра II: *„Тут следует ожидать милых последствий"*.

*** Немецкий текст.

В день открытия собрания правительство национальной обороны передаст ему всю власть. Первым же действием представителей нации, — сказал мне г. Шодорди, — будет избрание нового правительства. Это правительство явится повидимому исполнительным советом, председатель которого будет намечен собранием.

Если собрание выскажется за мир, то на долю названного правительства выпадет ведение переговоров с Германией, в противном же случае — дальнейшее ведение войны. Обязанностью нового правительства будет также назначить полномочного представителя на лондонскую конференцию. Поэтому правительству в высшей степени необходимо безотлагательное допущение к официальным сношениям с великими державами; хотя теперешнему правительству и не присвоено право предпринимать формальные выступления, имеющие целью заручиться для своих преемников признанием их со стороны различных кабинетов, оно все же полагает необходимым оказать последнюю услугу Франции, подготовляя почву для этого признания.

Именно это и побудило его предпринять упомянутое выступление.

Сообщая мне о вышеизложенном, граф де Шодорди просил меня довести наш разговор до сведения вашего сиятельства, прибавив при этом, что такое же обращение адресовано и другим правительствам.

Примите и пр.

Окунев

Окунев Горчакову.

Бордо, 24 января/5 февраля 1871 г.

Донесение № 16.

Г-н канцлер,

Член парижского правительства, об отъезде коего уведомлял г. Жюль Фавр, прибыл сюда 1 февраля. Это — г. Жюль Симон.

Ему поручено подробно ознакомить делегацию с условиями капитуляции и с соглашением о перемирии.

Центральное правительство избрало для выполнения этой задачи г. Жюль Симона вследствие того, что он является соединительным звеном между умеренными и крайними членами данного правительства.

Как я уже имел честь сообщить вашему сиятельству телеграммой, г. Жюль Симон привез между прочим и декрет центрального правительства о выборах. Декрет этот, который был опубликован в Париже, но текст которого был еще неизвестен здесь, кажется находится в полном противоречии с декретом делегации в Бордо [24]. Все противоречащие последнему положения в нем отменены, за исключением пункта о лишении префекта права быть избираемым в управляемом им департаменте.

Делегату парижского правительства поручено проведение в жизнь этого декрета во всех незанятых немецкими войсками департаментах. Но он не мог добиться от г. Гамбетты отмены декрета, опубликованного делегацией, так что в настоящее время налицо два избирательных закона, и между делегацией в Бордо и центральным правительством — разногласие.

Конфликт этот с минуты на минуту может приобрести неоспоримую серьезность, если г. Гамбетта примет крайнее решение и, отделившись от своих коллег, станет во главе крайней республиканской партии.

В таком случае он нашел бы вполне готовую почву для гражданской войны на юге Франции.

Желание избежать этой опасности кажется побуждает центральное правительство действовать со всей осторожностью, дабы достигнуть соглашения.

По словам графа Шодорди, декрет делегации не будет отменен, конфликт же будет разрешен следующим образом.

Выборы в Париже и в оккупированных немецкими войсками областях будут производиться сообразно положениям декрета центрального правительства, который один лишь и был опубликован в этой части Франции. Правительственный вестник („Le Journal Officiel"), содержащий этот декрет, будет по приказу центрального правительства разослан также и по неоккупированным департаментам, где следовательно налицо окажутся два закона. Выборы, произведенные в этих департаментах в соответствии с парижским декретом и в противоречии с декретом делегации, вероятно будут утверждены Национальным собранием, которое, по всей видимости, признает законную силу лишь за парижским декретом.

Если граф де Шодорди правильно осведомил меня, члены центрального правительства также намерены покинуть Париж, чтобы быть в Бордо в день открытия Национального собрания.

Между тем протесты против избирательного декрета делегации день ото дня все усиливаются. Г-н Гамбетта постарался использовать протест, присланный ему графом Бисмарком, заявив в новом воззвании, что протесты эти оправдывают устанавливаемое декретом от 31 января исключение приверженцев империи, которых он называет союзниками Пруссии.

Примите и пр.

P. S. В важнейших газетах в Бордо опубликовано письмо г. Жюля Симона, которым он доводит до сведения населения те положения декрета о выборах, изданного парижским правительством, которые находятся в противоречии с декретом делегации.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Бордо, [26 января] 18 февраля 1871 г.

Шифром: Избирательный декрет делегации в Бордо отменен парижским правительством. Гамбетта заменен Араго [25] *.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 19. Бордо, 27 января/8 февраля 1871 г.

Г. канцлер,

Конфликт между делегацией в Бордо и центральным правительством, о котором я сообщал в моих предыдущих донесениях, закончился отставкой Гамбетты; такое разрешение вопроса не было предусмотрено.

Вообще полагали, что изданный в Бордо избирательный декрет не будет отменен и что Национальное собрание займется решением вопроса о несовместимых положениях обоих декретов.

---

* Помета Александра II: *„Думаю, что один другого стоит"*.

Но ввиду поступления отовсюду все более и более значительных протестов парижское правительство сочло необходимым уступить давлению общественного мнения и выявить свою власть отменой бордоского декрета.

Ввиду того, что входящие в состав делегации коллеги г. Гамбетты присоединились к решениям, принятым центральным правительством, министр военных и внутренних дел остался в одиночестве. Тогда он подал заявление о своей отставке, которая и была принята. Функции его были переданы г. Эммануилу Араго.

Шифром: Окружающие Гамбетту лица настаивают на том, чтобы он встал во главе партии действия в Лионе или Марселе. Если мои сведения правильны, он до сих пор отклонял эти настояния и выразил желание ограничиться легальной оппозицией собранию в качестве главы партии войны до последней возможности.

Большинство членов парижского правительства прибыло в Бордо. В столице остались только следующие лица: ген. Трошю, г. Жюль Фавр, г. Пикар и г. Ферри.

Примите и пр.

Окунев.

Граф Бисмарк князю Рейсу *.

Версаль, [29 января] 10 февраля 1871 г.

Шифром: Донесение получено. В течение перемирия мы разрешаем всем желающим въезд в Париж, но французские власти отказывают в пропуске. Что нам нежелательно — это задержки посторонних в Версале, где нам становятся в тягость те проезжающие, которые не могут попасть в Париж. Поэтому не выдавайте никаких пропусков на Версаль, не запросив его величество.

Поверенный в делах в Берлине Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [29 января] 10 февраля 1871 г. 5 час. вечера.

Шифром: Для графа Шувалова [26]. Обрезков пишет, что Ярослав Домбровский [27], бывший русский офицер, освобожденный Араго и выехавший из Парижа, будет стараться тайно перейти нашу границу. Два брата Вилькоцевские (?) **, русские подделыватели документов, равно освобождены Араго ***.

Горчаков.

Посол в Лондоне [28] *Горчакову.*

Телеграмма. Лондон, [6] 18 февраля 1871 г.

Шифром: Лайонс (Lyons) [29] доносит об образовании правительства под председательством Тьера. Ему предоставлен выбор министров. Англия при-

---

* Немецкий текст.

** Вопросительный знак в подлиннике. Очевидно, братья Вилькошевские, Жозеф и Этьен (см. стр. 147).

*** На телеграфном бланке канцелярская помета: „Копия была послана графу Шувалову 30 января утром".

знает правительство немедленно. Гренвиль только что сказал мне об этом. Лайонс тотчас получит новые верительные грамоты в качестве посла *.

Бруннов.

Маркиз Габриак г. Шодорди в Бордо.

С-Петербург, [6] 18 февраля 1871 г.

Шифром: Для г. Тьера[30]. Конфиденциально. Не имея возможности явиться к князю Горчакову впредь до получения соответствующего официального уведомления о сформировании нашего нового правительства, я считал полезным ввиду нынешних чрезвычайных обстоятельств просить барона Жомини добиться у канцлера возможно более быстрого признания правительства, назначенного Национальным собранием, а также нового демарша императора Александра перед королем Вильгельмом, чтобы добиться, если возможно, смягчения крайне тяжелых условий, которые нам повидимому хотят навязать.

Я настаивал на добрых услугах, которые оказывала нам до сих пор Англия, и указал на важность для будущих добрых отношений между Францией и Россией необходимости действовать быстро ввиду короткого срока перемирия.

Теперь или никогда можно показать нам свое благорасположение. Г-н Жомини понял это и расстался со мною, чтобы немедленно говорить об этом с князем Горчаковым.

Мне кажется, что касается его лично, он не сомневается в официальном признании нашего нового правительства Россией; он удовлетворен фактом огромного большинства, которое получила на выборах во Франции умеренная партия.

Сверх того я получил от него подтверждение того факта, который я установил конфиденциальным путем несколько дней назад, а именно, что император Александр еще раз рекомендовал королю Вильгельму умеренность.

Г-н Румбольд лорду Гренвилю **.

С.-Петербург, [9] 21 февраля 1871 г.

Шифром: Конфиденциально. Только что я узнал, что князь Горчаков, осведомленный, будто г. Фавр объявил, что в случае неприемлемости (одно слово не расшифровано) условий мира он прибегнет к обращению к Европе, посоветовал французскому правительству не избирать подобного пути, но сделать все возможное, чтобы самим закончить переговоры с Пруссией.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру.

С.-Петербург, [9] 21 февраля 1871 г.

Шифром: Конфиденциально. Говорят, будто бы Березовский[31], покушавшийся на императора Александра, помилован министром юстиции Кремье незадолго до оставления им министерства юстиции.

---

* Резолюция Александра II: *„Я не вижу необходимости обнаружить ту же поспешность, но Окунев сможет быть аккредитован, когда мы получим официальное уведомление от нового правительства, которое я не могу рассматривать иначе как временное“.*

** Помета шифровального отделения: „перевод“.

Если сообщение об этом решении подтвердится, оно произведет здесь очень скверное впечатление.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру.

С.-Петербург, [12] 24 февраля 1871 г.

Шифром: Позвольте даже в этот момент наших печальных (одно слово не расшифровано) настаивать на дурном впечатлении, которое производит здесь до сих пор не опровергнутое сообщение о помиловании лица, покушавшегося на императора Александра. Мы не могли сделать ничего, что больше повредило бы здесь интересам Франции, несмотря на отставку и непереизбрание министра, принявшего эту меру.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [13] 25 февраля 1871 г.

Шифром: Сегодня, 25-го, я получил и тотчас передал князю Горчакову телеграмму от 23-го числа 7 час. вечера, а также письмо г. Тьера.

Канцлер уполномочил меня официально и прямо передать вашему превосходительству, что, хотя император решил признать всякое правительство, которое будет порождено национальной волей во Франции, он делает это с тем большим удовольствием, что теперь облекается властью г. Тьер.

Что касается условий, которые Пруссия хочет нам навязать, князь Горчаков без труда признал огромность размеров военной контрибуции *. Однако он не хотел сказать мне ничего более ясного впредь до получения распоряжений от императора, к которому он отправился сообщить вашу телеграмму и письмо г. Тьера.

Мне кажется, что он был тронут сообщением, которое я был уполномочен ему сделать, несмотря на ту форму, в которую оно облечено. Но он сказал мне, что нужно предварительно знать все мирные условия в целом, которые Пруссия хочет нам навязать, чтобы император мог предпринять какие-нибудь новые шаги перед королем Вильгельмом.

Тем не менее, я думаю, что, несмотря на эту оговорку, князь Горчаков приложит усилия, чтобы добиться от его величества настойчивых демаршей перед его дядей.

Это будет единственный путь, на котором можно преуспеть в тот момент, когда Россия решила не занимать угрожающего положения.

Маркиз Гибриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [13] 25 февраля 1871 г.

Шифром: Сейчас получил вашу телеграмму от 24-го [32]. Телеграфные сообщения были прерваны вследствие снежных заносов, так что письмо г. Тьера до меня дошло только сегодня через Одессу и Варшаву. Я вам ответил на него, не теряя ни минуты, тотчас после того как видел Горчакова.

Я только что снова настаивал перед ним на важности демарша, ко-

---

* На полях карандашом вопросительный знак.

торый мы просим у России. Моя телеграмма от сегодняшнего утра адресована в копиях в Париж и в Бордо и зашифрована двумя разными таблицами.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [14] 26 февраля 1871 г.

Шифром: Только что снова видел князя Горчакова. Вчера, тотчас после получения письма г. Тьера, он послал его императору, так же как и мою вечернюю записку, которую я написал, настаивая ввиду истечения срока перемирия на необходимости немедленного демарша перед Версалем.

Согласно нескольким ответным строкам, адресованным императором канцлеру, его величество будто бы одушевлен благоприятными для нас намерениями, но Горчаков не хотел мне сказать, какое решение император принял.

Зная крайнюю осторожность канцлера относительно того, что касается действий его государя, мне представляется возможным полагать, что его величество телеграфирует своему дяде, но я убежден, как был убежден и раньше, что, поскольку сила является единственным аргументом, принятым сейчас в немецком главном штабе, там теперь будут считаться не больше, чем считались раньше, с советами России или других нейтральных держав.

Граф Шодорди маркизу Габриаку в С.-Петербург.

Бордо, [14] 26 февраля 1871 г.

Шифром: Благоволите официальным образом категорически опровергнуть распространившиеся слухи, будто Березовский был помилован. Г-н Кремье, так же как и новое правительство, отверг всякие на этот счет ходатайства.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Париж, [14] 26 февраля 1871 г.

Шифром: Необходимо, чтобы вы знали раньше, чем совершится... (не расшифровано одно слово), которое принуждает нас подписать жестокое требование победителя.

Франция не может больше сопротивляться. Пруссия злоупотребляет этим, она потребовала от нас сказочной цифры — 6 миллиардов военных издержек и, несмотря на настояния г. Тьера и мои, сократила свои требования только на 1 миллиард; таким образом заплатить ей надо будет 5 миллиардов в течение трех лет.

Это означает разорение нашей страны, но нож приставлен к ее горлу. Она может только покориться, потому что, если сегодня вечером прелиминарные условия мира не будут подписаны, систематический грабеж, научно поставленное разграбление распространится по всей Франции.

Более того, Пруссия хочет оккупировать один квартал Парижа. Королю нужно пообедать в Тюльери [33], и для этой фантазии он рискует спасением великого государства и общим миром.

Я знаю, что общественное мнение в Англии и в Австрии энергично

высказывается против этих насилий. Постарайтесь, прошу вас, дать понять князю Горчакову, до какой степени они зависят от инертности великих держав и какой интерес державы имеют в их прекращении.

Следовало бы, чтобы державы воспользовались конференцией, чтобы сделать коллективно декларацию. (Одно слово не расшифровано) там приготовить умы. Если прелиминарные условия мира, которые мы подпишем сегодня вечером, будут аппробированы, мы начнем переговоры об окончательном мире. Мы будем нуждаться в поддержке. Я был бы счастлив, если бы Россия воспротивилась (одно слово не расшифровано) победителя и помогла бы нам его умерить. Она во многом может воздействовать на Пруссию.

Прошу вас передать благодарность Горчакову за официальное признание, которое он нам передал. Я придаю огромную цену его добрым услугам и надеюсь, что он соблаговолит поддержать нас на том трудном пути, на который мы вступили.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [15] 27 февраля 1871 г.

Шифром: Горчаков просил меня зайти к нему сегодня утром, чтобы сказать мне, что император Александр тотчас по получении письма г. Тьера и ходатайства о поддержке, которое я адресовал канцлеру, поспешил сообщить в Версаль свою надежду, что мир не задержится из-за простого вопроса о деньгах.

Он прибавил сверх того, что его величество только что узнал, что прелиминарный мир подписан, и выражал сожаление, что его советы пришли слишком поздно.

Я ответил г. канцлеру просьбой передать императору мои личные чувства в ожидании того, что я смогу передать чувства моего правительства.

Затем я передал князю большую часть вашей телеграммы от 26-го, которую я получил сегодня утром в 6 час. Канцлер был повидимому тронут тем, что вы просили меня ему передать в конце вашей телеграммы. „Я не имею чести лично знать г. Жюля Фавра, — сказал он мне, — но должен признать, что та отважная манера, с которой он держится в этом ужасном кризисе, вызывает у меня самое глубокое уважение к его личности и к его характеру“.

Я поспешил прибавить к этим словам канцлера, что в наших нынешних обстоятельствах требуется конечно много больше мужества для того, чтобы пойти во имя своей страны на печальные жертвы, к которым мы принуждены врагом, чем рисковать своей жизнью на поле битвы. Горчаков полностью одобрил мои мысли.

Затем я сказал ему о том, что удобно было бы в конце лондонской конференции организовать коллективную декларацию в нашу пользу, но канцлер кажется к этому не очень расположенным. Он стремится прежде всего покончить с этим делом, которое причинило ему много забот. Однако он не отказал категорически в принятии этой идеи, к которой возможно будет возвратиться позже.

Затем князь сказал мне, что он получил от Окунева телеграмму, опровергающую слухи об освобождении Березовского. Я ответил ему выра-

жением своей благодарности за то, что он ничего мне не говорил раньше об этом, и прибавил, что, привыкши ставить вопросы чести выше всех других, я немедленно телеграфировал вашему превосходительству с просьбой уведомить меня об этом факте. Я счастлив возможностью сообщить ему официально, что этот слух не был обоснован, в чем я никогда не сомневался, зная воодушевляющие ваше превосходительство чувства, которым Горчаков только что воздал такую высокую честь.

Канцлер был повидимому тронут этими словами и просил меня передать г. Тьеру и вам, что он сделает все возможное для энергичной защиты дела Франции.

Говоря так, князь был искренен, и я сделаю все, чтобы поддержать его в его добрых намерениях; но мы не должны сохранять иллюзий относительно шансов на содействие держав, которые позволят нас раздавить так, что никакой голос не поднимется в нашу защиту.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Бордо, [16] 28 февраля 1871 г.

Шифром: Жюль Фавр, оставшийся в Париже, телеграфирует, что грядущее вступление немцев вызывает там большое возбуждение. Можно бояться столкновений. Если прелиминарные условия мира будут ратифицированы немедленно, он надеется, что оккупация может быть избегнута, потому что генеральный штаб отдает себе отчет в серьезности положения.

Окунев.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Париж, [17 февраля] 1 марта 1871 г.

Шифром: Вашего письма, переданного для меня через князя Витгенштейна с датой 21 февраля, я не получил. Получение ваших телеграмм подтвердил своей вчерашней телеграммой.

Сегодня в 9 час. утра пруссаки, согласно договору, перешли наши заграждения и заняли Елисейские поля. Париж спокоен, по крайней мере внешне. С минуты на минуту я ожидаю санкции собрания.

Новости, которые я получаю из Лондона и из Флоренции, доказывают, что огромная сумма контрибуции произвела очень большое впечатление. Английские банкиры, как говорят, проявляют большую готовность помочь нам освободиться как можно скорее от навязанной нам оккупации.

Я думаю, что по случаю этих не поддающихся определению унижений, которым нас подвергло злоупотребление победой, не будет неудобно подтвердить коллективной декларацией нейтральных держав тот протест, который наш посол огласит на лондонской конференции.

Если князь Горчаков воспротивится* подобной мере, не следует настаивать, хорошо только будет привлечь его внимание к этому вопросу и сказать ему, что согласно будущей ситуации Франция станет поддерживать права Европы на сохранение трактатов и на покровительство праву против злоупотреблений силой**.

---

* Слово „воспротивится" подчеркнуто Александром II, и на полях приписано его рукой: „*Что касается меня, конечно*".

** Последний абзац очеркнут Александром II, и на полях приписано его рукой: „*Им то уж очень пристало вести такие речи*".

Окунев Горчакову.

Донесение № 36. Бордо, 18 февраля/2 марта 1871 г.
2 приложения.

Г-н канцлер,

Прелиминарные условия мира, подписанные в Версале 26 февраля, были сообщены собранию в заседании, состоявшемся на третий день после того, главой исполнительной власти.

Имею честь представить при сем вашему сиятельству вырезки из „Moniteur'a“ [34], содержащие в себе прелиминарные условия, а также доклад комиссии, которой было поручено рассмотреть законопроект для ратификации упомянутого соглашения *.

Доклад комиссии содержит в себе подробности о переговорах, которые правительство нашло возможным огласить.

Версальская конвенция сохранялась в тайне до приезда в Бордо г. Тьера.

Собрание, которому совершенно не были известны поставленные немцами условия, приняло правительственное сообщение с чувством скорби, проявившимся на всех скамьях.

Не меньшее уныние охватило и публику.

Несмотря на то, что все уже были подготовлены к бедственному миру, некоторые иллюзии все же оставались. Кажется думали, что Мец останется за Францией, что вознаграждение военных убытков не будет столь велико и что Париж будет избавлен от неприятельской оккупации. Чтение прелиминарий рассеяло эти иллюзии.

Ввиду того, что часть Парижа (квартал Елисейских полей) подлежала освобождению от оккупации с момента ратификации конвенции собранием, г. Тьер просил рассмотреть законопроект, имеющий целью утвердить заключенное соглашение, в порядке крайней срочности.

Помимо желания по возможности облегчить испытание, выпавшее на долю Парижа, еще и другие соображения величайшей важности вынуждали главу исполнительной власти просить собрание ограничиться кратким рассмотрением положения и поспешить, насколько возможно, с ратификацией.

Действительно телеграмма г. Жюля Фавра, доставленная г. Тьеру во время заседания, извещала его о том, что объявление о предстоящем вступлении немецких войск в Париж вызвало там сильное волнение. В кварталах Монмартра и Бельвиля были сооружены баррикады. Национальная гвардия захватила некоторое количество пушек, намереваясь поместить их на вал. Кроме того тревожные симптомы проявились среди военных моряков, которые казалось тоже намеревались присоединиться к жителям предместий, чтобы силой оружия воспротивиться вступлению немецких войск.

Несмотря на то, что ген. Винуа [35] — комендант Парижа — приложил все усилия, чтобы предотвратить опасность, столкновение, по мнению г. Жюля Фавра, было возможно. Министр иностранных дел добавлял в своей телеграмме, что находящаяся в Версале главная квартира, вполне отдавая себе отчет в серьезности положения, как будто склонна отказаться от вступления армии в Париж при условии немедленной ратификации прелиминарных условий мира.

---

* См. ниже, приложения 1 и 2.

Телеграмма эта, конфиденциально сообщенная главнейшим депутатам, склонила большинство решительным образом воспротивиться желанию г. Гамбетты и левых радикалов, которые требовали, чтобы проект этот был передан на следующий день на рассмотрение бюро.

Безотлагательность рассмотрения была принята значительным большинством, так как собрание учло гибельные для судьбы столицы последствия, которые могли быть вызваны столкновением между немецкими войсками и парижским населением.

Прелиминарные условия мира были ратифицированы собранием в заседании его на следующий день большинством 547 против 107. Если считать, что из этой последней цифры 40 голосов принадлежит депутатам из присоединенных к Германии департаментов, то выходит, что против голосовали только какие-нибудь 60 человек крайней левой. Против договора высказывались одни лишь члены этой партии. Посредственность их речей только увеличила уже имевшее место недоверие к ним.

Эти речи заставили г. Тьера выйти на трибуну и предложить собранию высказаться за проект закона. Его исполненная патриотизма речь, произнесенная голосом, прерывавшимся от слез, которые он не был в состоянии удержать, произвела на собрание глубокое впечатление и побудила присоединиться нерешительных.

По окончании заседания глава исполнительной власти послал г. Жюлю Фавру телеграмму, прося его довести до сведения графа Бисмарка результаты голосования собрания. В тот же вечер ратифицированные прелиминарные условия мира были отправлены в Париж. Они были получены там сегодня утром, и теперь надеются, что немецкие войска вечером покинут столицу.

По сведениям, полученным правительством сегодня, вступление немецкой оккупационной армии произошло вчера; оно не вызвало никаких столкновений. Таким образом опасения г. Жюля Фавра до настоящего момента не оправдались.

Пока в Версале продолжались мирные переговоры, собрание старалось в своих комиссиях ознакомиться с военным и финансовым положением Франции. Рассмотрение этого вопроса показало депутатам полную невозможность для страны продолжать ведение войны с какими-либо шансами на успех и побудило большинство утвердить принятые г. Тьером и г. Жюлем Фавром условия. Собрание знало, что условия эти являются лучшими из всего, чего только могла достичь Франция в том приниженном состоянии, в какое она была поставлена своим поражением.

Во время этого заседания произошел следующий инцидент. Мозельский депутат г. Бамбергер заявил, что договор, предложенный палате, заслуживает быть подписанным Наполеоном III, дабы император был пригвожден к позорному столбу истории. Г-н Конти, бывший личный секретарь его величества, депутат Корсики, поднялся, чтобы протестовать и выступить в защиту низвергнутого строя. Это вызвало неописуемый шум. Пришлось прервать заседание; по возобновлении его было внесено предложение подтвердить низложение Наполеона III и его династии и объявить императора ответственным за постигшее Францию разорение, вторжение неприятеля и отделение части ее территории. Предложение о вотировании низвержения было принято единодушно, за исключением нескольких голосов. Этой бурной манифестации конечно в собрании не

произошло бы, если бы г. Конти не счел себя обязанным выступить с возражением на слова, произнесенные г. Бамбергером.

Примите и пр.

Окунев.

Приложение 1.

Сообщение правительства.

Президент. Слово принадлежит главе исполнительной власти (глубокая тишина).

Тьер — глава исполнительной власти, председатель совета министров. Господа, вы возложили на меня тяжелую обязанность. Все, что только было в моих силах, все, что было в силах моего уважаемого коллеги г. Жюля Фавра, — мы все сделали, чтобы показать себя достойными вас, достойными нашей страны. Впрочем комиссия, посланная вами совместно с нами в Париж, видевшая все, что там происходило, бывшая свидетельницей всех наших стараний, всех наших огорчений, позднее выступит перед нами с разъяснением. Я же пока ограничусь тем, что прочту следующий, предлагаемый нами проект.

Я прошу вашего разрешения поручить одному из наших коллег прочесть текст договора. Горя нетерпением скорее оказаться среди вас, я не имел ни минуты отдыха.

Вот текст законопроекта.

Глава исполнительной власти Французской республики предлагает Национальному собранию законопроект, текст коего следующий:

«Национальное собрание, учитывая последствия событий, возникших не по его вине, одобряет прелиминарные условия мира, текст коих прилагается, подписанные в Версале 26 февраля 1871 г. главой исполнительной власти и министром иностранных дел Французской республики, с одной стороны, и с другой стороны — германским канцлером графом Отто Бисмарком Шенгаузеном, государственным статс-секретарем и министром иностранных дел его величества короля Баварского, министром иностранных дел его величества короля Вюртембергского и статс-секретарем, представителем его величества великого герцога Баденского, и уполномочивает главу исполнительной власти и министра иностранных дел обменяться ратификациями.

Текст прочитанных в Национальном собрании прелиминарных условий мира, подлинный акт коих остается в архиве министерства иностранных дел.

Глава исполнительной власти Французской республики А. Тьер.

За министра иностранных дел Дюфор.

Прошу палату признать вопрос срочным. В силу крайне серьезных обстоятельств требуется, чтобы мы произвели обмен ратификациями с возможно меньшей потерей времени. Обмен этот послужит сигналом к возвращению наших пленных и к эвакуации большей части нашей территории, включая сюда и Париж. (Продолжительное волнение.)

Г-н Бартелеми Сент-Илер читает текст прелиминарных условий мира, составленный следующим образом:

„Глава исполнительной власти Французской республики г. Тьер и министр иностранных дел г. Жюль Фавр, представители Франции, с одной стороны, и с другой — имперский германский канцлер граф Отто Бисмарк Шенгаузен, полномочный представитель его величества императора Германии, короля Пруссии, статс-секретарь и министр иностранных дел его величества короля Баварского граф Отто Брей-Стейнбург, министр иностранных дел его величества короля Вюртембергского барон Август Вахтер, статс-секретарь, председатель совета министров его величества великого герцога Баденского — представители Германской империи.

По проверке полномочий обеих договаривающихся сторон, оказавшихся в полном порядке, было заключено следующее соглашение, являющееся прелиминарными условиями для окончательного мира, имеющего быть заключенным впоследствии.

Пункт 1-й. Франция отказывается в пользу Германской империи от всех своих прав на территории, расположенные к востоку от указанной далее границы“.

— Я не буду читать, — сказал уважаемый член собрания, — списка территорий, перечисляемых в пункте 1-м. Он занимает две страницы и может лишь внести путаницу в умы. Я скажу лишь кратко, что за нами остается четыре пятых Лотарингии, в Эльзасе за нами сохраняется Бельфор. К несчастью, в Лотарингии мы теряем Мец. (Движение.) Я должен добавить, что содержащееся в пункте 1-м разграничение еще не является окончательным. Вот заключение первого пункта и следующие пункты:

«Германская империя получает эти территории в вечное владение. Международной комиссии, составленной из представителей высоких договаривающихся сторон, в равном количестве от каждой из них, будет поручено, тотчас же после обмена ратификациями настоящего договора, проведение по территории намеченной новой границы сообразно положениям предыдущего пункта.

Эта комиссия озаботится разделом поместий и капиталов, находившихся до настоящего времени во владении департаментов или коммун, разъединенных новой пограничной линией; в случае разногласия по поводу плана и приведения его в исполнение члены комиссии имеют снестись со своим правительством. Пограничная линия в том виде, как она здесь описана, нанесена зеленым на оба заверенные экземпляра карты территории, образующей область Эльзаса, изданной в Берлине в сентябре 1870 г. географическим и статистическим отделением при генеральном штабе; к обоим изданиям настоящего договора будет приложено по одному экземпляру таковой карты.

Однако указанный чертеж подвергся следующим изменениям по соглашению обеих договаривающихся сторон. В прежнем Мозельском департаменте деревни Мари-о-Шен, около Сен-Прива-ля-Монтань и Вионвиля, на запад от Безонвиля, будут переданы Германии. Напротив того, город и укрепление Бельфора с некоторой окружающей его территорией, имеющей быть очерченной позднее, останутся за Францией.

Пункт 2-й. Франция уплатит его величеству императору Германии сумму в 5 миллиардов франков. (Движение.)

Уплата по меньшей мере 1 миллиарда франков должна быть произведена в течение 1871 г., уплата же остающейся части долга — в течение трех лет со времени ратификации.

Пункт 3-й. Очищение французской территории, занятой немецкими войсками, начнется после ратификации настоящего договора Национальным собранием, пребывающим в Бордо.

Немедленно после ратификации немецкие войска покинут как самый Париж, так форты его, расположенные на левом берегу Сены. В кратчайший по возможности срок, установленный по соглашению военных властей обеих сторон, они совершенно очистят департаменты Кальвадосс, Орны, Сарт, Эры и Луары, Луарэ, Луары и Шеры, Эндры и Луары, Ионны и кроме того департаменты Нижней Сены, Эры, Сены и Уазы, Сены и Марны, Обский и Кот-д'Орский до левого берега Сены. Французские войска в то же время отойдут за Луару, переход через которую будет им воспрещен до подписания договора об окончательном мире. Этот порядок не распространяется на парижский гарнизон, численность коего не может превышать 40 тыс. чел., и на гарнизоны, небходимые для охраны укрепленных мест.

Очищение немецкими войсками департаментов, расположенных между правым берегом Сены и восточной границей, будет производиться постепенно после ратификации окончательного мирного договора и уплаты полумиллиарда контрибуции, установленной пунктом 2-м; оно начнется с департаментов наиболее близких к Парижу и будет производиться далее по мере уплаты контрибуции; при первом взносе в полмиллиарда будут выведены войска из следующих департаментов: Соммы, Уазы и частично из департаментов нижней Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, расположенных на правом берегу Сены, а также будут очищены часть департамента Сены и форты, расположенные на правом берегу.

После уплаты 2 миллиардов оккупированными останутся лишь департаменты Марны, Арденнский, Верхней Марны, Маасский, Вогезский, Мертский, а также крепость Бельфор и прилегающая к ней территория, которые послужат залогом 3 миллиардов и в коих численность немецких войск не превысит 50 тыс. человек.

Его величество император соглашается допустить замену территориальной гарантии, состоящей в частичной оккупации французской территории, финансовой гарантией, если таковая будет предложена французским правительством на усло-

виях, которые его величество император и король признает соответствующими в достаточной степени интересам Германии. С момента ратификации настоящей конвенции на три миллиарда, уплата коих будет отсрочена, будут начисляться проценты в размере 5.

Пункт 4-й. В оккупированных департаментах немецкие войска воздержатся от производства каких-либо реквизиций как денежных, так и натурой. Продовольствие же остающихся во Франции немецких войск будет производиться за счет французского правительства по норме, установленной по соглашению с немецким военным интендантством.

Пункт 5. По утверждении условий окончательного мира интересы жителей, уступленных Францией территорий во всем, что касается их торговли, их гражданских прав, будут по возможности урегулированы самым благоприятным для них образом.

Для этой цели будет установлен определенный срок, во время коего им будут предоставлены особые льготы для свободного обращения продуктов их производства. Немецкое правительство не станет чинить никаких препятствий добровольной эмиграции жителей уступленных территорий и обязуется не принимать никаких мер, нарушающих их личные или имущественные интересы.

Пункт 6-й. Военнопленные, не подвергшиеся еще обмену, будут возвращены тотчас же после ратификации настоящих прелиминарных условий.

Для ускорения транспортирования французских пленных французское правительство обязуется доставлять в распоряжение немецких властей на немецкую территорию часть своего подвижного железнодорожного состава в количестве, которое будет определено отдельными соглашениями, и по цене, установленной во Франции французским правительством для военного транспорта.

Пункт 7-й. Переговоры относительно договора об окончательном мире, имеющем быть заключенным на основе настоящих прелиминарных условий, откроются в Брюсселе немедленно после ратификации последних Национальным собранием и его величеством императором Германии.

Пункт 8-й. После заключения и ратификации окончательного мирного договора управление департаментами, которые еще должны остаться оккупированными немецкими войсками, будет передано французским властям. Последним однако надлежит согласовывать свою деятельность с теми распоряжениями, которые командующие немецкими войсками найдут нужным отдать в интересах безопасности размещения войск и обеспечения их довольствием.

После ратификации настоящего договора взимание налогов в оккупированных областях будет производиться французским правительством с помощью его чиновников.

Пункт 9-й. Данными прелиминарными условиями немецким военным властям, разумеется, не предоставляется никаких прав на те части французской территории, которые ими в настоящее время не заняты.

Пункт 10-й. Настоящие условия будут немедленно представлены на ратификацию французскому Национальному собранию в Бордо и его величеству германскому императору.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся скрепили настоящий прелиминарный договор своими подписями и приложением своих печатей.

Заключено в Версале 26 февраля 1871 г.

Подписали: А. Тьер, Бисмарк, Жюль Фавр.

Ввиду того, что Баварское и Вюртембергское королевства и великое герцогство Баденское участвовали в настоящей войне в качестве союзников Пруссии и в настоящее время входят в состав Германской империи, нижеподписавшиеся присоединяются от имени своих государей к настоящей конвенции.

Версаль, 26 февраля 1871 г.

Граф Брей-Стейнбург, барон Вахтер, Миттнахт Жолли

С подлинным верно: министр иностранных дел Жюль Фавр.

Нижеподписавшимися полномочными представителями Германской империи и Французской республики была заключена следующая конвенция.

Пункт 1-й. Для облегчения ратификации прелиминарных мирных условий, заключенных сего дня нижеподписавшимися, перемирие, установленное конвенциями от 28 января и 15 февраля, продолжено до 12 марта.

Пункт 2-й. Продолжение срока перемирия не относится к пункту 4-му конвенции от 28 января, который имеет быть заменен следующими условиями по соглашению нижеподписавшихся.

Часть города Парижа, расположенная в черте города между Сеной, улицей предместья Сент-Оноре и авеню Терн, будет оккупирована немецкими войсками, численность коих не должна превышать 30 тыс. человек. Способ оккупации и размещения по квартирам немецких войск в этой части города будет установлен по соглашению двух штаб-офицеров обеих армий, и доступ туда на все время оккупации будет воспрещен как войскам, так и национальной гвардии.

Пункт 3-й. Немецкие войска воздержатся в будущем от взимания в оккупированных территориях денежных контрибуций. Контрибуции, не выплаченные еще сполна, будут законным образом аннулированы; те же взносы по ним, которые будут произведены в будущем в силу незнания данного соглашения, имеют быть возмещены. Государственные же налоги будут попрежнему взиматься в оккупированной территории немецкими войсками.

Пункт 4-й. За обеими договаривающимися сторонами сохраняется право, начиная с 3 марта, отказаться по своему усмотрению от перемирия с правом возобновления в случае надобности военных действий по истечении трех дней со времени заявки.

Заключено и утверждено в Версале 26 февраля 1871 г.

Бисмарк.

Заключено и утверждено в Версале 25* февраля 1871 г.

Подписано: Тьер, Жюль Фавр.

С подлинным верно: министр иностранных дел

Подписано: Жюль Фавр».

Приложение 2.

Доклад комиссии Национального собрания о подписании прелиминарий.

Председатель. Слово принадлежит г. докладчику комиссии, коей было поручено рассмотреть проект закона относительно прелиминарных условий мира.

Виктор Лефран. Господа, комиссии, избранной собранием 21 сего февраля, было поручено присутствовать при ведении вашими посредниками переговоров, собрать все сведения, могущие осветить положение, высказать свою точку зрения и затем сделать доклад собранию.

. . . . . .

Будучи избран этой комиссией в качестве докладчика, я, не без глубокого волнения, постараюсь все же изложить вам те соображения, которые единодушно разделяются ее членами.

. . . . . .

Переговоры последовательно поставили нас перед двумя основными вопросами: территориальным и возмещения военных убытков.

Мы не можем с этой трибуны сообщить вам все те подробности, которые нам приходилось выслушивать час за часом из уст ваших посредников, ведших переговоры; осторожность эта, которая диктуется серьезными мотивами и которая понятна сама собой, является одной из нелегких сторон возложенной на нас миссии. Каждая совесть имеет свои тайны, и как бы ни было единодушно наше решение, для каждого из нас была бы некоторым облегчением возможность рассказать тем, кто мыслит одинаково с нами, обо всем, к чему он стремился, чем он пожертвовал и какие им руководили побуждения. Господа, собрание поступит так же, как поступили мы, и Франция, которая выразила вам свое доверие, весь мир, со вниманием взирающий на ваши бедствия, поймут и одобрят как нашу, так и вашу сдержанность по окончании этой борьбы, всю горечь коей пришлось испить нам, но и лучшая слава коей досталась не победителю. (Одобрение.)

Вы слышали вчера чтение прелиминарных условий мира, подписанных вашими уполномоченными с единодушного согласия на то вашей комиссии, и особой

* Так в подлиннике.

конвенции, в силу коей срок перемирия продлен, дабы дать возможность этому собранию ратифицировать договор. Правительство вместе с тем внесло на ваше рассмотрение законодательное предположение относительно ратификации прелиминарий.

Собрание в порядке срочности, вызванной известными вам серьезными основаниями, передало этот проект в президиум, который после долгих и горячих прений избрал тех же самых комиссаров, подтвердив своим одобрением уже оказанное им доверие.

Вам незачем просить меня перечитывать здесь сроки договора и перемирия, а также текст законопроекта о ратификации. Они перед вами. Нужно их только обсудить в целом.

С договором дело обстоит не так, как с каким-либо законом, особенно когда он подписан в том положении, в котором мы находимся. Перемирие продлено до 12 марта, но оно может быть прервано 3-го; в этом случае военные действия возобновились бы 6-го в ожидании ратификации, если бы таковая не последовала ранее этого срока. Поэтому нельзя терять ни минуты. Отсюда та срочность, которая обусловливается также положением Парижа и мыслью о наших пленных; отсюда и невозможность выжидать докладов и дебатов относительно работ ваших комиссий о состоянии Франции; отсюда и необходимость для вас положиться на выполненную вашими комиссиями работу и на результаты ее: они вам хорошо известны и могут быть сегодня подвергнуты обсуждению лишь в качестве документов, но не должны рассматриваться как объект прений по существу.

С другой стороны, самый характер этих работ не допускает ни оглашения их, ни подробного разбора. Прелиминарные условия мира, мужественно и тщательно обсуждавшиеся уполномоченными на ведение переговоров лицами, могут быть лишь приняты или отвергнуты верховной властью. Это и будет сделано в окончательном договоре не только в отношении плана территориальных границ, но также в отношении способа уплаты и в отношении статей, касающихся личных и имущественных прав, и особенно хода эвакуации. В силу последней ни дальнейшее пребывание, ни распространение разбросанных по оккупированным областям неприятельских сил не должно быть допущено; возможно, что оно входит в планы неприятельской оккупации, но это было бы нарушением тех правил, коих должен придерживаться неприятель после заключения мира.

Мы вам не предлагаем также вносить изменения в текст и в краткое введение, предпосланное законопроекту. Мы заклинаем собрание принять его таким, как оно есть. Этого требует наш патриотизм. Доверие, оказанное вами комиссии, было бы ей непонятно, поскольку оно не простерлось бы и на принятие вами этого совета.

Господа, на то, что здесь вносится на ваше рассмотрение, вы должны посмотреть открытыми глазами, прочувствовать все это до глубины сердца. Это будет мучительно, но таким образом вы увидите правду и пойдете ей навстречу. (Прекрасно! Прекрасно!)

Я займусь прежде всего условиями перемирия и рассмотрю их с двух точек зрения: с точки зрения переговоров, в которых мы обязаны отчитаться перед вами, и с точки зрения законопроекта, о котором мы должны высказать свое суждение. Пусть при внимательном ознакомлении со статьями относительно территорий скорбь, которую вы разделите с нами, не заставит вас несправедливо отнестись к тому, что удалось достигнуть путем стольких стараний, и к тем опасностям, которых удалось избегнуть; это было бы проявлением слабости и абсолютного непонимания истинного положения вещей.

Опасность была неизбежна; явный след ее остался на карте, приложенной к договору, где из окончательного чертежа вы можете видеть, что благодаря нашим энергичным усилиям у нас остается около четырех пятых Лотарингии с ее главным городом и, если у нас отнимается Мец, — нам возвращается Бельфор: это наш главный пункт на восточной границе.

Господа, наряду с этой границей, свидетельствующей о наших территориальных потерях, подумайте о возврате наших пленных армий в страну, которой будет отдано столько сердец и столько рабочих рук, годных для восстановления порядка и для защиты отечества; вы вспомните тогда с меньшей горечью, что нация, которая с честью защищалась, заслуживает еще больше славы, признавая себя побежденной (слева: „Нет, нет!“) и не отступая перед неизбежными последствиями поражения.

Конечно, Париж — вторжение неприятельских армий в одну из частей его за пределы городской черты, которая все же не была завоевана, — это такая скорбь, которую трудно перенести и которую вряд ли разумно нам навязывать. О, конечно! Франция, освобождаемая от неприятеля медленнее, нежели она была завоевана, и теми же дорогами, которые дважды будут свидетелями этих печальных событий, — все это приводит вас в отчаяние, как приводило и нас; но оккупация эта ограничена и временна. Эвакуация будет производиться крупными этапами; она будет еще улучшена окончательным договором; и к тому же обо всех этих бедствиях и уступках, помимо того, что они были неизбежны, вы должны думать о них не иначе, как вспоминая одновременно и о причинах, их обусловивших. Причины эти... не будем снова перечислять их. Воспользуемся лучше тем улучшением, которое нам доставили наши последние усилия. Достаточно того, что честь Франции спасена; мы это знаем и можем мужественно это подтвердить. В этом жестоком договоре, так же как и в той ужасной борьбе, которую он завершает, победитель, господа, никогда не упускал случая воздать Франции уважение, и сама Франция должна научиться его себе воздавать. (Аплодисменты.)

Если теперь вы рассмотрите статьи относительно возмещения военных убытков, вы должны будете признать заодно с нами: то, что нам угрожало, равно как и делавшиеся по этому поводу исчисления, намного превышало то, что выяснилось теперь. Мы не будем оспаривать или скрывать огромности требуемой с нас суммы; Европа удивлена и возмущена ею; но мы хотим вам сказать, что преследуемая этим цель не будет достигнута. Хотели обогатиться нашим разорением; в особенности же полагали косвенно нас обезоружить, обрекая нас на бессилие. История выяснит действительную цену подобного отказа от всякого непосредственного покушения на свободу нашей страны, оберегаемую нами всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами.

Но тем более не следует забывать, что было бы не только дерзко, но и недостойно принять возложенные на нас этим неумеренным требованием обязательство и бремя, если бы мы считали себя бессильными с ними совладать.

Но, господа, мы можем надеяться и обещать. Ибо мы уже сейчас кладем предел опустошению и приступаем к его ликвидации; в будущем же Франции обеспечены средства, равные перенесенным ею испытаниям, если только она сумеет к мудрости своего правления и к самоотверженности своего патриотизма присоединить еще те два великих секрета завоевания будущего, которые в сущности являются лишь двумя великими уроками прошлого: не бросаться больше в революции и не укрываться от них в цезаризме (длительные аплодисменты) и таким образом обеспечить труд, порядок и свободу.

Правительство Французской республики, подписывая этот мир, будет иметь право гордиться той незыблемостью, которая создается в результате честного и твердого выполнения подобных решений.

Подписание это тягостно, господа, душа возмущается против необходимости предложить вам подписаться, но не в силах нашей совести избавить вас от этого. Сделать это можно было бы, господа, лишь при условии возобновления борьбы, отдачи всей Франции на произвол беспредельной и безграничной оккупации победителя, при невозможности ограничить ни ее пределов, ни ее длительности; все наше утешение сводилось бы тогда лишь к сознанию, что мы не дали своего согласия.

Можно ли возобновить борьбу после поражения наших армий, при недостаточности даже поголовного ополчения, после призыва только что сорганизованных сил страны? Не значило ли бы это рисковать последними силами Франции без надежды на ее торжество? Не значило ли бы это покрывать славой погубивших нас, вопреки неизбежным последствиям их ошибок, или спасать ложную честь тех, кто отступает перед страхом ответственности? (Аплодисменты.) Не значило ли бы это поставить на карту честь самой Франции, могущую быть посрамленной в той смуте, которая может явиться следствием ее доведенного до последних судорог отчаяния? (Прекрасно! Прекрасно!)

Господа, во время переговоров ваша комиссия, пережив жестокие смертельные муки перед лицом подлежавших разрешению тягостных вопросов, почувствовала в ваших уполномоченных ту диктуемую патриотическим чувством покорность, которой она сочла своим долгом последовать и которую она решилась рекомендовать собранию.

Для этого было достаточно одного слова: стоило нам только отказаться от подписания прелиминарных условий мира и предоставить врагу принять на себя

бремя развалин Франции, достаточно, быть может, тяжелых, чтобы он сам был ими раздавлен. (Слева: „Прекрасно, прекрасно!“) Отстраняясь таким образом, мы бы оставили вам право отвергнуть или санкционировать этот жест отчаяния. Мы не будем отрицать, что в некоторые малодушные минуты искушение это рождалось в наших душах.

Оно не укрылось и от тех, кому грозило такой же опасностью, как и нам самим. Но, господа, перемирие подходило к концу, в каком-либо продлении его нам было решительно отказано; форты Парижа были заняты неприятелем, город обезоружен, неприятельские армии сконцентрированы на самых границах, установленных перемирием, а против них находились наши уже дезорганизованные армии и население, охваченное надеждой на мир.

Слух о новом общем наступлении дошел бы до этого собрания ранее известия о разрыве переговоров; и вашей комиссии и исполнительной власти пришлось бы представить свое суждение, лишь после того как последствия разрыва были бы уже налицо, лишь после того как решение, продиктованное отчаянием, уже привело бы к непоправимым результатам, — и все это без вашего согласия, без вашего ведома и без возможности для вас что-либо изменить. Париж и Франция были бы принесены в жертву еще до обсуждения необходимости этой жертвы. (Верно! Очень хорошо!)

После подписания, господа, вы можете еще не ратифицировать договора, заключенного вашим правительством, решения, принятого вашей комиссией, и все может остаться по-старому, так как Франция в границах перемирия не изменила своего положения. Что же касается Парижа, то, так как прелиминарные условия подписаны и перемирие продлено, — оккупация его ограничена в своем протяжении, и продолжится она в течении того срока, какой вы определите ей по собственному вашему усмотрению.

При отказе же от подписания вы бы не могли воспользоваться никакими преимуществами, так как по окончании перемирия без подписания мира Париж был бы оккупирован целиком. Бог знает, какие бы произошли отсюда бедствия,— вся Франция могла бы быть захвачена ими. Бог знает, какое разорение постигло бы ее. То затруднительное положение, в какое был бы поставлен враг, было бы слишком слабым утешением при стольких жертвах. Мы не могли пойти на это, мы не могли посоветовать это вашим посредникам. Мы продолжаем заклинать вас избавить от этого Францию.

Мы хотели бы лишь одного для успокоения нашей совести, — чтобы этот мир вызвал неодобрение лишь со стороны тех, которые решились бы продолжать войну. (Очень хорошо, очень хорошо!)

Подумайте же над этим, господа, и каков бы ни был результат ваших размышлений, он будет достоин вас и Франции.

Мужество не только в упорстве и в отчаянии. Народы и их представительные собрания более, чем отдельные личности, имеют право находить утешение в своем прошлом и в своей совести. И на Франции, как на любой нации, лежит долг сберечь себя для будущего и для выполнения своего назначения в мире. (Новое одобрение.)

Таковы были мысли, которые поддерживали ваших посредников и вашу комиссию при осуществлении ими трудной задачи, возложенной на них вами в силу вашего доверия к ним, и которые послужат им поддержкой в горьких переживаниях, зачастую связанных с выполнением долга.

Мысли эти помогут также членам этого собрания санкционировать своим голосованием те или иные решения.

Никто, конечно, не вздумает уклониться от голосования, так как это было бы отступничеством от своего долга и страхом перед принятием на себя ответственности. (Громкие аплодисменты. Длительное волнение.)

Окунев Горчакову.

Донесение № 37. Бордо, 18 февраля/2 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

В Национальном собрании образовалась группа, которая высказывается против перевода палаты в Париж. Эта группа хотела бы, чтобы в течение еще некоторого времени собрание продолжало заседать либо в

Бордо, либо в каком-нибудь другом провинциальном городе, чтобы быть защищенным от внезапных нападений, жертвой коих бывали в столице прежние палаты. Депутаты, образующие эту группу, держатся того взгляда, что политическое и моральное состояние Парижа таково, что собрание не могло бы вести в нем своих заседаний со всем тем спокойствием, какое необходимо для обсуждений. В подтверждение своего мнения они ссылаются на последние выборы в столице, в результате коих в палату прошли представители самой крайней радикальной партии.

Поскольку собрание осталось бы в провинции, правительство также было бы вынуждено отложить свой переезд в столицу. Многочисленные административные осложнения явились бы следствием осуществления этого проекта. Кроме того это было бы оскорбительно для Парижа.

Глава исполнительной власти как будто также не разделяет мнения этих депутатов, которые кажется скорее руководствуются местными интересами, чем серьезными опасениями за спокойствие собрания. Он склонен полагать, что пребывание правительства должно быть перенесено в Париж, как только это позволят материальные условия и осуществление версальской конвенции. Во всяком случае, если бы собрание выразило желание находиться вне Парижа, правительство намеревается предложить ему обосноваться либо в Версале, либо в Фонтенбло, само же переедет в столицу.

Примите и пр. Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [19 февраля] 3 марта 1871 г.

Шифром: Вы могли убедиться из обмена телеграммами между прусским королем и императором Александром — обмена, который даже здесь произвел скверное впечатление, что нам нечего ждать от России, что услуги * исключая всякое моральное давление и тем более всякую угрожающую позицию. Я не стану повторять вашему превосходительству то, что я уже изложил г. Шодорди: Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции; император нейтрален, но его нейтралитет благоприятен Пруссии. Ну, а император Александр управляет страной, лишенной инициативы, еще привыкшей к абсолютизму. Страна может устраивать заговоры, когда ее доводят до крайности, но неспособна к открытому воздействию на власть.

Однако будущее принадлежит нам здесь, как и везде, и я осмелился бы даже сказать (одно слово не расшифровано) наших несчастий. Таким образом мы должны пользоваться настоящим часом в предвидении будущего. Именно с этой целью, если вы позволите высказать свое мнение, я придаю большое значение добрым отношениям между двумя странами. Мы не должны делать ничего для ухудшения этих отношений, даже в тот момент, когда мы больше всего страдаем от некоторых непоследовательностей.

Необходимо, чтобы в день реванша против Пруссии, который конечно придет рано или поздно и который мы должны задолго начать подготов-

* Канцелярская помета: „Плохо расшифровано".

лять нашими международными отношениями, мы имели Европу с нами, не отталкивая ее без пользы, как это делало низложенное правительство. Эти соображения резюмируют то, что князь Витгенштейн будет иметь честь вам передать.

Окунев Горчакову.

Донесение № 40. Бордо, 25 февраля/9 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

Декретом, исходящим от главы исполнительной власти, герцог Ноайль назначается послом Франции в С.-Петербурге.

Герцог провел несколько дней в Бордо и только что отправился в свое поместье для приведения в порядок своих частных дел. По проведении там необходимых мероприятий он полагает отправиться в Париж, где он пробудет очень недолго, после чего примет в свое ведение посольство. Таким образом приезд его в С.-Петербург не может состояться немедленно.

Г-н Ноайль любезно поделился со мной этими подробными о себе данными; вместе с тем он просил меня довести до сведения вашей светлости о тех причинах, которые, вопреки его сильному желанию, не позволяют ему немедленно прибыть к месту своего назначения.

Примите и пр.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Париж, [2] 14 марта 1871 г.
3 час. 45 мин. пополудни.

С сегодняшнего утра посольство снова водворилось в Париже.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Париж, [6] 18 марта 1871 г.

Шифром: Монмартр сегодня утром был атакован против всякого ожидания. Часть линейных войск не явилась, и большинство национальной гвардии не ответило на призыв. Восстание господствует на Монмартре, в Бельвиле и Сент-Антуанском предместьи.

[Окунев].

Посланник в Брюсселе[36] *Горчакову.*

Донесение № 7. Брюссель, 7/19 марта 1871 г.

Князь,

Поступающие из Парижа новости мало утешительны. Поражение национальной гвардии на Монмартре более серьезно, чем то хотят представить газеты. Части, отказавшие в повиновении, имеют общего начальника, которого они сами себе избрали.

Военное снаряжение, снаряды, патроны и тому подобное имеются у них в достаточном количестве. Они имеют орудия, взятые у матросов. Моряки всегда были республиканцами, по крайней мере во Франции.

Говорят, что только что образовали на холме [Монмартр] полный совет министров. Это — правительство, противопоставленное правительству, созданному в Бордо [37].

Итак Париж находится в состоянии полной анархии. Что внушает больше всего беспокойства, — это тот факт, что никто как будто не сознает опасности положения. По крайней мере в этом не хотят себе сознаться. Это быть может еще одна иллюзия, которую создали себе обитатели Лютеции, чтобы не сойти с того воображаемого пьедестала, на который они взгромоздились пять месяцев назад. Я слышал рассказы людей, находящихся в деловых сношениях с Францией; это какое-то ребячество, какая-то комедия.

Что касается морального состояния остальной части нации, оно немногим более утешительно.

В собрании, заседающем в Версале, насчитывают приблизительно 150 орлеанистов, столько же легитимистов, сотню умеренных республиканцев и несколько бонапартистов.

Эти непримиримые партии имеют для связи, позволяющей им в важнейших случаях действовать заодно, всего лишь одну ниточку — голос г. Тьера. Руководит ими даже не его моральное влияние: они позволяют увлечь себя музыкой фраз. Пусть глава исполнительной власти потерпит какое-нибудь поражение, и вот политическое стадо в разброде. Остается только семидесятипятилетний старик, неспособный помешать стране распасться на куски. Слово, резюмирующее положение, это — кавардак (gâchis). Кавардак политический, кавардак моральный, наконец кавардак материальный.

Один чиновник министерства иностранных дел хорошо сказал: „Люди, живущие в Париже в продолжение 20 лет, не знают, что писать, настолько положение непрочно и безвыходно“.

Что касается работы, то ее больше нет. Руководитель бельгийского представительства распределяет ежедневно до 1 500 рационов среди безработных соотечественников. И дело здесь совсем не во французской конкуренции, потому что французы питаются на свои 30 су, получаемые за оборону Монмартра.

Вот приблизительно что думают здесь незаинтересованные лица. Здесь боятся, чтобы после внешней войны не разразилась отчаянная борьба между провинцией и столицей, между консервативными сельскими жителями и бельвильскими горожанами.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр.

Блудов.

Окунев Горчакову.

Версаль, [8] 20 марта 1871 г.

Телеграмма.

Без шифра: Со вчерашнего дня в Париже господствует восстание.

Шифром: Войска братались с мятежниками. Национальная гвардия осталась пассивной.

Без шифра: Установлен революционный комитет под управлением Асси из Интернационала [38]. Правительство удалилось в Версаль, предложило дипломатическому корпусу следовать за ним. Я последовал при-

глашению. Сегодня утром от воспаления легких скончался Фолькерзам. Я уполномочил Фонтона руководить консульством.

Окунев.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Версаль, [8] 20 марта 1871 г.

Шифром: Ввиду положения в Париже и для того чтобы быть в постоянном контакте с Собранием, правительство переехало вчера в Версаль. Представители страны (не расшифровано одно слово) призывать всех полностью (не расшифровано одно слово) ответить за них *.

Можно быть уверенным, что мятеж долго не продержится перед лицом общего осуждения, которое начинает уже благоприятно действовать на настроение парижской национальной гвардии.

Я буду держать вас в курсе событий настолько регулярно, насколько это будет возможно, и прошу вас, с своей стороны, информировать меня обо всем, что может интересовать правительство, адресуя свои доклады мне в Версаль.

Посол в Берлине [39] Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [9] 21 марта 1871 г. 4 час. пополудни.

Без шифра: Император только что открыл рейхстаг. Вчера вечером видел графа Бисмарка.

Шифром: Он признал серьезность положения в Париже, не будучи чрезмерно этим озабочен. Сообщил мне под большим секретом, что он предложил Тьеру свое содействие для преодоления кризиса, в случае если тот будет об этом просить. Войск под Парижем достаточно. Только что узнал, что осадная артиллерия получила приказ возвращаться назад к Парижу.

Убри.

Окунев Горчакову.

Донесение № 46. Версаль, 9/21 марта 1871 г.
Приложение.

Г-н канцлер,

Как я уже имел честь сообщить императорскому министерству в своих последних донесениях, известия о положении Парижа, полученные в Бордо главой исполнительной власти за несколько дней до перевода Национального собрания в Версаль, отнюдь не давали возможности предвидеть важные события, только что происшедшие в столице.

Правительство предложило перевести палату в Версаль в виде компромиссной меры, так как значительное большинство депутатов было решительно против водворения собрания в Париже; между тем правительство желало, чтобы собрание было перенесено из Бордо непосредственно в столицу.

Правительство казалось вполне рассчитывало имеющимися в его распоряжении средствами восстановить в Париже порядок, нарушенный тем, что национальная гвардия захватила в предместьях некоторое количество

* Помета шифрового отдела: „Ошибки".

*

пушек, перевезла их на высоты Монмартра и укрепилась там. Г-н Тьер заявил с трибуны Собрания, что, желая избежать кровопролития, правительство хотело бы исчерпать все средства для достижения соглашения, прежде чем прибегнуть к силе, и этим путем заставить мятежников выполнить их долг. Но оно не сомневалось, что порядок легко бы мог быть восстановлен в первый же день. Оно рассчитывало на армию, которой командовал ген. Винуа, и особенно на содействие большей части национальной гвардии, которая казалось должна была быть заинтересована в наступлении тишины и спокойствия после волнений, препятствовавших возобновлению работ и торговли.

Ни армия, ни национальная гвардия не оправдали законных ожиданий правительства.

В газетах приводились все подробности восстания 6/18 марта, которое отдало Париж в руки шайки убийц и проходимцев. Поэтому считаю своим долгом воздержаться от воспроизведения их в этом донесении. Высоты Монмартра были атакованы в ночь с 5/17 на 6/18 марта. Захваченные врасплох, мятежники лишились нескольких пушек, которые у них были отняты артиллеристами и жандармскими частями. Но вскоре на укрепленных высотах Монмартра объединились батальоны национальной гвардии из кварталов Монмартрского, Бельвильского и предместья св. Антуана. Жандармерия и линейные войска, видя, что национальная гвардия остальных кварталов Парижа, отказавшаяся прибыть по приказанию главнокомандующего ген. Орель де Паладина, не подходит к ним, отступили. Отнятые войсками пушки были вновь захвачены инсургентами. Часть других линейных полков, постепенно введенных в сражение, перешла на сторону неприятеля. С этого момента мятежники захватили все предместье, и так как армия получила приказ отойти на левый берег Сены, то все кварталы правого берега были в скором времени заняты инсургентами. Генералы Леконт и Клеман Тома были задержаны и расстреляны [40]. Прибывший из Бордо ген. Шанзи [41] был тоже захвачен. Хотя он еще невредим, но тем не менее остался в руках мятежников. Ввиду пассивной позиции национальной гвардии и измены части армии правительство было вынуждено удалиться в Версаль и отдать приказ ген. Винуа стянуть войска в окрестности этого города. На другой день, утром 7/19 марта, мятежники завладели всем Парижем.

Так как после отправки моей телеграммы от 6/18 марта телеграфные провода были перерезаны, я только вчера вечером, по приезде моем в Версаль, получил возможность сообщить вашему сиятельству о событиях, разыгравшихся накануне.

В здании ратуши водворился повстанческий комитет. Он состоит из лиц темных и никому решительно не известных. Во главе этого комитета стоит некто Асси, бывший рабочий из мастерских г. Шнейдера, организатор бывшей в прошлом году в Крезо забастовки рудокопов. Говорят, что он связан с Интернационалом.

Остальные члены комитета повидимому также принадлежат к этому тайному обществу, которое кажется руководит повстанческим движением. Агенты Интернационала уже кажется отправились в крупные провинциальные города, дабы установить связь с местными комитетами (sous-comités) этой ассоциации [42].

Надо отметить, что даже самые радикальные депутаты Парижа, обра-

зующие крайнюю левую в Национальном собрании, отнеслись отрицательн к восстанию 6/18 марта, а равно и к убийству генералов. Те из них, которые являются одновременно мэрами парижских округов, заявили, что они воспротивятся выборам, приказ о коих только что издан революционным комитетом в целях избрания Коммуны. Опасаясь ужасных последствий восстания, которое грозит Парижу убийствами и грабежами, депутаты эти хотят добиться, чтобы Собрание приняло новые законы о выборах муниципалитета и начальников национальной гвардии. Они рассчитывают, что, вооружась этими двумя законами, они смогут оказать поддержку партии порядка и привести мятежников к повиновению [43].

Кажется, что одной из главных причин преступного поведения национальной гвардии явился только что принятый Национальным собранием закон о сроке платежей по векселям.

Закон этот грозит парижской промышленности полным разорением и будет Национальным собранием отменен.

Он вызвал крайнюю досаду в торговых кругах, представители которых отказались в минуту раздражения явиться на зов ген. Ореля. Этот отказ увлек за собой и остальную часть национальной гвардии [44].

События в Париже имеют непосредственным своим следствием то, что они подорвали кредит Франции в то именно время, когда страна поставлена в необходимость воззвать к помощи и своих внутренних, и заграничных капиталов, дабы расквитаться с Германией. Эти события кроме того делают еще более значительным и без того уже существующий разлад между провинцией и столицей. Парижское восстание вызвало в провинции чувство всеобщего негодования, которое могло бы быть прелюдией к гражданской войне [45].

Надо надеяться, что благодаря разумной позиции Национального собрания и усилиями правительства удастся уберечь Францию от этого худшего из бедствий.

Ввиду того, что правительство предложило дипломатическому корпусу переехать с ним в Версаль, я поспешил последовать этому приглашению, возложив хранение архивов и здания посольства на первого секретаря г. Фонтона. Члены дипломатического корпуса приезжают один за другим в Версаль.

После 6/18 марта наступило мнимое спокойствие, до странности не вяжущееся с характером происшедших в Париже событий.

Телеграфное сообщение со столицей прервано, но сообщения железнодорожное и почтовое продолжаются.

В заключение считаю долгом представить вашему сиятельству прилагаемый при сем номер газеты, содержащий печатные воззвания парижского повстанческого комитета.

Примите и пр. Окунев.

***Приложение* *.**

Манифест депутатов Сены и парижских мэров и помощников мэров.

Граждане!

Будучи проникнуты сознанием необходимости во что бы то ни стало спасти Париж и Республику устранением всех поводов к столкновению и убежденные в том, что наилучшим способом к достижению этой высшей цели является удовлетворение законных желаний народа, мы решили сегодня же просить Национальное собрание

* Вырезка из газеты „Le Petit moniteur universel", 22 марта 1871 г.

о принятии двух мер и мы надеемся, что, будучи приняты, меры эти приведут к восстановлению спокойствия в умах. Меры эти следующие: избираемость всех начальников национальной гвардии и учреждение муниципального совета, избранного всеми гражданами. То, чего мы хотим, то, что при всех обстоятельствах требуется в интересах общественного блага и что при данном положении является еще более необходимым, чем когда-либо, — это порядок при свободе и через свободу.

Свобода, равенство, братство.

Представители Сены: Луи Блан, В. Шельшер, Пейра, Эдмонд Адан, Флокэ, Мартэн, Бернар, Ланглуа, Эд. Локруа, Фарси, Г. Бриссон, Греппо, Мильер.

1-й округ — Адан, мэр, Мелин, помощник.
2-й » Тирар, мэр, Брелей, Ширей, Луазо-Пенсон, помощники.
4-й* » Вотрэн, мэр, Луазо, Каллон, помощники.
5-й » Журдан, помощник.
6-й » Бериссон, мэр, Леруа, помощник.
7-й » Арно де Ларнеж, мэр, представитель Сены.
8-й » Карно, мэр, представитель Сены.
9-й » Демаре, мэр.
10-й » Дюбайль, мэр, Г. Мюрат, помощник, Дегув-Денунк, помощник.
11-й » Моттю, мэр, представитель Сены; Бланшон, Перхе, помощники; Толэн, помощник, представитель Сены.
12-й » Денизо, Дюма, Тюрийон, помощники.
13-й » Лео Меллье, Комбес, помощники.
14-й » Мелигон, помощник.
15-й » Жоббэ Дюваль.
16-й » Анри Мартин, мэр, представитель Сены.
17-й » Франсуа Фавр, мэр; Малон, Вильнёв, Кашё, помощники.
18-й » Клемансо, мэр, представитель Сены, Ж. Б. Лафон, Дерёр, Жаклар, помощники [46].

Окунев Горчакову.

Донесение № 47. Версаль, 9/21 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

Шифром: Собрание и правительство кажется решили остаться в Версале, если только они не будут вынуждены отступить перед вторжением парижских повстанцев. Армия совершенно дезорганизована и деморализована. Она обработана Интернационалом; часть войск отдала оружие мятежникам, среди повстанцев много солдат; они были в числе убийц Леконта и Тома [47].

Собрание и правительство хотели действовать суровыми мерами, но они не решаются атаковать Париж, не будучи уверены в армии.

Надеются на реакцию в войсках и среди парижского населения.

Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [9] 21 марта 1871 г.

Шифром: Ничто не могло быть столь фатальным для дела нашей страны, как восстание в Париже. Виновники этого покушения сумели уничтожить превосходное впечатление, произведенное речью г. Тьера. Я знаю, что князь Горчаков был сильно обескуражен, получив эти сведения от г. Окунева. Нет никакого сомнения, что под влиянием этого связь между Пруссией и Россией станет теснее.

* 3-й округ опущен в подлиннике.

Только что в Петербург прибыл курьер вашего кабинета. Должен ли я его отправить назад или ожидать приезда герцога Ноайля, прибытие которого не было мне сообщено ни из Будапешта, ни из Варшавы?

Граф Бисмарк князю Рейсу *.

Берлин, [9] 21 марта 1871 г.

Шифром: Передайте доверительно, что мы будем поддерживать признанное нами по прелиминарному миру правительство Франции, насколько это будет для него приемлемо и возможно, так чтобы не повредить ему в общественном мнении.

*Г-н Жюль Фавр послу** Франции в Петербурге.*

Версаль, [9] 21 марта 1871 г.

Шифром: Парижское население начинает чувствовать огромность совершенной им ошибки. Бунтовщики оказались в затруднении вследствие своей победы, и это позволяет нам надеяться, что они не замедлят вернуться к порядку***. Со всех сторон департаменты выносят им осуждение, несмотря на возбуждающие призывы их эмиссаров; Лион, Тулуза, Марсель, Бордо объявляют, что они остаются верными правительству Собрания[48].

Исход этого плачевного конфликта таким образом не может внушать сомнений. Он будет означать для Франции огромное унижение и принесет большой вред. Поэтому крайняя серьезность этого зла должна будет принудить общественные власти к принятию энергичных мер, чтобы покончить раз навсегда с преступными виновниками подобных беспорядков.

Габриак Горчакову.

Письмо. С.-Петербург, 10/22 марта 1871 г.
Французское посольство.

Князь,

Я только что получил из Версаля от г. Жюля Фавра телеграмму, датированную вчерашним днем, 21-м числом, 3 часа дня. В основном он сообщает мне, что население Парижа начинает сознавать огромность совершенной им ошибки, мятежники сами находятся в затруднении в результате собственной победы, и все позволяет надеяться, что они не замедлят вернуться в небытие. Почти все крупные города, включая Марсель, Тулузу, Бордо, объявили, что они остаются верными правительству Национального собрания, так что исход этого плачевного конфликта не может внушать сомнения. Он прибавляет, что правительство решило требовать полномочий, необходимых для того, чтобы раз навсегда покончить с преступными виновниками этих попыток.

Я надеюсь, что эти новости, которые несколько утешили меня в обременяющих нас несчастьях, произведут такое же действие и на настроение вашего сиятельства. Нам необходимо только время, которое позволило

---

* Немецкий текст.
** Так в подлиннике.
*** Поправка шифровального отделения: „в небытие".

бы реорганизовать нашу распущенную армию, и необходимо, чтобы нам в этом отношении не препятствовали прусские требования. Если я завтра получу какую-нибудь новую телеграмму, я буду иметь честь сообщить ее вам*.

Примите и пр.

Маркиз де Габриак.

Блудов Горчакову.

Донесение № 8. Брюссель, 10/22 марта 1871 г.

Князь,

Один американец, приехавший вчера из Парижа, описывает волнующую картину морального состояния этой столицы.

Прибежав на Монмартр в разгар беспорядков, он был свидетелем многих характерных инцидентов.

Рота одного линейного полка должна была охранять один из подступов к холму. Услышав ружейные выстрелы на таком расстоянии, что нельзя было даже видеть, где происходит сражение, солдаты разбежались, как зайцы, попрятавшись в погребах и особенно у виноторговцев.

Что касается позиции почтенного класса населения, он пребывает в состоянии плачевной апатии. Когда бьют сбор, обитатели беднейших кварталов сбегаются массами, как муравьи. В то же время части национальной гвардии, сформированные из обеспеченных буржуа, представляющих собственность, не шевелятся. Являются самое большее 8—10 человек на батальон.

Днем по городу расхаживают группы любопытных, с интересом наблюдающих за повстанческими войсками. Те, кто должны были бы быть опорой порядка, забавляются тем, что фланируют посреди анархии, как если бы они были совершенно не заинтересованы в событиях.

Г-н Сантфорд рассказал мне достаточно любопытный, чтобы не сказать комический, факт. Подойдя к одной баррикаде, он заметил, что она занята национальными гвардейцами, которые потрясают саблями и берут ружья на-прицел, как будто они сейчас начнут стрелять. Приблизившись к одной группе любопытных, стоявших очень спокойно перед этой воинственной демонстрацией, он узнал, что эти господа позируют перед фотографом, который запечатлевает защитников республики.

Вот он, уличный парижанин, смесь бандита и комедианта, готовый насыщаться поочередно кровью или тщеславием.

Находясь далеко от арены действия, мы можем отсюда только набросать анекдотическую часть драмы. Наш поверенный в делах передаст вашему превосходительству о серьезной стороне ситуации во Франции.

Примите и пр.

Блудов.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку в Петербург.

Версаль, [10] 22 марта 1871 г.

Я слишком хорошо понимаю пагубное действие, которое оказали плачевные новости, сообщенные вам мною. Не следует однако преувеличивать их значения. Париж пал жертвой неожиданности, но гнусные деспоты,

* Помета Александра II в начале письма: „*Хотел бы, что бы это было верно*".

овладевшие им, вызывают негодование и отвращение. Вчера имели место манифестации против повстанческого комитета. Многотысячные колонны прошли вчера по бульварам с криками; „да здравствует порядок“, „да здравствует Собрание“, „долой комитет убийц“. Все мэры сопротивляются, и мы их всеми силами поддерживаем [49]. Если бы мы хотели поднять гражданскую войну, восстание было бы очень скоро подавлено; мы предпочли предоставить мятеж внутреннему краху. И он потерпит крах. Провинция целиком отвергает позорящие Францию сатурналии. Европа, в частности Россия, не должны беспокоиться сверх меры. Скажите князю Горчакову, что мы победим бурю и что нашими усилиями будет восстановлено правление порядка и мира.

Что касается вашего курьера, я полагаю, что лучше не отсылать его до приезда герцога Ноайля.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [11] 23 марта 1871 г.

Без шифра: Вчера в Париже безоружная манифестация партии порядка была рассеяна повстанцами. Много убитых.

Шифром: Начинается реакция, но она до сих пор бессильна и ходатайствует о посылке войск. Правительство колеблется, не доверяя армии

Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [11] 23 марта 1871 г.

Шифром: Я могу считать себя относительно вполне удовлетворенным беседой, которую только что имел с князем Горчаковым. Он передал императору резюме вашей телеграммы от 21-го, которую я ему переслал. Канцлер остался доволен содержанием телеграммы от 22-го, которую я получил сегодня утром, и просил меня дать ему из нее выдержки для его величества, к которому он отправлялся.

Он мне сказал, что все его желания направлены к укреплению того правительства, которое сейчас единственно возможно во Франции, и с восторгом говорил мне о речи г. Тьера, которую он, по его словам, хочет прочесть полностью. Он прямо уполномочил меня передать ему это.

Я нашел Горчакова в довольно добром расположении, чтобы попробовать заговорить на весьма деликатную тему о свидании двух государей, о котором здесь говорят в течение нескольких дней. Канцлер мне ответил, что по этому поводу еще ничего не решено.

Я смог прибавить, что беспорядки и убийства, обесчестившие героическую защиту нашей столицы и остающиеся без извинения в глазах всего мира, могли произойти только из-за той настойчивости, с которой Пруссия злоупотребляет своей победой.

Я умолял его в интересах европейского мира, за отсутствием других мотивов, добиться от императора, чтобы он порекомендовал умеренность своему дяде.

. . . . . .

. . . . . .

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [12] 24 марта 1871 г.

Общим опасением здесь вследствие поражения одной части армии ген. Винуа является, что правительство не располагает достаточно преданной делу порядка военной силой, чтобы покончить с мятежом. Не найдете ли вы возможным прислать мне какую-нибудь утешительную информацию по этому вопросу?

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [13] 25 марта 1871 г.

Без шифра: В субботу в Лионе и Сент-Этьенне разразилось восстание. Порядок был восстановлен войсками.

Шифром: В Париже национальная гвардия порядка заняла многие пункты. Не получив вооруженной помощи, о которой просили Версаль, потеряли занятые местности [50].

Окунев.

Князь Бисмарк князю Рейсу в Петербург**.*

Берлин, [14] 26 марта 1871 г.

Шифром: Редер сообщает сегодня телеграммой из Берна: „В Лионе вчера порядок восстановлен. Поляки идут еще в большинстве не во Францию, а в Галицию и в княжества".

Окунев Горчакову.

Донесение № 51. Версаль, 14/26 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

Собравшись в Версале, Национальное собрание выделило комиссию из пятнадцати членов, имеющую задачей сговориться с исполнительной властью относительно тех мер, которые должны быть приняты в связи с восстанием в Париже.

Прежде всего эта комиссия представила палате проект воззвания к нации, который и был единогласно принят Собранием.

Текст этого воззвания был напечатан в газетах.

Как я уже имел честь уведомить императорское министерство, депутаты крайней левой, из которых некоторые являются мэрами округов столицы, просили Национальное собрание о проведении муниципальных выборов в Париже и о назначении начальников национальной гвардии. Они выразили убеждение, что проведение этого мероприятия доставило бы партии порядка моральную поддержку, могущую привести к примирению и содействовать прекращению мятежа.

Палата хотела, по соглашению с правительством, частично удовлетворить выраженное депутатами пожелание. Она внесла этот вопрос в повестку и обещала в ближайшее время произвести выборы как в

---

* Бисмарк был в это время возведен в княжеское достоинство.
** Немецкий текст.

Париже, так и на остальной территории Франции; на следующий же день проект соответственного законодательного предположения был внесен в заседание президиума Собрания господином министром внутренних дел.

Не стоило бы создавать себе никаких иллюзий по поводу результата упомянутой меры, которая сама по себе не сможет обеспечить восстановление порядка в Париже *. Но палата и исполнительная власть решили отнестись с уважением к мнению депутатов столицы, сохранивших верность Национальному собранию; они не хотели отказать им в моральном оружии, которого те так настойчиво требовали.

Тем не менее в секретном комитете Собрания было решено отложить выборы до того времени, когда восстание будет подавлено, так как в настоящее время они не были бы свободны.

Что касается выборов начальников национальной гвардии, то палата заявила о своем намерении отложить рассмотрение этого вопроса. Но в принципе она кажется решила отклонить эту вторую уступку, испрашиваемую депутатами Парижа. Действительно, при настоящем положении Парижа выборы эти были бы не более свободны, чем выборы муниципального совета, и потому можно было опасаться, как бы выбор не пал на членов крайней демагогической партии.

Партия порядка в столице, предоставленная собственным силам и борющаяся с подавляющим ее бедствием, упрекает Национальное собрание за занятую им позицию в отношении представителей и мэров Парижа. Она находит, что палате, которая не имеет возможности восстановить в Париже законный порядок, следовало бы воздержаться от проявлений бессильного гнева и суровым обращением с мэрами столицы не осложнять и без того трудной задачи партии порядка.

С своей стороны, Собрание не верит в действительность способов примирения, указанных мэрами, и думает, что, хотя они и порицают открыто действия Центрального комитета, они все же не преследуют никакой иной цели, кроме учреждения Коммуны законными средствами.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 52. Версаль, 14/26 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

Пока Национальное собрание решает вопрос о том, какие меры должны быть приняты для восстановления порядка в Париже, положение столицы осложняется с каждым днем.

Повстанческий комитет, заседающий в здании ратуши и состоящий частью из лиц, причастных к Интернационалу, частью же из подонков социалистической прессы, говорят, располагает в данное время приблизительно 30 тыс. людей, решившихся, кажется, не останавливаться ни перед какими крайностями. Вооруженные банды, находящиеся на службе у комитета, вербовались из низших слоев парижского населения: в их рядах есть много лиц, находившихся под судом, освобожденных преступников, гарибальдийцев и несколько вожаков польского восстания 1863 г.

Эмигрант Ярослав Домбровский, не являясь открыто членом револю-

* Помета Александра II: *„Это будет только лишним поводом для беспорядка“*.

ционного комитета, тоже находится в ратуше. Душой этого комитета, говорят, является некий Ранк, бывший агент Гамбетты [51].

Повстанцы завладели Венсенским фортом, который был им передан двумя занимавшими его артиллерийскими полками. Г-н Тьер сказал мне, что запасов в этом форте не было. Мон-Валерьен еще находится в руках французских властей [52]. В самом Париже мятежники продолжают возводить укрепления в виде баррикад с нагроможденными на них пушками и митральезами. Находившиеся в общественных кассах денежные суммы, впрочем незначительные, перешли в распоряжение инсургентов. Кроме того они производят денежные и натуральные реквизиции, берут заложников и производят беспрестанные аресты. В числе заложников находятся ген. Шанзи и ген. Аллар.

С другой стороны, среди партии порядка, оцепеневшей от ужаса в начале восстания, начинается реакция. Адмирал Сессей, который при осаде Парижа сумел завоевать доверие национальной гвардии, по соглашению с правительством, встал во главе гражданской милиции, сохранившей верность Национальному собранию. Реакция проявилась сперва в виде невооруженной манифестации, которая была рассеяна ружейными залпами со стороны мятежников. Впоследствии удалось отобрать у повстанцев несколько мэрий. Но национальная гвардия партии порядка требует помощи, которую правительство кажется пока не в состоянии ей оказать: ввиду царящей в армии дезорганизации и отсутствия всякой дисциплины глава исполнительной власти не решается отдать собравшимся в Версале войскам приказ итти на Париж.

Чтобы возместить недостаток войск, Собрание только что приняло постановление об организации в провинции добровольческих батальонов; они будут находиться в распоряжении правительства и смогут быть двинуты на Париж, если исполнительная власть найдет это нужным.

Настроение, выказанное провинцией, до настоящего времени удовлетворительно. Она попрежнему заявляет о признании ею правительства и Собрания. Итак попытки парижского повстанческого комитета вовлечь в движение крупные города оказались тщетными.

Примите и пр. Окунев.

P. S. Я только что узнал, что повстанцы отпустили ген. Шанзи на свободу.

Окунев Горчакову.

Донесение № 53. Версаль, 14/26 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

В беседе, которой меня любезно удостоил г. Тьер, он высказал свою уверенность в благоприятном конечном исходе кризиса, переживаемого в настоящее время Францией *.

Говоря о событиях 6/18 марта, глава исполнительной власти сказал мне, что назначенная на 3 часа утра атака монмартрских высот вначале вполне удалась. К 6 часам войска завладели всеми пушками. Но чтобы переправить их в арсенал, нужно было запрячь больше тысячи лошадей. В тот именно момент, когда производилась запряжка, началось замешательство, чем воспользовались повстанцы. Поддерживаемые жителями предместий, они ата-

* Помета Александра II: „*Очень боюсь, что он заблуждается*".

ковали войска, которые при этом отступили. Он приказал тогда армии отойти на правый берег Сены и обратился с призывом к национальной гвардии. Так как гвардия не явилась, он увидел себя вынужденным приказать эвакуировать Париж. Стягивая войска в Версаль и перенося туда резиденцию правительства, он тем самым сберег армию * и предотвратил новое 24 февраля. Благодаря этой своевременно произведенной эвакуации совершившаяся в Париже революция впервые оказалась бессильной свергнуть правительство и не превратилась в революцию во всей Франции.

Г-н Тьер добавил, что он решился действовать суровыми мерами ** и направить на Париж провинциальные отряды национальной гвардии, войска и формирующиеся добровольческие батальоны. Во Францию через Шарлевиль возвратится 40 тыс. военнопленных из Германии. Это превосходные войска, офицеры коих всецело преданы Собранию *** и стране. Свои услуги предложили даже два маршала — Мак-Магон и Канробер. Но правительство не сочло для себя возможным воспользоваться их предложением [53]. Эти 40 тыс. человек подвергнутся реорганизации и, самое позднее через две недели, будут в состоянии двинуться на Париж. Но г. Тьер не хочет начинать штурма повстанцев в столице до тех пор, пока не будет уверен в успешности его. После подавления революции и водворения порядка он намерен учредить военные суды и расстрелять вожаков движения.

Г-н Тьер очень доволен своими взаимоотношениями с немецкими военными властями. Он сказал мне, что они тотчас же предложили ему и материальную и моральную поддержку для водворения порядка в Париже.

Помощь эту он отклонил, так как французское правительство было в состоянии собственными силами принять все необходимые при создавшемся положении меры. Но он с признательностью воспользовался содействием иного рода, предложенным ген. Фабрице [54], как то: правом прохода для провинциальных отрядов национальной гвардии, направляющихся в Париж, через территорию, занятую немецкими войсками, и разрешением сконцентрировать в столице войска в количестве, превышающем цифру 40 тыс., предусмотренную прелиминарной мирной конвенцией.

Эта благожелательная и примирительная позиция была занята немецкими военными властями уже после обращения ген. Фабрице на имя г. Жюля Фавра. Обращение это было основано на фактическом заблуждении. По словам г. Тьера, ген. Фабрице обратился с угрожающим письмом к французскому министру иностранных дел в предположении, что при восстании в Париже правительство было свергнуто. Лишь через два дня после этого генерал был осведомлен об истинном положении вещей. Как только г. Фабрице узнал, что правительство, избранное Национальным собранием, удалилось в Версаль и что оно попрежнему признается всей Францией, он тотчас же занял вышеупомянутую благожелательную позицию.

---

* Слова: „он сберег армию" подчеркнуты Александром II. На полях его помета: *„Которая пока что по частям переходит на сторону повстанцев!"*.

** Слова: „суровыми мерами" подчеркнуты Александром II. На полях его помета: *„До сих пор мы этого не видели"*.

*** Слова: „офицеры всецело преданы собранию", Александром II подчеркнуты; на полях три восклицательных знака.

В заключение нашей беседы г. Тьер дополнительно сообщил, что настроение провинции превосходно. Порядок не нарушался нигде, за исключением Лиона и Сент-Этьенна, где благодаря твердому настроению войск он был восстановлен в течение нескольких дней. Г-н Тьер убежден, что и в этих двух городах, всегда являвшихся настоящими рассадниками смуты, никаких новых беспорядков не возникнет.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 54. Версаль, 14/26 марта 1871 г.

Г-н канцлер,

Нельзя не видеть, что в настоящее время Франция переживает крайне серьезный кризис.

Собрание, на долю которого выпала страшно тяжелая задача восстановить страну среди бесконечных трудностей, как бы поражено бессилием. Не имея в своем распоряжении войск, оно также лишено возможности восстановить в настоящее время порядок в Париже. С другой стороны, по мере того как восстание затягивается, кредит Франции подрывается, материальные богатства ее истощаются, работы и торговля останавливаются. Страна, очутившаяся на столь роковом уклоне, может оказаться несостоятельной в выполнении принятых ею по отношению к Германии денежных обязательств. В этом случае будущее ее существование будет отдано на произвол тех последствий, которые могут из этого проистечь.

В самом Собрании нет единства благодаря наличию в нем враждебных друг другу партий, охваченных с трудом сдерживаемыми политическими страстями.

Правая видит спасение страны исключительно лишь в учреждении монархии и хотела бы воспользоваться настоящим положением, чтобы дать восторжествовать этой форме правления. Левая республиканская, опасаясь, как бы правая не учинила переворота, полна недоверия и в своем желании удержать верх за республикой может пойти на присоединение к крайней радикальной партии.

С другой стороны, между главой исполнительной власти и правой частью палаты также существует несогласие. Правая обвиняет г. Тьера в том, что он отдает предпочтение республике. Она упрекает его и за то, что он медлит с принятием мер, необходимых для подавления парижского восстания, и таким образом дает революции возможность упрочиться в столице. Г-н Тьер, со своей стороны, не хочет пойти на Париж до того времени, пока он не будет вполне уверен в успехе. Он, не без основания, не доверяет армии, собранной в окрестностях Версаля под командованием ген. Винуа. Чтобы приступить к штурму мятежников, он ждет, когда провинциальные национальные гвардейцы и добровольческие батальоны как следует сорганизуются и когда 40 тыс. пленных, ожидающиеся из Германии, сформируются в маршевые полки.

Что касается административной деятельности, то она совершенно дезорганизована вследствие поспешного удаления правительства в Версаль. Часть архивов министерств попала в руки повстанцев, часть административного персонала разбежалась.

Не веря в возможность восстановления порядка в Париже совместными

действиями Национального собрания и правительства, некоторые пессимисты без неудовольствия думают об иностранной оккупации столицы. Если бы немецкие войска вошли в Париж и разоружили бы там национальную гвардию, они были бы в глазах отчаявшихся в спасении Франции истинными спасителями страны, так как они дали бы ей возможность восстановиться в условиях относительного спокойствия *.

Примите и пр. Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [15] 27 марта 1871 г.

Шифром: Вчера мне нанес визит один личный друг императора, который находился у него в тот момент, когда князь Горчаков передавал ему вашу последнюю телеграмму. Его величество был весьма удовлетворен теми заверениями, которые вы уполномочили меня представить его правительству, выражая только сомнения в верности армии и в возможности соглашения с повстанцами.

Я ответил моему собеседнику, что поражение нескольких батальонов из корпуса ген .Винуа [55] (одно слово не расшифровано) национальной гвардии Парижа во время осады не доказывает ничего относительно духа армии, который снова будет хорош, как только она сможет быть реорганизована.

Какой бы законный ужас и какое бы отвращение ни внушали волнения в Париже, мне кажется, здесь не сомневаются, что дело порядка возьмет верх. Чего здесь опасаются только — это морального угнетения, в котором находится страна и которое является самым печальным последствием наших несчастий.

Здесь не думают однако, чтобы немцы решились усилить наши несчастия несвоевременным вмешательством. Мой собеседник, который вследствие личной близости с императором и личных связей находится в курсе всего происходящего в Берлине, говорил мне, что если мы истощены, то и Германия является не намного менее истощенной и что она слишком нуждается в получении своих миллиардов, чтобы ослаблять в каком бы то ни было отношении кредит нашего правительства посредством интервенции.

Сверх того он выразил мне симпатии к Франции, с восхищением говоря о честных и мужественных людях, которые находятся у власти, и повторяя, как Горчаков три дня тому назад, что форма нашего нынешнего правительства является единственно возможной.

Я счел долгом дать вам отчет об этой беседе, которая продолжалась очень долго и, в сопоставлении с моей последней беседой с канцлером, резюмирует довольно ясно доминирующие настроения среди здешнего правительства.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [16] 28 марта 1871 г.
3 час. 46 мин. пополудни.

Шифром: Тьер получил разрешение довести до 70 тыс. человек войска под Парижем, которые по прелиминарному миру были фиксиро-

* Помета Александра II: *„Это было бы уже полным унижением для этой несчастной Франции“*.

ваны в 40 тыс. Мольтке рассматривает положение немецких войск как весьма твердое. Французское правительство не произвело еще никаких выплат.

д'Убри.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [16] 28 марта 1871 г.

Кандидаты повстанческого комитета прошли значительным большинством на выборах в Парижскую коммуну. Революционное правительство помещается в ратуше. Бойкот выборов со стороны партии порядка[56]. В провинции, за исключением Марселя, спокойно.

[Окунев].

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

Льеж, [17] 29 марта 1871 г.

Слово решительно принадлежит событиям. В результате пресловутого компромисса между мэрами, которых оскорбляло и третировало Национальное собрание, и делегатами ратуши легальное правительство в Версале находится перед совершившимся фактом 26 марта, фактом чудовищным, которого следовало ожидать и который поставил Париж в распоряжение Интернационала и людей беспорядка. В данный момент взрыв кровавого конфликта в столице избегнут, но он только отодвинут в будущее. Правительство Тьера приготовляет атаку против Парижа. Если оно сможет, оно с этой атакой поторопится, иначе оно само может оказаться захваченным победоносным восстанием, которое разрастается с каждым днем и угрожает двинуться на Версаль и выгнать собрание и правительство. Во Франции нет больше людей, и конечно нельзя полагаться на ту толпу потерявших репутацию генералов, которые окружают Тьера лестью и обещают ему подчинить Париж с помощью пушек. Эти пушки нельзя поручить недисциплинированным войскам, которые втыкают штыки в землю, вместо того чтобы сражаться. Смятение и честолюбие имеются повсюду, настоящий патриотизм и здравый смысл — почти нигде.

В Версале говорят об аннулировании муниципальных выборов 26 марта и о декрете, предписывающем новые выборы. Но к чему доброму могут привести подобные меры, если они останутся такой же мертвой буквой, как и положение с осадой департаментов Сены и Уазы?

Когда имеют мужество при таком страшном кризисе, как нынешний французский, стать во главе дел страны, нужно также иметь мужество сопротивления и действия во-время. Г-н Тьер доказал, что он не имеет ни того, ни другого. Покинув Бордо, он должен был перенести правительство Национального собрания в Париж, не терять ни минуты и личным присутствием в столице задушить восстание в зародыше, а для того, чтобы отнять всякий предлог для его возобновления, пойти на искренние и широкие уступки парижскому населению в отношении его коммунальной автономии.

. . . . . .

. . . . . .

Но г. Тьер, поскольку я его знаю, — это централист и реакционер и вследствие этого неспособен спасти и умиротворить Францию.

Барский дом г. Тьера на площади Сен-Жорж охраняется постом национальной гвардии. Г-н Тьер оставил там всю свою богатую обстановку, великолепную библиотеку и много ценных предметов искусства. Г-жа Тьер увезла с собой только свои драгоценности весьма крупной стоимости. По-моему, богатство г. Тьера может равняться примерно десятку миллионов, богатство, которое вполне соответствует крайней жадности г-жи Тьер и ее сестры Фелиции Дон. В конце концов глава исполнительной власти обеспечен не хуже мелкого государя.

Господа Жюль Фавр и Пикар значительно упали в общественном мнении Франции; утверждают, что они в большом унынии от потери своей популярности в Париже. . . . . .

. . . . . .

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку в С-Петербург.

Версаль, [17] 29 марта 1871 г.

Шифром: Положение в Париже мало изменилось. Мятеж все еще продолжает оставаться победоносным. Многие мэры вошли в соглашение с вожаками, чтобы заставить население принять участие в выборах, но явилась только одна пятая избирателей.

Это народное правительство держится посредством террора, но совершенно дискредитировано. Мы хотим предоставить его собственной немощи.

Мы могли бы направить против него ту армию, которая у нас в руках, но мысль о сражении на улицах Парижа нас останавливает, и мы предпочитаем подождать несколько дней, надеясь, что мятеж сам собой кончится крахом. Департаменты его отвергают, Лион, Тулуза, Сент-Этьенн (одно слово не расшифровано) движение, совершенно неудавшееся. Что бы ни случилось, порядок будет восстановлен.

Орлов[57] *Горчакову.*

Письмо. Брюссель, 17/29 марта 1871 г.

Князь,

Основным вопросом дня является внутреннее положение Франции. Все, что произошло там за последние десять дней, явилось для всех полной неожиданностью. Самые пессимистические умы никогда не осмелились бы предположить, что в Париже может вспыхнуть революция раньше окончательного ухода пруссаков.

17 марта нового стиля главный редактор газеты „L'indépendance" писал мне из Парижа, что дело на Монмартре приняло характер гротеска и скоро рассеется, как дым. Вечером 18 марта мне нанес визит главный редактор газеты „Des Débats". Он покинул Париж в 7 час. утра, слышал, как били тревогу, но предполагал, что это было следствием какой-нибудь мало значительной свалки. В то время как он мне это рассказывал, я получил телеграмму с границы: меня извещали об успехе восстания.

Вот его сокровенная история, которая будет когда-нибудь дополнена, но не будет опровергнута. Дело с монмартрскими пушками было в сущности случайным. Эти артиллерийские орудия были частного производства и в качестве таковых игнорировались военной властью, которая оставила их на Ваграмской площади (недалеко от Елисейских полей) до

кануна дня вступления пруссаков. Некоторые лица возмутились этой небрежностью. Толпа народа пришла забрать пушки. Их хотели вывезти на площадь des Vosges (бывшую Королевскую); но вскоре заметили, что дотащить туда пушки будет трудно, и отправились на Монмартр. В этот момент в Париже было еще правительство, но не было больше администрации. Тьер совершил огромную ошибку, не организовав полиции до своего отъезда в Бордо. Всякий делал, что хотел, и таким образом революционная власть смогла установиться в Бельвиле и на Монмартре якобы для того, чтобы охранять национальные пушки, которые, по правде сказать, никто не хотел присваивать.

До сих пор это была местная распря; но она совпала с важной резолюцией, принятой руководителями европейской демагогии. В Лондоне 15 марта они постановили воспользоваться монмартрским движением, чтобы установить в Париже красную республику. Соответствующие приказы были уже 16-го привезены парижским демагогам, а 17-го верховный комитет, заседающий в Берне, утвердил решения, принятые 15-го в Лондоне[58].

Пока что г. Тьер, полный иллюзий относительно состояния столицы, ничего не знал о том, что демагогия приготовляется к действию. Он рассчитывал, предписывая занять Монмартр в ночь с 17-го на 18-е, что там встретят только кучку агитаторов. Натолкнулись на целую армию якобинцев.

Я сознательно употребляю это слово, вместо того чтобы говорить о социалистах, потому что социалисты проявляют мирные тенденции, в то время как красные или якобинцы стремятся только к перевороту и кровопролитию. Социалисты занимаются теориями; якобинцы стремятся только к захвату власти в собственную пользу. Но поскольку социализм господствует в рабочем классе, якобинцы льстят социалистическим вождям до того момента, когда они смогут обойтись без них. Это старая тактика Робеспьера по отношению к гебертистам. В 1869 г. я посещал народные собрания в Париже и теперь обнаружил в своих заметках это различие между якобинцами и социалистами, которое никогда не следует терять из виду, если стремишься отдать себе точный отчет в нынешнем состоянии Франции[59].

Теперь я закрываю мои длинные скобки.

К крайнему изумлению правительства линейные войска действовали заодно с демагогами. Чтобы понять это, следует возвратиться далеко назад.

В 1850 г. я видел Саторийский лагерь и был на банкете, который президент давал унтер-офицерам парижской гвардии в Елисейском саду. Один старый военный сказал мне тогда: „В течение 20 лет французская армия будет деморализована“. Пророчество сбылось.

Во Франции нет больше дисциплины, и командиры боятся своих собственных солдат. Вот один пример этого. Военный министр послал через одного из своих офицеров 19 марта приказ отправить в Версаль одну часть парижского гарнизона. Генерал, которому был адресован приказ, был найден спящим в своей кровати. Он сказал офицеру: „Если я отдам приказ выступать в Версаль, мои солдаты меня убьют; если я прикажу им атаковать Монмартр, они выдадут меня повстанцам. Значит я предпочту оставаться в кровати“. Офицер не добился другого ответа. При

своем возвращении в военное министерство он не застал там больше ген. Лефло, который покинул столицу вместе со своими коллегами.

В тот же день, 19 марта, один полк показался на улице Пигаль. Раздалось вдалеке несколько выстрелов, и тогда солдаты бросились бежать, так что их невозможно было остановить.

Не думайте, что я цитирую этот пример для того, чтобы доказать, будто военное будущее Франции погибло. Я этого не думаю. Я полагаю только, что нынешняя армия должна быть полностью распущена и замещена новыми людьми и командирами, исполненными идеей долга и убеждением, что основой и главным условием существования хорошей армии является дисциплина.

Зародышем такой армии являются, как говорят, 6 тыс. вандейцев, которых Шаретт только что привел в Версаль. Это кадры провинциальной роялистской армии, которой вскоре придется сражаться с революционной армией Парижа[60]. Г-н Тьер все уступил красным. Этой ценой он добился передышки. Но передышка может быть только короткой. Содержание национальной гвардии Парижа обходится сейчас приблизительно в 500 тыс. франков в день. Что бы там сейчас ни говорили, ее конечно придется распустить. Она откажется сложить оружие, и правительство будет вынуждено применить силу. Это означает, что люди из провинции будут брошены на атаку Парижа. Это будет иметь место очень скоро. Красные прибегнут тогда к террору. Они будут побиты, и, поскольку они относительно малочисленны, их окружат повсюду, и Франции придется пройти эпоху реакционных проскрипций, или белого террора. Кто придет затем править Францией — вот вопрос? *

Я думаю, что это будет правление Генриха V, соглашение которого с принцем Парижским как будто уже состоялось. Заключал его, говорят, князь Бизаччио (Ларошфуко). Пока что бонапартисты продолжают действовать и отправляют многочисленных агентов в Париж.

Простите за длинное письмо, примите и пр.

Орлов.

Окунев Горчакову.

Донесение № 55. Версаль, 18/30 марта 1871 г.
2 приложения **.

Г-н канцлер,

На выборах в Парижскую коммуну огромное большинство голосов получили кандидаты повстанческого комитета.

Вице-адмирал Сессей, главнокомандующий национальной гвардией, не будучи в состоянии собрать достаточного числа приверженцев и не получив вооруженной помощи, с просьбой о которой он обращался в Версаль, был вынужден распустить находившиеся под его командованием батальоны. С этого времени все мэрии Парижа заполнились повстанцами, и выборы производились под давлением комитета из ратуши.

Ввиду подобного положения вещей партия порядка сочла для себя необходимым от голосования воздержаться, чем и была обеспечена победа кандидатов, выставленных комитетом.

---

* Последние слов написаны по-английски (очевидно для более точного воспроизведения монолога Гамлета).

** Оба приложения—газетные вырезки. В одной вырезке отмечены две статьи. Они даны ниже под номерами 1 и 2.

Тотчас же по водворении Коммуны на большей части общественных зданий было поднято красное знамя. Так как повстанцы одержали полную победу, то в данное время в столице установилось внешнее спокойствие. Партия порядка держится пассивно и ограничивается тем, что старается охранить спокойствие ежеминутно угрожаемого очага.

В этом рискованном положении она ждет, что правительство проявит инициативу для восстановления законности.

Хотя газеты продолжают перепечатывать все воззвания, появляющиеся в парижском „Правительственном вестнике“ („Journal officiel de Paris“), я все же считаю необходимым представить императорскому министерству прилагаемые при сем вырезки, содержащие в себе проект предполагаемой программы Коммуны, а также статью по вопросу о цареубийстве.

По поражающему цинизму этой последней статьи можно составить себе представление о характере этого восстания, которое грозит поколебать все принципы, на основе коих покоится общество.

Примите и пр.

Окунев.

Приложение 1.

Проект программы Коммуны.

В настоящее время Центральный комитет если не фактически, то юридически уже уступил место Коммуне. Выполнив свои чрезвычайные полномочия, принять на себя которые он был вынужден силой обстоятельств, он сам сведет свою деятельность к выполнению той специальной задачи, которая являлась для него основной. Она яростно оспаривалась властью, что и вынудило комитет вступить в борьбу, чтобы победить или умереть с тем городом, вооруженным представителем коего он являлся.

Будучи выразителем муниципальной свободы, комитет не преследовал иной цели, как только законно, по праву восставших против правительственного произвола, во что бы то ни стало не допустить, чтобы у Парижа было отнято победоносно им завоеванное изначальное его право. Уже на другой день после голосования можно сказать, что комитет выполнил свой долг.

Что касается избранной Коммуны, то ее роль будет совсем иною, и формы ее деятельности могут быть различны. Прежде всего ей придется точно определить свои полномочия и разграничить свои права и обязанности. Ту созидательную власть, которая в таких широких, неопределенных, неясных размерах вверена Францией Национальному собранию, ей придется проявить в отношении себя самой, т. е. в отношении того города, выразительницей коего она и является. Таким образом первым действием избранных нами лиц должно быть обсуждение и составление хартии, того акта, который наши предки в средние века называли хартией коммуны.

Покончив с хартией, им придется рассмотреть вопрос о том, каким образом заставить центральную власть, какова бы она ни была, признать этот статут муниципальной автономии и гарантировать соблюдение его. Эта часть их задачи будет нелегкой, в случае если локализация движения в Париже или в одном-двух крупных городах даст возможность Национальному собранию настоящего созыва продлить на будущее время свои полномочия, которые по здравому смыслу и в силу обстоятельств должны были ограничиться лишь заключением мира и с некоторого времени могут считаться уже законченными.

На узурпацию власти Парижская коммуна может ответить лишь узурпацией со своей стороны. Объединившись с уже освобожденными коммунами Франции, она должна будет от своего имени, от имени Лиона, Марселя и, может быть, вскоре от имени десяти крупных городов заняться рассмотрением статей того договора, который должен будет объединить их со всей нацией и выявить ультиматум, который они согласятся сообща подписать.

Каков будет этот ультиматум? Прежде всего, само собой разумеется, в него должна быть включена гарантия автономии и восстановления муниципального суверенитета. Во-вторых, он должен будет обеспечить свободу сношений Коммуны с представителями национального объединения.

Наконец должно быть предложено Собранию, если оно согласится вести переговоры, издание такого избирательного закона, при котором в будущем представительство городов не поглощалось бы представительством деревень и не растворялось бы в этом последнем. Если не будет проведен избирательный закон, выработанный в этом именно направлении, то ни национальное единство, ни нарушенное социальное равновесие не смогут быть восстановлены.

На этих условиях, и только на этих условиях, восставший город сделается снова главенствующим городом. Благодаря более свободному общению со всей Францией дух его скоро станет духом самой нации, духом порядка, прогресса, справедливости, т. е. революции[66].

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ,

федеральный совет парижских секций.

Федеральный союз рабочих обществ.

Приложение 2.

Воззвание к парижским рабочим.

Рабочие!

Целый ряд несчастий, катастрофа, которая должна повлечь за собой полное разорение для нашей страны, — вот в конечном итоге то положение, в которое поставлена Франция руководившими ею правителями.

Утратили ли мы те качества, которые нам необходимы, чтобы выйти из этого приниженного состояния? Неужели мы выродились до такой степени, чтобы покорно претерпевать лицемерный деспотизм тех, кто предал нас иноземцам, чтобы не найти в себе иной энергии, кроме той, которая, воплощаясь в гражданскую войну, сделает неминуемым наше разорение? Последние события доказали силу парижского населения, мы убеждены, что его мудрость скоро проявится в заключении братского соглашения.

Власть оказалась отныне бессильной восстановить порядок на улицах, возродить работу в мастерских, — этим бессилием она сама себя упраздняет.

Противоположность различных интересов породила всеобщее разорение, вызвала гражданскую войну; только свобода, равенство и единение способны восстановить порядок на новых началах и реорганизовать труд, являющийся первым его условием.

Работники! Коммунальная революция провозглашает эти принципы, она устранит все основания для конфликтов в будущем. Разве вы не решитесь дать ей свою окончательную санкцию?

Независимость Коммуны — залог того договора, которым после свободного обсуждения его статей будет положен конец классовому антагонизму и обеспечено социальное равенство.

Мы стремимся к эмансипации работников, и коммунальная делегация является этому гарантией. Она должна доставить каждому гражданину возможность защищать свои права, установить фактическое наблюдение за действиями своих уполномоченных, которым он вверил защиту своих интересов, содействовать постепенному проведению социальных реформ.

Автономность каждой коммуны лишает эти требования характера какого-либо принуждения и ведет к утверждению Республики в наивысшем ее проявлении.

Работники, мы боролись, мы научились страдать за наш принцип равенства, мы не можем отступить в тот именно момент, когда налицо возможность заложить первый камень в фундамент социального строительства.

Чего мы требовали?

Организации кредита, обмена, товарищества, дабы работнику была обеспечена полная стоимость его работы. Бесплатного, всеобщего, светского образования, права собраний, ассоциаций, совершенной свободы печати, свободы гражданской. Передачи муниципалитету организации полиции, вооруженных отрядов, санитарии и статистики.

Мы были одурачены нашими грабителями, мы дали им себя обмануть, когда они вели свою игру, то поощряя, то притесняя те партии, антагонизмом коих поддерживалось их существование. Теперь народ Парижа прозрел, он отказывается впредь от роли ребенка, руководимого наставником. При проведении муниципальных выборов, являющихся следствием поднятого им самим движения, народ

не забудет, что общество в целом должно руководиться тем же принципом, которым руководствуется при своей организации каждая группа, каждая ассоциация: как всякого верховного администратора, навязываемого ему властью извне, он отвергнет и всех тех мэров и префектов, которые будут ему предложены правительством, чуждым его стремлениям.

При голосовании в собрании он подтвердит свое верховное право остаться хозяином своего города и сорганизовать свое муниципальное представительство так, как ему представится нужным, не претендуя навязывать таковое другим.

Мы убеждены, что в воскресенье 26 марта население Парижа почтет для себя честью голосовать за Коммуну.

Делегаты, присутствовавшие на заседании в ночь на 23 марта 1871 г.

Федеральный совет парижских секций Международной ассоциации: Обри (Руанская федерация), Будэ, Шодзальг (Chaudesalgues), Куафе, В. Демей, А. Дюшен, Дюпюи, Лео Франкель, В. Пулле, Лоро, Лимузен, Мартен Леон, Ностаг, Ш. Роша.

Федеральный союз рабочих обществ: Камелина, Декам, Эвэт Галан, Аан (Haan), Аме (Hamet), Жанс, Л. Лаллеман, Лазар Леви, Пенди, Эжен Поттье, Рувейроль, Спётлер, А. Тейч (A. Theisz), Вери.

Приложение 3.

Статья Эд. Вайяна[61].

Мы печатаем нижеследующую статью гражданина Эд. Вайяна, статью, которая представляется нам дающей удовлетворительное решение одного из трудных вопросов текущего момента.

Уполномоченный, главный редактор „Правительственного вестника“
Ш. Лонгэ[62].

Нас уведомляют, хотя и совершенно неофициально, что герцог Омальский будто бы находится в Версале. Если бы это было верно, то из этого бы следовало, что по пути из Бордо в Версаль герцог Омальский не встретил ни одного гражданина.

Еще раз по подобным явлениям можно судить о том, насколько понизилось понятие о моральном и гражданском долге. В древних республиках истребление тирана было законом; здесь же условная мораль именует этот акт справедливости и необходимости убийством.

К негодяям, которые благодушествуют в монархической гнили, к интриганам, которые на ней наживаются, примыкает группа сентиментальных глупцов.

Они заявляют, что эти бедненькие принцы не ответственны за преступления их отцов, их рода, их семьи, так же как не ответственен и сын Тропмана.

Они забывают при этом, что общественное мнение не винит сына преступника, если он сам не является преступником; однако, по справедливости, к тому, кто с юных лет находился под дурным влиянием, чье первоначальное воспитание имело дурное руководство, все относятся с недоверием.

Так же и принц, сын принца, продолжающий называть себя принцем и, как упомянутый Омальский, дерзающий ставить в республиканской Франции вопрос о монархии и о кандидатуре своей семьи, возбуждает наш гнев и взывает к нашей справедливой мести.

Даже если бы эти принцы, мечтающие снова ввергнуть нас в угнетенное состояние, даже если бы они просветились гением революции, — они должны были бы тогда понять, что им не следует вызывать несогласия и делаться объектами гражданских войн, они тогда сами должны были бы осудить себя на то, чтобы отправиться искупать грех и позор своего рождения в какой-нибудь отдаленной стране.

Ведь недостаточно того, что они сами будто бы не питают честолюбивых планов, — мы помним клятвы и протесты Бонапарта; даже если сами они и искренни, то их именем, их присутствием воспользуются те, кто связывает с их судьбой свои интриги, свои выгоды, свое честолюбие: поэтому каковы бы ни были намерения самого принца, влияние его будет неизменно пагубным.

Как в материальном мире, основанном на незыблемых законах, уничтожаются все дисгармонирующие элементы и ничто, нарушающее общее равновесие, не может воспреобладать, так и в обществе каждый объект, вносящий смятение в моральный порядок, каждое препятствие на пути осуществления идеала справедливости, к коему стремится революция, подлежит уничтожению.

На обществе лежит лишь одна обязанность по отношению к принцам: смерть. Общество связано только одной формальностью: установлением личности. Орлеаны во Франции!—Бонапарты намерены вернуться! Честные граждане, будьте на страже!

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [18] 30 марта 1871 г.
4 час. 30 мин. пополудни.

Шифром: . . . . . .

. . . . . .

Фабрице сообщает из Версаля, что операции, которые возможно придется предпринять против парижских повстанцев, будут менее трудны, чем это думают. д'Убри.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [19] 31 марта 1871 г.

Шифром: Благодарю вас за сообщение более благоприятных новостей, полученных правительством из департаментов. Здесь они встречены с удовлетворением.

Однако здесь продолжают не верить, чтобы вам удалось покончить с парижским восстанием иначе, как применив силу. Это мнение выразил мне вчера и министр внутренних дел. Оно разделяется всеми, хотя все понимают мотивы, которые заставляют вас до сих пор избегать применения этого крайнего средства.

. . . . . .

. . . . . .

Посланник в Берне[63] Горчакову.

Донесение № 11. Женева, 19/31 марта 1871 г.

Князь,

Из страха, как бы парижское восстание, которое вызвало уже беспорядки в Лионе и Марселе, не отразилось и на Женеве, где под влиянием Международного товарищества рабочий класс почти целиком распропагандирован для дела революции, Федеральный совет поспешил вступить в связь с правительством этого кантона, чтобы получить сведения о мерах, требуемых обстоятельствами, и чтобы не оказаться застигнутым врасплох событиями.

Восстановление порядка в Лионе, который вследствие своей близости всегда оказывает прямое влияние на Женеву, только частично рассеяло эти опасения, так как на первые числа апреля в этом городе объявлено собрание секций Интернационала, решения которого в нынешний момент могут представить действительную опасность. Как бы там ни было, можно быть уверенным, что в случае необходимости федеральная власть вмешается так же энергично, как она это сделала в Цюрихе, чтобы обеспечить порядок и общественное спокойствие.

Обстоятельство, которое мне представляется достойным быть отмеченным,—это тот факт, что, несмотря на предстоящее собрание Интернационала, многие влиятельные члены этой ассоциации только что покинули Женеву, чтобы отправиться в придунайские области. Этот отъезд,

о котором я узнал из верного источника во время моего недавнего пребывания в Берне, очевидно имеет причиной революционную агитацию, обозначившуюся в данный момент в Румынии. Я жалею, что не собрал более точных информаций об этих эмиссарах, которые как будто принадлежат почти все к польской национальности[64].

Менее счастливые, чем члены Интернационала, мирные немецкие колонии, находящиеся в этой стране, не смогли воспользоваться свободой собраний, которую закон предоставляет здесь всем, чтобы отпраздновать заключение мира. Цюрихские события показали, до какой степени враждебна по отношению к немцам чернь, возбуждаемая радикальной прессой, поэтому мой прусский коллега счел благоразумным предложить своим соотечественникам воздержаться от всяких манифестаций, которые могут привлечь общественное внимание.

Примите и пр. Гирс.

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

„Возможные разрешения и последствия парижского восстания".

Льеж, [20 марта] 1 апреля 1871 г.

Жестокая драма, представляющая собой смешение правды и лжи, которая развертывается между тремя актерами — повстанческим комитетом Парижа, Национальным собранием и г. Тьером, должна решительно в скором времени притти к какой-нибудь развязке.

Ратуша со своей злодейской улицей, своим хвостом дикарей, убийц с улицы Розьер, влачится по сточным канавам; Собрание, не менее нетерпимое и не менее бунтовщическое, чем люди ратуши, стремится к реакции; а г. Тьер ведет дипломатию с обоими, ожидая, покуда он сможет действовать иначе, если впрочем у него хватит на это смелости. По существу Собрание так же реакционно, как и г. Тьер, только оно более искренне, но также и более слепо, чем он, в своем ретроградном движении. Не важно, который из них победит, — оба одинаково неспособны исцелить раны Франции, умиротворить ее и закончить эру революций.

Но перед пропастью не спорят, — ее измеряют.

Положение, как оно рисуется в данный момент, может иметь только три исхода: или реакция в Париже, которая заставит восставших пойти на мировую с легальным правительством, или прямое соглашение, добровольное для одной из борющихся сторон, или наконец сражение между войсками Центрального комитета и армией исполнительной власти.

Две первые возможности почти нельзя допустить. Только третья наиболее возможна, но она представляет ужасающие перспективы.

Благодаря слабости, бездеятельности, нерешительности и действиям ощупью г. Тьера восстание 18 марта грандиозно разрослось. В своем происхождении дело на Монмартре представляется простой идиллией; это было почти из Berguin, это было просто, как день; тогда мятеж был только делом маленькой группки смутьянов, не имеющих ни полномочий, ни сил. Но теперь оно выросло до размеров колоссального восстания, оно царствует и управляет в Париже, оно стало почти легальным вследствие выборов 26 марта, оно имеет твердую программу, программу спра-

ведливую в существе, т. е. программу освобождения коммуны и ее местной защиты от древней и произвольной опеки государства. Оно ограничивается этой муниципальной реформой. Но раз ставши на наклонную плоскость узурпации, наиболее скользкую из всех плоскостей, там быстро забывают свой исходный пункт, — во Франции больше чем где бы то ни было. Ну, если события и удача помогут, подобное легко может получиться и с вожаками ратуши. „Никогда не идут так далеко, — сказал Кромвель, — как когда не знают, куда итти".

Руководители восстания рискуют своей головой и своим будущим, они имеют силу быка и при этом еще такую веру, которая не знает сомнений ни в чем, так что вероятно их сопротивление будет только более упорным и отчаянным. Если они выиграют, то ли из-за бегства войск, собранных в версальском лагере, то ли из-за ошибок генералов, столь же непопулярных, сколь и неспособных, — ибо все возможно в данный момент во Франции! — можно бояться, что отражение поражения правительства немедленно даст себя чувствовать во всех городах новыми восстаниями, которые на этот раз могут быть решительными. Словом, победоносное парижское восстание может превратиться в новую революцию во всей стране. Ну, если это произойдет, как смогут удержаться нынешние правительство и Собрание против подобного общего потрясения?

Если, наоборот, в Париже восстание будет побеждено силой, можно ожидать беспощадной реакции со стороны притворщиков и интриганов Собрания. Под их покровительством эта реакция убьет г. Тьера, — что впрочем будет только справедливо, — назначит на его место какого-нибудь солдата, какого-нибудь генерала из новых героев улицы, второго Кавеньяка, который в свою очередь сослужит службу Монка в пользу монархии.

Но что скажет Франция, родившаяся после 1848 г., об этом новом королевском маскараде?

Будущие потрясения ответят в свое время на этот капитальный вопрос. Франции быть может еще долго суждено, подобно Сизифу, катать камни монархии и республики, пока последняя не окажется наконец окончательно утвержденной и укрепившейся.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [21 марта] 2 апреля 1871 г.
9 час. 30 мин. вечера.

Воскресенье. Утром повстанцы были атакованы между Версалем и Парижем, обращены в бегство, оставили убитых и пленных. Дух войск великолепен. Солдаты, захваченные между инсургентами, расстреляны.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [22 марта] 3 апреля 1871 г.
9 час. 30 мин. утра.

Понедельник. Сегодня утром две колонны повстанцев, исчисляемые в 40 тыс. человек, произвели вылазку из Парижа на Рюэль и Медон. Атака мужественно отбита, повстанцы оставили много убитых и пленных. Флуранс [65] убит.

Окунев.

Фавр Габриаку *

Телеграмма. Версаль, [21 марта] 3 апреля 1871 г.

Террористическая партия, господствующая в Париже, не успокоилась после жестокого урока, полученного от наших войск вчера; сегодня она захотела пойти ва-банк с преступной отвагой, решившись на общую атаку против Версаля. Сегодняшним утром нестройная колонна силою более 15 тыс. человек выступила на Нантерр, Рюэль, Буживаль, Шату и Безон, таща за собой несколько пушек. При ее появлении на равнине укрепления Мон-Валерьен встретили ее своим огнем. Главнокомандующий, извещенный около 5 час., поднял войска, и вскоре вершины были заняты. В 8 час. ген. Винуа лично отправился на театр действий. Неприятель, сильно теснимый со стороны Марли и Буживаля, был вытеснен после сражения, в котором наши солдаты проявили самую блестящую храбрость; Рюэль, Нантерр, ферма Фуйэз были окружены и охвачены посредством обходного движения. Повстанцы были захвачены или обращены в бегство, оставив в наших руках две свои пушки.

В то время как на левом фланге происходили эти операции, наш правый фланг стал объектом более серьезной атаки, которую никак нельзя было предвидеть. Инсургенты в количестве 15—20 тыс. обрушились на Ванор, Шатильон и Медон. Замок был ими захвачен, поскольку сопротивление им мог оказать только жандармский пост, героически защищавшийся в течение нескольких часов. Получивши вскоре подкрепления, эти солдаты под начальством своего бравого полковника перешли в наступление и отбили медонскую позицию. Подоспевшие на эту позицию вспомогательные войска опрокинули неприятеля и гнали его от деревни к деревне, вплоть до Малого Бисетра, нанося ему жестокие потери во всех направлениях; беглецы устремились к парижским воротам, оставляя за собой большое число раненых; в числе убитых находится командир Флуранс, который, как говорят, пал под ударами своего собственного войска; наши потери были бы почти ничтожны, если бы не атака Медонского замка, которая стоила жизни нескольким жандармам. Есть все основания надеяться, что этот день лишит мужества мятежников из ратуши и что вскоре благодаря преданности армии законный порядок будет восстановлен в столице; провинция попрежнему спокойна [66].

Фавр Габриаку **

Телеграмма. Версаль, [22 марта] 3 апреля 1871 г.

Поскольку обозначилось движение повстанцев со стороны Рюэль, Нантерр, Курбвуа, Пюто и моста Нейи, который был ими забаррикадирован, ген. Винуа направил сегодня утром две колонны войск, которые соединились в Берже. Четыре батальона повстанцев занимали казарму Курбвуа и укрепления казармы. Все это и возведенные большие баррикады были захвачены замечательным порывом наших морских и линейных войск. После этого они бросились на десант, подходивший к мосту Нейи, и

---

* Телеграмма Ж. Фавра Габриаку, которую последний в копии послал Горчакову.

** Сохранилась в копии среди писем Габриака Горчакову.

взяли в штыки повстанцев, которые обратились в стремительное бегство, оставив большое число убитых и раненых. Воодушевление войск ускорило результат. Наши потери почти ничтожны, ожесточение солдат дошло до крайних пределов и проявлялось особенно против дезертиров[67]. В четыре часа наши войска вернулись в свои лагери после смены их войсками, посланными из Версаля.

Блудов Горчакову.

Донесение № 9. Брюссель, 23 марта/4 апреля 1871 г.

Князь,

Один путешественник, который только что пересек большую часть Франции, передает некоторые новости о положении страны, о чем имею честь доложить вашему сиятельству для информации.

На юге восстановлен общий порядок. В Ниме, где он провел несколько дней, в Монпелье и т. д. и т. д. спокойствие полностью восстановлено. Только в Нарбонне не приняли энергичных мер, потому что Коммуна задержала несколько заложников, жизнь которых не хотели ставить под угрозу. Но и тут умиротворение неизбежно.

Кажется самый бунт носил в этих местах случайный характер. Высадившись в Марселе в момент победы Коммуны, мой путешественник два часа прогуливался по улицам города, не подозревая о событиях. Таким образом он мог подтвердить мне de visu, что в провинции беспорядки подавлены.

В Париже он нашел спокойствие, но это было спокойствие агонии. На улицах столицы, некогда столь бурливых, теперь говорят только шопотом, как в палате умирающего. Моральная подавленность полная. Террор и обескураженность господствуют повсюду.

Как только образуются группы, национальный гвардеец говорит: „проходите“, и народ немедленно рассеивается без всякого колебания.

На вокзалах происходят душураздирающие сцены. Плачущие женщины и дети стремятся бежать; поезда берутся почти с бою. Дамы сами тащат свои сундуки и чемоданы. Словом, разложение полное.

Повидимому даже среди народа удовлетворение не является общим. Мой собеседник рассказал мне, что, узнав в нем иностранца, многие простые люди выражали ему свои опасения относительно настоящей ситуации. Один только извозчик оказался энтузиастом нового порядка вещей. „Я могу запросить с вас 6 франков за проезд, и я не плачу за квартиру. Вследствие этого я готов умереть за отечество“.

Среди ошибок Коммуны имеется одна, возымевшая плачевный результат. На рыбном базаре произвели реквизицию лотошной торговли. Крестьяне из окрестностей Парижа этим устрашены и не привозят больше припасов, поэтому продовольственные цены утроились в течение одного дня.

Примите и пр.

. . . . . .

. . . . . .

Блудов.

Блудов Горчакову.

Донесение № 10. Брюссель, 24 марта/5 апреля 1871 г.

Князь,

Поведение Парижской коммуны произвело обратное действие на остальную Францию. Можно сказать, что столичные республиканцы убили шансы умеренной республики.

Раньше имелась большая партия, решившаяся лойяльно перенести опыт приличной республики. Многие убежденные сторонники монархического принципа покорились необходимости испытать правительственную форму своих противников, лишь бы она была введена легально и спокойно.

После последних событий республика в глазах большинства превратилась просто в синоним анархии и низвержения всякого социального порядка.

Роялисты всех оттенков видят спасение страны только в слиянии двух ветвей Бурбонов. И поскольку они его желают, они надеются на его осуществление.

Один эмигрант, или вернее беженец из Парижа, уверял меня, что оно уже осуществлено.

. . . . . .

. . . . . .

Кроме того мне рассказывают, что в данный момент г. Тьер является единственным оптимистом во Франции. Он убежден, что правительство было спасено отступлением в Версаль. Без этого маневра 18 марта стало бы повторением 24 февраля.

Но он рассчитывает снова отвоевать Париж и восстановить нормальный порядок вещей. Он хочет действовать посредством умеренной республики. По его мнению, правительство, которое привело бы к гражданской войне, не имело бы никаких шансов удержаться долго, и претендент, который имел бы неосторожность взять власть в настоящих условиях, подписал бы акт отречения через более или менее короткий промежуток времени.

Г-н Тьер считает [свое президентство] необходимым в качестве переходного момента и стремится удержаться у власти. Является ли это честолюбием или настоящим самоотречением для будущего своей страны?* Только его совесть могла бы ответить на этот вопрос.

Примите и пр.

Блудов.

Окунев Горчакову.

Донесение № 56. Версаль, 24 марта/5 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Ввиду того, что инсургенты несколько дней назад предприняли выступление в районе Рюэля и Курбвуа и угрожали Версалю, правительство увидело себя вынужденным выйти из того бездейственного состояния, в котором оно намеревалось пребывать до объединения достаточных для начала решительной борьбы воинских сил.

Кажется Коммуна, полагаясь на дурной дух в войсках, хотела рискнуть двинуться на Версаль, пока еще армия не скомплектовалась.

---

* Помета Александра II: *„Я думаю, что есть и то и другое“.*

Занятие инсургентами позиций в Рюэле делало положение тревожным. Между тем г. Тьер отказывался начать на них наступление, опасаясь, как бы действия, предпринятые с недостаточными силами, не возымели печальных последствий для будущих операций. Глава исполнительной власти был вынужден однако уступить настояниям присоединенной к правительству парламентской комиссии, требовавшей немедленного наступления на инсургентов.

Войска ген. Винуа двинулись двумя колоннами — одна через Рюэль, другая через Монтрету. Они сняли баррикады в Курбвуа и на мосту Нейи. Кажется на этот раз не было никаких колебаний, и все вызванные войска прибыли. Этот поворот в настроении армии был встречен в Версале с чувством большого удовлетворения.

На другой день инсургенты двумя колоннами в количестве приблизительно около 40 тыс. человек вышли из Парижа и направились — одна по направлению к Буживалю, другая к Медону. Войска, одушевленные одержанным накануне успехом, храбро оттеснили их и завладели всеми позициями, за исключением Шатильона, который был взят на другой день. Сегодня войска захватили оба берега Сены. У инсургентов было взято несколько пушек и большое количество пленных; Флуранс был убит в сражении. Другой начальник, некий Дюваль [68], расстрелян на месте. В то время как за пределами Парижа начались действия, в самой столице царит внешний порядок.

Примите и пр. Окунев.

В министерство иностранных дел — без обращения и без подписи.

Письмо *. Версаль, [24 марта] 5 апреля 1871 г.

О нашем положении почти невозможно составить себе представление, если не находишься в Версале, в постоянных сношениях с депутатами. Военное положение хорошо. Социалисты отлично сражаются и находятся под умелым командованием; со стороны порядка командование оставляет желать лучшего, но дух армии, относительно которого были беспокойства, превосходен; солдаты ожесточены, население Версаля в таком же настроении. Флуранс убит, генерал (?) ** Дюваль расстрелян вчера на месте, ген. Анри захвачен в плен и будет расстрелян сегодня, если он уже не расстрелян сейчас. Взято в плен несколько тысяч, многих расстреливают на месте, — всех начальников и всех принадлежащих к армии. Рассчитывают, что борьба продлится еще с полмесяца. Парижу придется много претерпеть, но в конечной победе не сомневаются.

Политическая ситуация также хороша. Между монархическими партиями Собрания произошло слияние. Оно еще не вполне оформилось между принцами, но это не так важно. Герцог д'Омаль и принц Жуанвиль, находящиеся в Дре (Dreux), совершенно согласны с правой фракцией Собрания. Граф Парижский не выставит своей кандидатуры в претенденты.

Собрание настроено монархически и либерально; оно питает ужас к

* Это письмо из папки парижского посольства производит впечатление копии, написанной канцелярским почерком. В углу помета: „30 марта 1871 г.", наверху карандашем: „Париж". Нет ни обращения, ни подписи.

** Вопросительный знак в подлиннике.

бонапартизму и социализму, как и ко всем революционным утопиям; оно настроено христиански. Все вполне согласны, что нужно продлить республику вплоть до ликвидации нынешнего положения. Г-н Тьер порвал всякие связи с орлеанистами. Я думаю, что он также хочет вступления на престол графа Шамборского, некоторая часть республиканцев также расположена присоединиться к этому решению. Впрочем два возможных решения проблемы — Генрих V или республика — значительно меньше отличаются друг от друга, чем это можно думать. Республика может быть принята во Франции только при том условии, что она будет настолько консервативна, насколько это возможно, что она оставит в стороне республиканцев и останется в руках монархических партий. Со своей стороны, Генрих V может притти к власти, только приняв режим самых широких свобод. Его правительство фактически было бы республикой с наследственным президентом. Таким образом это скорее вопрос о словах, чем о деле.

Тем не менее между Тьером и правой фракцией, готовой стать большинством Собрания, далеко не существует согласия. Г-ном Тьером управляла сила вещей, но ему не доверяет правая. Там хотели бы, чтобы четыре министра, бывшие министрами в правительстве национальной обороны, — Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Ж. Симон и Лефло — были замещены. Г-н Тьер воспротивился этому. Выражалось желание, чтобы г. Тьер поставил во главе военного министерства и во главе войск способных и энергичных людей, а г. Тьер хочет сохранить за собой руководство военными операциями. Г-н Тьер, не сговорившись с правой, опирается на левую, которая ужасно действует на нервы правой. Нервы играют во всем этом большую роль. Г-ну Тьеру ставят еще в упрек некоторое высокомерие по отношению к Собранию, делегатом которого он в конце концов только и является. Однако, насколько возможно, запасутся терпением, потому что все хорошо сознают, каким серьезным актом было бы свержение г. Тьера. Тем не менее не лишено возможности, что до этого дойдет. Вполне готов человек, который его заменил бы. Это герцог д'Омальский, который значительно лучше представляет стремления большинства. Но назначат ли герцога д'Омальского главой исполнительной власти или назначат его блюстителем верховной власти державы (soit qu'on le crée lieutenant général du Royaume) — это одинаково будет открытым разрывом с республикой, т. е. крайностью, которой будут избегать как можно дольше.

В конце концов ведь ситуация изменяется каждый час под влиянием событий. Мне представляется весьма вероятным, что мы дойдем до Генриха V; весьма вероятно также, что между Тьером и Генрихом V у нас будет герцог д'Омальский, но когда именно, — через несколько дней, через несколько недель или через несколько месяцев, — в этом весь вопрос.

В происходящей сейчас между Версалем и Парижем войне вопрос — социальный порядок или революция — [актуален] не только для Франции, но и для всей Европы. Мы надеемся на лучшее. Если это гнездо социалистов и революционеров будет разрушено, мир и спокойствие надолго обеспечены во всей Европе. Трудность задачи состоит в том, чтобы найти нужный момент, когда будет удобно отнять власть у г. Тьера, чтобы передать ее герцогу д'Омальскому. Слишком раннее разрешение этой задачи могло бы повести к большим бедам. Но также не следует и слишком его откладывать.

Вот нынешнее положение, как оно мне представляется и каким, надеюсь, оно и является. Все это пока весьма непрочно, но-все таки имеется много оснований надеяться.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [24 марта] 5 апреля 1871 г.

Шифром: Записка князя Горчакова, которую он мне написал, возвращая вашу последнюю телеграмму, сообщенную им императору, показывает, насколько горячо желает Европа, чтобы битва, начатая правительством против вожаков революции, привела к полному восстановлению порядка. В глазах иностранцев, принимая во внимание исключительное значение, приписываемое Парижу, продолжение восстания в столице заставит рассматривать до некоторой степени всю Францию как погруженную в анархию. Вследствие этого вопрос о силе, которую Европа признает за нашим правительством, вопрос о его моральном и финансовом кредите во-вне будут разрешены в прямой зависимости от энергии подавле ия.

Меня уверяют, что новости, полученные здесь из Лондона и из Брюсселя, указывают, что бонапартистская партия возлагает большие надежды на продолжение беспорядка. Она льстит себя надеждой, что мятеж будет углубляться, вызовет прусскую интервенцию, и тогда бонапартисты смогут навязать себя стране посредством плебисцита и при помощи растерянных деревенских жителей. Как бы ни мало обоснованными могли показаться эти утверждения пред лицом ясно выраженных пожеланий всей Франции, считаю долгом вам на них указать.

Трубецкой Горчакову *.

Марсель, 25 марта/6 апреля 1871 г.

Императорское генеральное консульство во всех французских портах Средиземного моря.

В министерство иностранных дел.

Вчерашнего 24 марта генерал (фамилия неразборчива) во главе 15-тысячного отряда, после семичасного боя и бомбардирования занятых инсургентами префектуры и частей города, рассеял мятежников и привел Марсель в законный порядок.

Потеря мятежников весьма сильна, со стороны же войск незначительна [69].

Генеральный консул князь Трубецкой.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 84. Берлин, 25 марта/6 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Позиция, занятая федеральными правительствами по отношению к событиям печальное зрелище коих представляет сейчас Париж, не изменилась. Она осталась такой же, как я имел честь указывать вашему сиятельству в моих предшествующих донесениях.

---

* Русский текст.

Запрошенный в заседании 1 апреля о проектах финансовых законов, которые правительство еще думает поставить на обсуждение парламента, князь Бисмарк ха актеризовал положение следующим образом:

„Я не смогу еще изложить точку зрения на те предложения, которые мы почтем нужным сделать в области внешних дел. Мне кажется, мы должны в продолжение еще некоторого короткого промежутка времени выжидать развития событий во Франции. Федеральные правительства хотят облегчить исполнительной власти ее задачу, не вмешиваясь во внутренние дела этой страны. В этом направлении трудно определить точные границы. Взгляд француза усматривает их лучше, чем взгляд иностранца. Но намерением императора и союзных правительств является [попытка] избежать такого вмешательства, как и всякого вообще решения, касающегося судеб великого соседнего народа. Только будущее покажет, до какого предела эта позиция может быть совместима с интересами Германии, и окажется ли это невмешательство возможным в случае, если какое-нибудь из правительств, фактически существующих во Франции, — нынешнее правительство или какое-нибудь другое, — окажется неспособным выполнить условия прелиминарного мира, даже при желании выполнить их. Только будущее укажет границы подобной позиции. Если мы должны будем дойти до этого предела, убеждение в наличности которого должно базироваться на общей ситуации в Европе и во Франции, мы в добрый час возьмемся за выполнение последнего акта этой войны, — с сожалением конечно, но с той же энергией, которую мы проявляли до сих пор“.

Эти слова канцлера были встречены горячим одобрением собрания.

Они подтверждают точки зрения, указанные в моих предшествующих докладах, и могут быть резюмированы следующим образом.

Сотрудничество с нынешним правительством; решение прямо не вмешиваться в нынешнюю и будущую борьбу внутри Франции; поддержание условий прелиминарного мира, подписанного в Версале; в случае изменения обстановки контакт на этой основе со всяким правительством, которое фактически утвердится во Франции.

Впрочем последние новости из Парижа как будто исключают эту последнюю возможность, поскольку представляется, что нынешнее правительство берет верх и одержит победу над восстанием красных.

Тем не менее нынешние занятия этого правительства помешали ему исполнить свои финансовые обязательства. До сих пор оно не произвело никаких платежей имперскому правительству Германии.

Несколько дней тому назад оно потребовало короткой отсрочки для уплаты 36 млн. экю, предназначенных на содержание немецких войск. Но эта уплата до сих пор еще не была произведена.

Эвакуация северных и восточных фортов Парижа зависит от уплаты первых 500 миллионов военных издержек.

„Deutsche allgemeine Zeitung“ поспешила при этом напомнить, что эвакуация этих фортов зависит не только от уплаты, но еще от окончательного подписания мира.

Очевидно, что перед лицом парижских событий имперское правительство Германии будет настаивать на этом втором условии.

Переговоры в Брюсселе продолжаются, но покуда их детали нам неизвестны.

В немецких министерских сферах в конце концов восстание красных в Париже и гражданскую войну, которая является последствием его, рассматривают скорее как выгодные для Германии.

Чудовищные факты дискредитируют Францию, ослабляя ее и увеличивая тяжесть ее несчастья. В то же время эти факты привязывают общественное мнение Европы к Германии, потому что все страны, не исключая и Англии, которая начинает склоняться к своему бывшему союзнику, не могут представить без беспокойства торжество зловредных теорий, проповедуемых Парижской коммуной. Наконец полагают, что беспорядки в этой столице окажут обратное действие на население Эльзаса и Лотарингии, сделав их менее враждебными к перспективе включения их в германскую империю, организация, порядок и могущество которой выгодно контрастируют со столь непрочным состоянием их прежнего отечества.

Такова, господин канцлер, позиция имперского правительства Германии и те оценки и аргументы, которым дает повод нынешнее положение вещей во Франции.

Примите и пр. П. д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 85. Берлин, 25 марта/6 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Последние полученные здесь новости из Франции представляют военные события под Парижем в благоприятном свете для версальского правительства и для дела порядка.

По крайней мере таково мнение ген. Фабрице, который замещает там на месте федерального канцлера и осведомляет его из Руана, где он установил свою главную квартиру.

Князь Бисмарк советовал ему приблизить ее к театру событий. Но он предпочел остаться в Нормандии и объяснил мотивы такого решения, повидимому, удовлетворительно.

Генерал Фабрице заключил в последнее время с версальским правительством соглашение, уточняющее платежи, относящиеся к содержанию немецких войск и видоизменяющие в то же время условия, которые ограничивали французские силы в Париже.

По этому соглашению исполнительная власть может держать в этой столице до 100 тыс. человек, из которых 80 тыс. регулярных войск и 20 тыс. надежной национальной гвардии.

Имперский канцлер вначале жалел об этой уступке. Но затем он полностью воздал справедливость своему alter ego во Франции. Он изменил как будто бы свое мнение на этот счет после большого доклада ген. Фабрице, который дал отчет о следующих фактах.

Г-н Жюль Фавр явился в Руан разыскивать его, чтобы условиться о некоторых деталях исполнения той конвенции, которую они только что заключили. При этом случае он стал распространяться о парижских событиях, которыми он весьма удручен. Возвращаясь к своей последней политической деятельности, г. Жюль Фавр заявил, что он раскаивается в своих бывших ошибках и иллюзиях. Он верил некогда в свободу. Сейчас он признает, что французы неспособны обладать ею. Поэтому сейчас он желает только получить возможность уйти от дел и удалиться „в леса".

В той же беседе г. Жюль Фавр подтверждал намерение француз-

ского правительства выполнить свои обязательства, как только оно преодолеет нынешний кризис, и он подтверждал своим честным словом, что не имеет никакой задней мысли, домогаясь концентрации столь значительных сил под Парижем и отсрочки платежей, обусловленных по прелиминарному миру.

Наконец он нашел нужным признать превосходство князя Бисмарка, когда тот предлагал ему в Ферьере во время подписания прелиминарных условий мира приступить к разоружению национальной гвардии, увеличив цифру регулярных войск парижского гарнизона.

Французские уполномоченные тогда отказались от этого предложения из чувства национального самолюбия, за что они теперь жестоко наказаны.

Доклад г. Фабрице произвел здесь большое впечатление. Слова г. Жюль Фавра производят впечатление полной угнетенности.

„Это действительно трагическая интермедия", сказал мне г. Тиле, передавая эти детали. Он хотел прочесть мне самый доклад и для этого распорядился найти его. Но доклад находится еще у его величества.

Между прочим ген. Фабрице утверждает, что войска остались верны Собранию, что представляет серьезную гарантию для будущего.

Пока что по просьбе г. Тьера французские пленные отправляются большими массами во Францию, за исключением однако гвардии. Со всего севера Германии они уже эвакуированы морем.

Ресурсы версальского правительства значительно вырастут по прибытии этих подкреплений.

Напротив, компенсации и платежи, предназначенные на содержание немецкой оккупационной армии, подвергаются задержкам. До сих пор ничего не заплачено. Но федеральные правительства не испытывают от этого никаких беспокойств ввиду искренних и не вынужденных признаний г. Жюля Фавра.

Примите и пр. П. д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 86. Берлин, 25 марта/6 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Г-н Тиле[70] только что поведал мне, что брюссельские переговоры не привели пока ни к каким существенным результатам. Это является следствием положения вещей во Франции, и полномочные представители республики уже объявили, что так дело необходимо будет продолжаться вплоть до оккупации Парижа верными Собранию войсками.

Ближайшее заседание должно состояться в субботу. В конце концов князь Бисмарк намерен перенести переговоры из Брюсселя в Берлин, если в нынешнем своем месте они станут представлять слишком много трудностей.

По этому случаю государственный секретарь весьма конфиденциально поставил меня в известность об одном заявлении г. Бода. Он якобы заявил, что по его убеждению провозглашение во Франции королем Генриха V является только вопросом времени и что оно произойдет значительно раньше, чем это обычно думают.

Однако г. Тиле потребовал от меня сохранения этого сообщения в тайне.

Примите и пр. П. д'Убри

Фавр Габриаку *.

Телеграмма. Версаль, [26 марта] 7 апреля 1871 г.

Вчера жандармский полк и бригада Бессона захватили Курбвуа, казарму и город. Сегодня, в пятницу, дивизия Монтодона, искусно и энергично руководимая своим начальником и прекрасно поддержанная инженерными войсками, захватила мост Нейи, наиболее сильно защищенный. Воодушевление войск было чрезвычайно сильно. Генерал Монтодон ранен очень легко, но генералы Бессон и Пешо очень тяжело. Повстанцы понесли огромные потери. Этот день будет решительным вследствие важности только что завоеванной позиции [71].

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Париж.

С.-Петербург, [28 марта] 9 апреля 1871 г.

Шифром: Через несколько дней я подробно отвечу на ваше письмо от 26 марта, которое я только что получил, тотчас после того, как восстановление порядка в Париже позволит мне передать содержащиеся в нем идеи князю Горчакову. До тех пор всякая дискуссия подобного рода мне представляется преждевременной **. Однако я не могу не поблагодарить вас теперь же за то чувство, которое внушило мне начало вашего письма. Сколь бы ни обоснованы были ваши опасения относительно позиции Европы по отношению к Франции, не погибла еще репутация той страны, которая среди величайших несчастий выбирает в качестве истолкователей своей общественной мысли людей, говорящих столь благородным языком.

Окунев Горчакову.

Донесение № 57. Версаль, 29 марта / 10 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Со времени отсылки моего последнего донесения от 24 марта/ 5 апреля *** военные действия против парижских инсургентов продолжались своим порядком.

После взятия редута Шатильона войска направились к Курбвуа, который и заняли. С этой позиции батареи были направлены на мост Нейи, прикрытый сооруженными мятежниками баррикадами. И мост и баррикады были захвачены.

В предместном прикрытии были произведены работы по сооружению базы для последующих операций против Майо, пункта, который, кажется, намечен армией для вступления в Париж.

Г-н Жюль Фавр, которого я имел честь видеть вчера, сказал мне, что вступление это не будет произведено немедленно же, даже если армия окажется в состоянии завладеть Майо в первый же день.

Он сказал мне, что г. Тьер решил осуществить вступление в Париж лишь при наличии достаточных сил, что армия комплектуется с возмож-

---

* Сохранилась в копии среди писем Габриака Горчакову.

** Последние три слова подчеркнуты Александром II и на полях помета его рукой: *„И он совершенно прав“*.

*** Донесение № 56, стр. 92.

153275

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ной быстротой. Настроение армии совершенно изменилось, и правительство в настоящее время не испытывает в этом отношении никакой тревоги. Основания тревожиться имелись накануне 2 апреля, когда было решено атаковать занятые инсургентами позиции в Рюэле и Курбвуа. Тогда опасались, как бы оказавшиеся перед мятежниками войска не подняли ружья прикладами вверх. Эта печальная возможность, к счастью, не осуществилась, и со 2 апреля, которое, кажется, было решающим для армии, настроение в ней постепенно улучшилось.

Можно надеяться, прибавил министр иностранных дел, что в ближайшем же будущем войска смогут занять один из парижских кварталов и расположиться в нем. Правительство надеется, что тогда среди самого населения произойдет серьезная реакция, что партия порядка проявит себя более решительным образом, что в рядах инсургентов начнется разложение и что таким образом удастся покончить с мятежом без прискорбной необходимости сражаться на улицах и на баррикадах.

Г-н Жюль Фавр говорил мне затем о настроениях, воодушевляющих Париж, об его враждебности в отношении Национального собрания и правительства. Враждебность эта — нельзя этого скрывать — разделяется всем населением. Конечно партия порядка, представляющая громадное большинство, далека от намерения войти в какое-либо соглашение с насильническим режимом Коммуны, но тем не менее заметно, что в городе царит сильное недовольство, что он считает себя уязвленным в своих правах столицы и покинутым правительством. Консервативная партия винит Собрание за то, что оно не поддержало Парижа в тот момент, когда национальные гвардейцы партии порядка собрались под командованием вице-адмирала Сессей.

Париж был недоволен законом о сроке платежей по векселям и о квартирной плате. Видя, что благосостояние его день ото дня идет на убыль, он возлагал на Собрание ответственность за то положение, которое создалось для него в связи с инертностью, индиферентностью и слабостью этого последнего. Подобное направление умов заставляет г. Тьера быть вдвойне осторожным и воздерживаться от вступления в столицу до тех пор, пока в его распоряжении не будет армии, численность коей дала бы правительству возможность овладеть положением.

В заключение министр иностранных дел сказал мне, что он уверен, что к парижскому восстанию была причастна и партия бонапартистов. Он добавил, что у него имеются и подтверждающие это предположение доказательства.

Конечно он не обвиняет бонапартистов в том, будто бы они вызвали и субсидировали это восстание. Парижский мятеж был следствием пережитой столицей осады, той ненависти и злобы, которую она вызвала в одних, той расслабленности, которой она сопровождалась для других. Правительство национальной обороны было отчасти тому виной. Господин министр откровенно признавал это. Правительство совершило большие ошибки. Относясь с уважением ко всем проявлениям свободы, оно санкционировало все эксцессы со стороны печати, все общественные собрания и не решалось пресечь это зло в корне, строго наказывая виновных. Поскольку восстание произошло, партия бонапартистов стремится в настоящее время использовать его в своих интересах.

Было бы большой ошибкой думать, сказал мне г. Жюль Фавр, будто

бы император Наполеон является врагом социализма. Известно, что главный редактор бонапартистской газеты, издающейся в Лондоне, является одним из главных агентов Интернационала [72].

Таковы в общем, господин канцлер, те доверительные сообщения, которые были мне сделаны министром иностранных дел.

Как я имел честь сообщить вашей светлости в моем донесении от 14/26 марта за № 53 *, г. Тьер отклонил услуги, предложенные ему маршалами Канробером и Мак-Магоном. Ввиду невозможности найти другое лицо, которому могли бы быть доверены военные операции против Парижа, председатель совета был вынужден изменить свое решение. Издан декрет о назначении маршала Мак-Магона главнокомандующим войсками, собранными в Версале для восстановления порядка во Франции. Войска эти будут разделены на две армии: запасную и действующую.

Примите и пр.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 58. Версаль, 29 марта / 10 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Хотя я и сообщил вашей светлости в предыдущем донесении о своем разговоре с господином министром иностранных дел, тем не менее я считаю долгом довести до вашего сведения разъяснения, полученные мною из конфиденциального источника.

По этим сообщениям, овладение воротами Майо, — которое, кажется, в данное время является главной целью направленных против Парижа военных операций, — будет не столь легким делом, как это было представлено мне г. Жюлем Фавром.

Инсургенты как будто снабдили эти ворота земляными укреплениями, так что понадобится прибегнуть к осаде. Остальные парижские ворота укреплены подобным же образом. Позади этих укреплений мятежники кроме того будто бы соорудили двойную линию баррикад. Таким образом вступлению войск в столицу должна будет предшествовать настоящая осада. Она конечно потребует некоторого времени. Было бы более легко войти в Париж с северной стороны, где расположены форты, занятые немецкими войсками, так как с этой стороны инсургенты не могли бы возвести никаких укреплений. Но, чтобы получить возможность производить операции в этом направлении, было бы необходимо заключить соглашение с немецкими военными властями.

Правительство, кажется, не исключает из своих предположений возможности того, что одни из парижских ворот могут быть открыты национальными гвардейцами — приверженцами порядка. Население округа Пасси, смежного с воротами Майо, кажется настроено особенно враждебно по отношению к Коммуне. Осаждающие войска могли бы вступить в сношения с жителями этого квартала.

Тем не менее я думаю, что до настоящего момента ничто еще не дает права возлагать какие-либо надежды на возникновение в Париже серьезного движения реакции. Хотя войско, кажется, и настроено в данное время наилучшим образом и не проявляет никаких признаков раз-

* См. стр. 76.

ложения, все же приходится задаться вопросом, — будет ли все обстоять так же в тот день, когда, вступая в Париж, войска окажутся лицом к лицу не только с вооруженными инсургентами, но и со всем населением города, в том числе и с женщинами? У г. Тьера кажется возникают на этот счет кое-какие опасения. Они вынуждают его удвоить бдительность и осторожность в деле формирования армии, предназначенной для занятия Парижа, и стараться не допускать никаких необдуманных действий.

Польский эмигрант Домбровский только что назначен комендантом Парижа (de la Place de Paris). Участие, принимаемое эмиграцией в восстании, вызывает здесь очень сильное недовольство; оно, кажется, способно еще больше подорвать и без того очень ослабевшее сочувствие, с которым во Франции относятся к польскому вопросу.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Версаль, 29 марта/10 апреля 1871 г.

Донесение № 59.

Г-н канцлер,

Обсуждение муниципального закона, которым в настоящее время занято Национальное собрание, вызвало один инцидент, о котором я считаю нужным вам сообщить.

Была внесена поправка об избираемости мэров во всех коммунах Франции, что находилось в противоречии с правительственным проектом. Г-н Тьер, будучи поглощен серьезными текущими делами, не участвовал в обсуждении и имел небрежность не ознакомить Собрание со своей личной точкой зрения. Он был уверен, что палата сама слишком консервативна и разумна, чтобы допустить принятие подобной поправки, устанавливающей во всех больших городах, в том числе и в Париже, избираемость мэров и их помощников. К его большому удивлению поправка эта была принята, и он был вынужден поставить перед Собранием вопрос о смене кабинета, чтобы заставить отказаться от решения, последствия коего очевидно были собранием недостаточно взвешены.

Действительно, назначение мэров путем всеобщего голосования в больших городах и особенно в Париже представляло бы постоянную опасность для общественного порядка. Ни при каком строе во Франции не допускалась избираемость муниципальных должностных лиц. Таким образом, голосуя за упомянутую поправку, Собрание дало очень яркое доказательство своей недостаточной политической опытности.

После сделанных г. Тьером заявлений палата поспешила изменить свое первоначальное решение в духе, указанном ему правительством [73].

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Версаль, 29 марта/10 апреля 1871 г.

Донесение № 60.
Приложение.

Г-н канцлер,

Парижская коммуна через образовавшуюся при ней делегацию по внешним сношениям только что обратилась к дипломатическому корпусу с циркуляром, который я считаю своим долгом представить при сем вашей светлости.

Считаясь с интересами своих соотечественников, проживающих в Париже, послы и главы миссий решили не отсылать обратно этого циркуляра его авторам, чтобы не вызвать этой слишком подчеркнутой демонстрацией враждебного отношения со стороны ни перед чем не останавливающихся властей, жертвой коих могли бы сделаться находящиеся в Париже иностранцы. Представители [держав] решили оставить этот циркуляр без ответа и признать его недействительным. Также поступил и я. Однако, лорд Лайонс считал необходимым разрешить своему первому секретарю, оставшемуся в Париже, подтвердить получение этого своеобразного документа, если бы Коммуна на том настаивала.

Циркуляр этот подписан г. Паскалем Груссе [74], бывшим редактором „Марсельезы", которая спровоцировала в свое время принца Пьера Бонапарта в связи с делом Виктора Нуара.

Примите и пр.

Окунев.

Приложение.

Свобода, равенство, братство.

Внешние сношения.
Делегация. Парижская коммуна.

Париж, [28 марта] 9 апреля 1871 г.

Г-н посол,

Нижеподписавшийся член Парижской коммуны и ее уполномоченный по делам внешних сношений имеет честь официально известить вас об образовании правительства Парижской коммуны.

Он просит вас довести об этом до сведения вашего правительства и пользуется случаем выразить вам пожелание Коммуны укрепить братские узы, связывающие народ Парижа с русским народом.

Благоволите принять, господин посол, уверение в совершеннейшем уважении.

Член Коммуны, уполномоченный по делам внешних сношений.

Подписано: Паскаль Груссе.

Печать: «Делегация по внешним сношениям Парижской коммуны».

Господину русскому послу.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма.

Берлин, [29 марта] 10 апреля 1871 г.
4 час. 17 мин. пополудни.

Шифром: В течение двух дней под Парижем без перемен. Версальское правительство ведет переговоры с пруссаками, чтобы добиться возможности действовать в районе немецких войск со стороны Обервилля, где окружные валы не укреплены. С этой целью Жюль Фавр расточает здесь уверения в лойяльности версальцев. Военнопленные репатриируются Германией согласно желанию Тьера, но в сокращенном количестве из соображений осторожности.

Убри.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма.

Берлин, [30 марта] 11 апреля 1871 г.
4 час. 15 мин. пополудни.

Без шифра: Вторник. Новые верительные грамоты для императора необходимы. Многие иностранные представители их уже получили. Князь Рейс передаст эти новые грамоты по возвращении [75].

Шифром: Фабрице сообщает из Версаля менее удовлетворительные новости. Положение Тьера менее надежно. Настаивает на возвращении военнопленных. Просьба о возможности операций против Сен-Дени была удовлетворена под некоторыми условиями.

д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 89. Берлин, 1/13 апреля 1871 г.

Конфиденциально.

Г-н канцлер,

Последние новости из Парижа не представляют никаких существенных военных фактов. Согласно тому, что мне только что сказал г. Тиле, версальские войска не испытали поражения, но остаются пассивны. Это неприятное положение грозит протянуться долго. Г. Тьер жалуется, что он не располагает достаточными военными силами, что у него нехватает солдат и осадной артиллерии и что ему приходится бороться с трудностями по снабжению войск.

Он распорядился прислать артиллерию из Лиона, что потребует некоторого времени, и просит вернуть ему 120 тыс. военнопленных.

Его намерением является не рисковать и продвигаться медленно, но верно. Как я уже имел честь сообщать вашему сиятельству, он протестует против подозрений в лойяльности его намерений по отношению к Германии. В то же время Ж. Фавр заявил о своем намерении явиться в Берлин, чтобы повидаться и побеседовать с имперским канцлером.

Германское правительство продолжает верить в искренность представителей исполнительной власти Франции. Однако оно действует с осторожностью и оттягивает возвращение военнопленных. Число уже репатриированных пленных еще делеко не достигло той цифры, которая требуется г. Тьером.

Но кажется, господин канцлер, что здесь начинают утомляться от положений вещей под Парижем. Г-н Тиле сегодня дал мне понять, что имеется возможность, хотя еще и неопределенная, сотрудничества германской армии с версальскими войсками, для того чтобы положить конец подобной ситуации, продолжение которой нарушает все интересы, требующие решения и могущие оказаться под вопросом вследствие нынешних беспорядков во Франции.

Примите и пр. П. д'Убри.

Блудов Горчакову.

Донесение № 12. Брюссель, 3/15 апреля 1871 г.

Князь,

Сведения о ходе событий на берегах Сены продолжают поступать и находятся в противоречии друг с другом. Письма из Версаля рисуют положение весьма угрожающим. Считают повстанцев более сильными численно и особенно в отношении качества и калибров артиллерии.

С другой стороны, меня вчера уверяли, будто г. Тьер заявил, что он уверен во вступлении в Париж к концу ближайшей недели. Он считает себя в состоянии завладеть Парижем немедленно, но у него нет достаточно войск, чтобы теперь же осуществить разоружение национальной гвардии, — мера, необходимая для восстановления порядка.

Уполномочен организовать армию по мере возвращения военнопленных из Германии ген. Дюкро.

Лицо, которое передавало эти подробности, сказало: „Вы смело можете передать известия об утверждениях главы исполнительной власти". Что же касается самих фактов, их можно взять под сомнение, потому что г. Тьер обманывает других по крайней мере столь же часто, как обманывается сам.

Примите и пр. Блудов.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [4] 16 апреля 1871 г.

Шифром: В течение последних дней я беседовал со многими членами кабинета, в частности с министром внутренних дел и министром охраны. Резюме этих бесед позволит вам дать себе точный отчет о мнениях русского правительства.

Исследуя шаг за шагом события, совершавшиеся начиная с 18 марта, я заставил их признать, что они не могут сделать ни одного упрека правительству, которое не могло действовать ни более энергично, ни более быстро, и что парижский мятеж уже теперь морально побежден вследствие спокойствия провинции и превосходного духа армии.

Не вызвав возражений, я показал, что никогда еще никакое восстание не располагало более многочисленными, более привыкшими к войне и в некотором роде более решительными силами, а также, что никакое правительство не имело для его подавления менее действительных средств, — настолько, чтобы быть принужденным, как мы, ходатайствовать о разрешении наших врагов на употребление наших же войск против пропаганды. Дни (одно слово не расшифровано) были сравнительно только мало значительной борьбой в сравнении с парижскими сражениями. Все (одно слово не расшифровано) было испробовано без колебаний.

Я прибавил, что сражение, даваемое в подобных условиях, что бы там ни говорили, возможно только тогда, когда оно поддержано всем обществом в целом, которое принимает под общую и в некотором роде анонимную ответственность необходимые требования обороны. Только самодержец мог бы это сделать.

В этом пункте со мной тоже согласились, но со значительно большими колебаниями и оговорками насчет будущего.

Сверх того я настаивал на огромности тех услуг, которые нынешний кабинет и его глава оказывают европейскому обществу всему в целом, сражаясь с космополитической революцией, которая назначила своим местом Париж.

Здесь я встретил самое полное согласие.

В Одессе разразились беспорядки, поводом для которых послужила еврейская пасха. Иудеи почли случай благоприятным для того, чтобы провозгласить нечто вроде коммуны. Генерал-губернатор вынужден был потребовать подкрепления из Киева, но эти беспорядки, повидимому, не оказались слишком значительными согласно тому, что сказал мне министр иностранных дел, который ими совсем не озабочен [76].

Окунев Горчакову.

Донесение № 62. Версаль, 4/16 апреля 1871 г.
Приложение.

Г-н канцлер,

Со времени моего последнего донесения от 29 марта/10 апреля * в военном положении под Парижем не произошло никаких заметных перемен.

Правительство, продолжая организацию армии, предназначенной для занятия Парижа, намерено ограничиться удержанием завоеванных позиций до тех пор, пока оно не будет чувствовать себя в силах предпринять решительные действия против Парижа.

Пока же ведется артиллерийская перестрелка между южными фортами, шатильонскими и медонскими батареями, с одной стороны, Мон-Валерьяном и окопами около ворот Майо, — с другой.

Инсургенты использовали время вынужденной приостановки военных операций, чтобы упрочить свое положение в Париже возведением баррикад в пунктах, которые они считают наиболее угрожаемыми. Их эксцессы в отношении личных и имущественных прав граждан, о которых газеты продолжают делать подробные сообщения, все еще не уменьшаются; те, кто жаждет избегнуть их насилий, встречают величайшие затруднения в выезде из Парижа, так как Коммуна чинит им препятствия; лишь благодаря вмешательству немецкой военной власти путь через Сен-Дени остается открытым для беглецов. Версальское правительство приняло, со своей стороны, меры к тому, чтобы пресечь сообщение Коммуны с провинцией. Оставшийся еще открытым путь через Орлеан только что прегражден кавалерийским корпусом, так что снабжение Парижа продовольствием становится день ото дня все затруднительнее.

Хотя повстанцы еще не проявляют явных признаков истощения и отчаяния, все же посредники от имени одной образовавшейся в Париже группировки под названием „Лиги республиканского союза“ дважды являлись на-днях в Версаль, чтобы вступить в переговоры с правительством[77]. Парижские газеты опубликовали донесение этой делегации. Считаю долгом представить это донесение императорскому министерству. Сообщая мне об этих попытках к примирению, министр иностранных дел сказал мне, что правительство решило не вступать с мятежниками ни в какие сделки и настоять на безусловном подчинении ему столицы. Париж должен вернуться к обычным нормам права, национальная гвардия должна быть разоружена и вожаки движения выданы законной власти, которая и решит вопрос об их участи.

Г-н Тьер говорил со мной в том же духе. Но нужно выяснить, предполагает ли глава исполнительной власти разоружить всю парижскую национальную гвардию в целом или же лишь ту часть ее, которая сражалась на стороне Коммуны.

По сведениям, полученным мною из конфиденциального источника, можно опасаться, что г. Тьер скорее склоняется к последнему.

В Национальном собрании большинство кажется решило требовать разоружения всей национальной гвардии, того именно разоружения, против которого так опрометчиво восставал г. Жюль Фавр в своих перегово-

---

* См. донесение № 57, стр. 99.

рах с г. Бисмарком после заключения перемирия. Большинство это совершенно основательно видит лишь в такой радикальной мере гарантию порядка и устойчивости в будущем. Если я правильно осведомлен, г. Тьер намерен привлечь так называемую национальную гвардию порядка к предстоящим операциям армии в Париже. Воспользоваться же услугами части национальной гвардии и настаивать после одержания победы на ее разоружении — значило бы вызвать серьезные раздоры. Поэтому глава исполнительной власти в нерешительности. Будучи запрошен по этому поводу большинством палаты, он, кажется, старался избежать категорических объяснений.

Примите и пр. Окунев.

Приложение.

Донесение второй делегации в Версаль членам Лиги республиканского союза прав Парижа*.

Граждане,

Нижеподписавшиеся, уполномоченные вами представить версальскому правительству вашу программу и предложить от имени Лиги ее благожелательное содействие делу заключения перемирия, — по поводу возложенной на них миссии — имеют честь в порядке отчета сообщить вам следующее.

После того как делегаты ознакомили г. Тьера с программой Лиги, он ответил им, что ему как главе единственного законного правительства, существующего во Франции, не подобает входить в обсуждение основных положений какого-либо договора, но что он готов вступить в переговоры с лицами, являющимися в его глазах представителями республиканского принципа, и ознакомить их с намерениями главы исполнительной власти.

Исходя из этих предварительных замечаний, которые, в сущности говоря, выявляли истинный характер нашей миссии, г. Тьер сделал нам по различным пунктам нашей программы следующие заявления.

Что касается признания республики, то г. Тьер гарантирует существование ее до тех пор, пока он будет находиться во главе правительства. Он принял в свое ведение республиканское государство и ручается своей честью за то, что сумеет сохранить его. Что касается муниципальных свобод Парижа, то г. Тьер заявляет, что Париж будет пользоваться этими свободами на тех же основаниях, на каких ими будут пользоваться другие города, согласно общему закону в том виде, как он будет выработан собранием представителей Франции. Париж получит права, общие для всех — не более, не менее. Что касается возложения охраны Парижа исключительно на национальную гвардию, г. Тьер заявляет, что будет приступлено к организации национальной гвардии, но что он не может согласиться с принципом полного отстранения армии.

Что же касается настоящего положения и способов положить конец кровопролитию, г. Тьер заявляет, что так как он отнюдь не признает воюющей стороной лиц, вовлеченных в борьбу против Национального собрания, то он и не может и не желает вступать в переговоры о перемирии. Но он утверждает, что если национальные гвардейцы Парижа не сделают ни одного ружейного и ни одного пушечного выстрела, то и версальские войска точно так же не сделают ни одного ружейного и ни одного пушечного выстрела до той минуты, когда исполнительная власть решится действовать и начнет войну.

Г-н Тьер дополнительно заявляет: тот, кто откажется от вооруженной борьбы, тот, кто вернется к своим домашним очагам, отрешась от враждебной позиции, — будет освобожден — от какого-либо преследования.

Г-н Тьер исключает при этом лишь убийц генералов Лекомта и Клемана Тома, которые, по разысканию их, будут преданы суду.

Признавая, что часть населения, лишенная в настоящее время работы, не может существовать без выдаваемого ей содержания, — г. Тьер обещает продолжать выдачу такового в течение нескольких недель.

Вот, граждане, краткий, но точный отчет ваших делегатов об их переговорах с г. Тьером. Не их дело судить, насколько намерения, изложенные г. Тьером,

* Вырезка из газеты.

соответствуют или не соответствуют пожеланиям парижского населения. Задачей ваших делегатов являлось единственно представить вам фактическую сторону дела без каких-либо комментариев, а потому настоящий отчет не преследует и не может преследовать какой-либо иной цели, кроме неукоснительного выполнения этой задачи.

А. Дессона, Бонвалет, Арман Адан.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [5/17] апреля 1871 г.
4 час. 20 мин. пополудни.

Шифром: Фабрице представляет положение мало благоприятным для версальского правительства. Средства, которыми располагает Тьер, недостаточны. Сам он потерял голову. Вследствие бомбардировки недовольство и враждебность против Версаля увеличились в Париже даже среди врагов Коммуны.

д'Убри.

д'Убри Горчакову *.

Донесение № 92 **. Берлин, 6/18 апреля 1871 г.
Приложение 1 ***.

Г-н канцлер,

. . . . . .

. . . . . .

Мне представляется, что ген. Мольтке хотел значительно уменьшить оккупационную армию, но князь Бисмарк решительно настаивал на сохранении полного комплекта, несомненно ввиду событий во Франции и ввиду нынешнего положения Парижа.

Примите и пр. П. д'Убри.

Гирс Горчакову.

Донесение № 13 ****. Женева, 6/18 апреля 1871 г.

Князь,

Как я имел честь сообщить вашему сиятельству в своем докладе за № 11 *****, общее собрание „Интернационала" состоится в ближайшее время в Женеве или в ее окрестностях. Собрание назначено на 12/24 сего месяца.

Программа этого собрания очевидно будет зависеть от того хода, который примут парижские события, рассматриваемые с полным основанием как пробный камень для гнусных доктрин, проповедуемых „Интернационалом". Если восстание будет подавлено, здесь наверное ограничатся пустыми декларациями о необходимости реформ в социальном состоянии мира; в противном случае собрание может быть будет ста-

---

* Помета Александра II: *„В военное министерство"*. Под этим другая помета: „Сообщено г. военному министру".

** Посол сообщает заимствованные им из официальных публикаций военного министерства сведения о составе немецкой оккупационной армии во Франции. Отметим из этого сообщения следующее: оккупационные войска состоят из трех армий. 1-я армия занимает север Франции. Ее главная квартира в Руане. 2-я армия расположена в центре и на юге занятой территории. Ее штаб в Дижоне. 3-я наблюдает за северными и восточными фортами Парижа. Штаб — в Компьене.

*** Приложение представляет собою газетную вырезку с перечислением резервных и гарнизонных корпусов, демобилизованных вследствие подписания прелиминарных условий мира.

**** Помета карандашом: „Графу Шувалову".

***** См. стр. 87.

раться перейти на практическую почву и примет резолюции, угрожающие спокойствию всех стран.

Эта последняя возможность не ускользает ни от женевских властей, ни от федерального правительства, которое повидимому совершенно согласно с необходимостью защищаться от подобной опасности. Необычная активность, которую проявляет местная полиция в наблюдении за поведением революционеров, прибывающих сюда из-за границы к предстоящему собранию „Интернационала", доказывает, что она понимает, к счастью, всю серьезность обстановки. Быть может вследствие этого наблюдения большое число членов этой ассоциации переехало в Веве, где происходят подготовительные собрания. Славянский элемент, как уверяют, представлен там широко: Огарев, Эльпидин, Утин [78], Трусов, Александрович и их сподвижники являются туда часто из Женевы, где они уже довольно давно обосновались.

Можно бояться, что положение обострится еще вследствие присутствия здесь остатков гарибальдийцев. Изгнанные из Франции, они являются массами, чтобы увеличить число бродяг всех стран, которыми Женевский кантон и так уже переполнен [79]. Лишенные всяких средств существования, эти пришельцы причиняют много беспокойства женевскому правительству, которое, возможно, будет принуждено за свой счет выслать их за свои пределы. Поскольку Франция для них закрыта, эти жалкие поборники космополитической революции направятся конечно в Италию. Также очень возможно, что многие из них будут стараться перейти в придунайские области, куда их должны привлекать нынешние беспорядки. Но отсюда будет трудно установить эту эмиграцию и следить за ней, поскольку, если она будет иметь место, это будет происходить таким образом, чтобы избежать всякого наблюдения.

Что касается влиятельных членов „Интернационала", то их внимание приковано к Парижу, и те из них, которые не могут находиться там, не преминут явиться на свидание, которое они себе назначили в Женеве на 24 сего месяца.

Представляя императорскому министерству эти сведения, точность которых мне представляется достаточно установленной, имею честь пребывать и пр.

Гирс.

д'Убри Горчакову.

Письмо. Берлин, 6/18 апреля 1871 г.

Князь,

Пользуюсь любезностью ген. Герна, чтобы передать вам свои донесения за день.

Интерес момента составляет положение Парижа. Согласно немецким сведениям, оно далеко не благоприятно правительству Национального собрания. Версальская армия удерживает свои позиции, но мало продвигается вперед. В данном положении эта неподвижность одна уже является почти поражением.

Сведения, которые здесь сообщаются, основаны на докладах ген. Фабрице. Окунев извещает меня о депешах, посланных с Капнистом. Быть может с его прибытием я смогу дать некоторые подробности г. Тиле, который неоднократно просил меня об этом, если я получу информацию непосредственно из Версаля.

Сведения от нашего поверенного в делах, переданные через Лондон и присоединяемые к моему пакету, были запечатаны в Лондоне, так что мне сейчас невозможно удовлетворить желание государственного секретаря.

Оценки парижских событий здесь даются разные. Я уже передавал вам в своих докладах точку зрения Тиле, которая является очевидно точкой зрения министерства и возможно канцлера. Там рассматривают эти события скорее как благоприятные для Германии.

Мольтке, запрошенный в последний раз государственным секретарем, выразил мнение, что французы перегрызут друг друга (s'entremangeraient). Ген. Подбельский, присутствовавший при их беседе, выразил другие взгляды. „Париж, — будто бы сказал он, — всегда готовил нам сюрпризы. Вспомните длительность его осады, на которую никто из нас не рассчитывал. Может еще случиться, что внезапное примирение партий во Франции готовится снова нас озадачить". Этому замечанию, прибавил Тиле, нельзя отказать в справедливости.

Я привожу эти подробности, князь, потому что они доказывают, что впечатления, производимые парижскими событиями, различны даже в Берлине, где однако имеют все основания быть хорошо осведомленными.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. П. д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Письмо. Берлин, 8/20 апреля 1871 г.

Князь,

. . . . . .

. . . . . .

Последние новости из Парижа как будто несколько улучшаются все-таки. Версальцы одержали верх со стороны Аньера, и даже в Париже население как будто начинает утомляться от Коммуны и этой плачевной ситуации. Повидимому этого и ожидает Тьер, чтобы с успехом действовать против мятежа.

Здесь находят это положение скорее благоприятным для Германии и потому почти не торопятся с ним покончить, тем более что Бисмарк не сомневается в поступлении своих миллиардов, даже в том случае, если они заставят себя ждать.

. . . . . .

. . . . . .

П. д'Убри.

Окунев Горчакову.

Донесение № 65. Версаль, 11/23 апреля 1871 г.
2 приложения.

Г-н канцлер,

Г-н Тьер, которого я видел третьего дня, выразил мне надежду на то, что он скоро* будет в состоянии начать общее наступление против Парижа. Он добавил при этом, что формирование маршевых полков из 40 тыс. пленных, вернувшихся из Германии во Францию, уже закончено.

* Слово „скоро" подчеркнуто и на полях помета Александра II: *„Мы это слышим целые недели"*.

Формирование это было поручено ген. Дюкро, который из 40 тыс. пленных отобрал 25 тыс. превосходных солдат, большая часть из коих входила в армию, сражавшуюся под Мецом. Остальные пленные отосланы по домам как не представляющие собой ничего ценного[80].

Глава исполнительной власти будто бы ожидает от этого нового войска решительного содействия в предстоящих военных операциях, направленных против Парижа.

То же самое г. Тьер высказал и лорду Лайонсу. Однако из других источников мне сообщают, что глава исполнительной власти продолжает колебаться и что по вопросу о способе наступления на Париж еще не принято никакого определенного решения.

Поскольку я правильно осведомлен, — в настоящее время в заседаниях правительства обсуждаются три способа: 1-й — штурм, 2-й — осада и 3-й — подкуп. При штурме придется производить подступные работы — делать проломы, через которые войска могли бы завладеть одними или несколькими из укрепленных городских ворот. Войдя в город, армия оказалась бы лицом к лицу с баррикадами, сооруженными не только за линией городского окружного вала, но и в самом Париже. Эти-то баррикады, — которые, как того опасаются, будут мужественно защищать ядро на все решившихся людей, коими располагает восстание, — и придется брать приступом. Если предположить, что войска при этом не отступят, операция эта поведет во всяком случае к большому кровопролитию. Г-н же Тьер, кажется, больше всего желает избежать слишком кровопролитного сражения.

Осада была бы наиболее верным способом завладеть Парижем без пролития крови. Продовольственных запасов, имеющихся в настоящее время в столице, кажется, может хватить лишь на две недели. Обрекая суровой блокадой столицу на голод, можно было бы заставить мятежников в ближайшем же будущем сложить оружие. Говорят, что войск, которыми очень скоро будет располагать правительство, будет совершенно достаточно, чтобы провести эту блокаду в зоне, занятой французской армией.

Но, чтобы осада была полной и действительной, необходимо содействие немецких войск на севере и на востоке Парижа. Необходимо было бы, чтобы между французским правительством и немецкими военными властями состоялось соглашение, в силу коего последние проводили бы эту блокаду и на своих пограничных линиях. Если бы г. Тьер попросил о содействии ему со стороны немецких войск, то в этом, — по крайней мере, если судить по благожелательной позиции ген. Фабрице, занимаемой им до настоящего времени, — французское правительство не встретило бы отказа. Глава исполнительной власти, кажется, тоже не сомневается в благожелательности ген. Фабрице. Но г. Тьеру неприятно обращаться к помощи вчерашнего врага; он вполне отдает себе отчет в том, что следствием этого шага явились бы недоверие к его правительству и непопулярность его во Франции *.

Соображение это, кажется, представляет серьезное препятствие к проведению блокады; последняя кроме того обрекла бы на страдания осадного положения и ту часть парижского населения, которая вовсе не причастна к мятежу. Движимое желанием сберечь армию, правительство,

---

* Помета Александра II: *„Само собой разумеется“*.

кажется, все же решило подвергнуть обсуждению и третий способ — сделать возможным вступление войск в Париж путем подкупа. Для этого необходимо было бы добиться сдачи занятых мятежниками фортов: Исси, Ванв и Монруж, а также открытия одних или нескольких городских ворот, что дало бы возможность армии войти в столицу без боя. Может быть недалекое уже будущее покажет, какой из трех способов возьмет верх на заседаниях правительства.

В ожидании этого по всем французским пограничным линиям уже приняты меры к недопущению ввоза в Париж продовольственных припасов. Но город попрежнему еще снабжается продовольствием с северной и восточной сторон. Однако уменьшение припасов все же становится очень ощутительным, и это начинает беспокоить Коммуну.

Пока правительство еще колеблется, какой способ избрать для того, чтобы покончить с восстанием, и выжидает, чтобы дать армии время для пополнения ее состава, — Коммуна продолжает осуществление своих принципов путем насильственных мероприятий. Большая часть батальонов национальной гвардии порядка подверглась разоружению. Почти все враждебные мятежу газеты были закрыты и заменены социалистическими листками [81]. Считаю необходимым присоединить к сему один из этих листков, чтобы императорское министерство само могло ознакомиться с характером мятежной прессы *. Некоторые из редакторов закрытых газет были заключены в тюрьму. Изданным недавно декретом все мастерские, покинутые их владельцами, передаются рабочим товариществам, организованным Коммуной, с возмещением стоимости по определению арбитражного суда. Таким образом Коммуна нанесла удар тем промышленникам, которые выехали из Парижа, не желая служить мятежу [82].

Таковы последние мероприятия, проведенные повстанцами.

Если судить по результатам выборов, произведенных в Париже с целью пополнить число членов Коммуны, то престиж последней упал даже среди ее вчерашних сторонников. Общее число голосовавших не достигало 45 тыс., избранные же члены не получили и восьмой части голосов, собранных их коллегами на предыдущих выборах. Это первый несомненный признак общего утомления [83].

Военные операции против повстанцев за пределами парижской городской черты успешно продолжались после отправления мною донесения за № 62 **, следствием этих операций явилось овладение тремя новыми позициями: Беконом, Коломбом и Ансьером.

Захват этих позиций, удержанных и укрепленных войсками, позволяет продолжать более энергично продвижение, имеющее целью оттеснить повстанцев за линию парижских укреплений со стороны Нейи.

В провинции в настоящее время возмущение, кажется, уже подавлено. Разыгравшиеся было в Бордо беспорядки более не повторялись. В Марселе гражданская гвардия окончательно разоружена. В Лиможе войска также овладели положением. В Нарбонне и в Марселе начинается суд над виновниками.

Примите и пр. Окунев.

---

* К донесению приложен № 19 газеты „*La Montagne*“ от 21 апреля 1871 г. Две статьи, отмеченные пером, очевидно, автором донесения, даются ниже в виде приложений к публикуемому документу.

** См. стр. 106.

Приложение 1.

Монсиньор архиепископ Парижский

В 1848 г. во время июньского сражения был убит на баррикаде один прелат. Это был монсиньор Аффр — архиепископ Парижский. Говорят, он взошел туда не как представитель какой-либо партии, а как апостол, чтобы проповедывать евангелие, чтобы концом своего золотого креста покорить дымящиеся дула ружей.

Его подняли, омыли его рану, набальзамировали. Он был погребен с великой пышностью, как мученик, как святой. История посвятила ему проникновенные страницы, и над его могилой буржуазия дала клятву вечной ненависти к революционерам. Эта смерть оправдывала в их глазах зверства Кавеньяка. Тогда выдумали, будто в руках, израненных до крови оковами, были найдены обрывки лиловой мантии.

Это была ложь. Еще и поныне неизвестно, с чьей стороны был нанесен удар; еще неизвестно, была ли то пуля солдата или же пуля повстанца.

Республиканцы склонили головы, чувствуя на себе проклятие за это пролитие священной крови. В то время еще верили в божественные миссии, в ниспосланных провидением людей, и на весах справедливости епископская падаль весила более, нежели труп рабочего.

Просвещение сделало из нас скептиков; мы видели, как Сибур чокался своей святой дароносицей с надтреснутым бокалом Бонапарта; мы знаем, от чего красен каблук папской туфли. Конечно мы более не верим в бога: революция 1871 г. атеистична; наша республика изображается с букетом иммортелей у пояса. Мы без молитв провожаем наших мертвых в могилу и наших женщин на брачное ложе. Святые отцы, наши дочери не будут более преклонять с бормотанием колени в темноте ваших исповедален. Вы не будете более сечь наших ребятишек.

Наш великий город труда изгоняет лентяев и тунеядцев. Бегите! Кончайте свою монашескую жизнь; засучите рукава ваших ряс, возьмите в руки рогатину, ведите плуг.

Лучше петь, погоняя быков, чем распевать псалмы.

Смените церковные сосуды на кружки, где пенится молодое вино. Сбросьте с себя четки и принимайтесь за колбасу. Позабудьте любовь в ризницах. Оставьте одежду клиросных мальчиков, лучше вам немного помять белые косынки красивых девушек.

Пусть выпорхнут на волю монахини, пусть одним прикосновением ножниц они перережут шнуры своих передников, распустят волосы, снимут свои нагрудники.

Их белые пальцы созданы не для монастырского безделия, их губы — не для поцелуев св. Терезы.

В их округлых грудях есть молоко, чтобы выкармливать мужчин.

Бегите, бегите скорей, завтра уже будет может быть поздно!

Берегитесь народного гнева! Если народ вдруг начнет рыться в ваших делах, начнет подсчитывать ваши преступления, вспомнит об обесчещенных вами или сведенных с ума девушках, о детях, которых вы заморили или сделали идиотами, — он не оставит камня на камне от ваших церквей, он разорвет в клочья ваши ожиревшие тела.

Роясь в подземельях ваших монастырей, каждый день открывают все новые и новые содеянные вами гнусности.

Вчера еще гражданин Прото взломал тюрьму, где вы содержали целый выводок молодых девиц. Почему вы делали это? По какому праву? Во имя какой справедливости? Чем они провинились? Они хотели любить; они отказались склонить свои юные головы под палку идиота отца или под розгу ханжи мачехи.

Берегитесь!

Вас могут заставить искупить грехи Леотада и Торквемады, Александра VI и Трестайона.

Зуб за зуб! — провозгласила Коммуна.

Что если вам припомнят Галилея и Яна Гуса, если к вашим губам поднесут кубок Медичи, если вам в спину вонзят кинжал Лукреции Борджиа?

Зуб за зуб! Вы нам выбивали сотнями во время Варфоломеевской ночи. Око за око! В течение целых веков мы были слепы.

Не говорите нам о боге. Пугало это нас более не страшит. Слишком долгое время он служил лишь предлогом для грабежей и убийств.

Ведь это во славу божью Вильгельм выпил полную каску нашей самой чистой крови; ведь это папские солдаты бомбардируют Терн.

Мы упраздняем бога!

Наши собаки не хотят больше только смотреть на епископов, они их хватают; наших пуль не остановят ваши наплечники; не раздастся ни одного проклятия нам в тот день, когда архиепископ Дарбуа будет нами расстрелян.

Пусть это знает г. Тьер, пусть об этом не забывает церковный староста г. Фавр.

Мы взяли Дарбуа заложником [84], и если нам не выдадут Бланки [85], он умрет.

Коммуна обещала так поступить, и если бы она колебалась в своем решении, то народ сдержал бы эту клятву за нее.

И не обвиняйте его!

Пусть судят трибуналы, сказал Дантон на другой день после сентябрьских избиений, тогда прекратится суд народный.

О, я очень боюсь за монсиньора архиепископа Парижского.

Гюстав Марото [86].

Приложение 2.

Пыл сражения.

На письмо монсиньора архиепископа Парижского последовал ответ г. Тьера. Он утверждает, что ни один национальный гвардеец не был расстрелян. Галифе — без единого пятнышка. На совести Винуа ни одного преступления. Был ли дан декабрьскими генералами хоть один приказ о чьей-либо смерти? Ничего подобного. Не только ни один федерат не был умерщвлен — напротив, всем тем, кого захватили, дали пожизненную ренту. Правда, нескольких солдат парижской армии предательски отправили на тот свет; но ведь это не считается, ведь это было сделано в пылу сражения. Тюремщики пускали в ход оружие? Но ведь в пылу сражения все дозволено.

О! Сражение должно было быть жарким, если пыл его сохранялся и много часов спустя, во время расстрела ген. Дюваля! И много дней спустя он все еще не остыл, когда, не сознавая своей жестокости, полицейские агенты прикладами ружей загоняли пленных федератов в поезда, отправляющиеся в Бель-Иль и в Лиль-д'Э.

„Пыл сражения" — какой прекрасный аргумент для убийц генералов Клеман Тома и Лекопта! Их казнь так же совершена в пылу сражения, как и расстрел Дюваля и его товарищей. Брат Леотад был бы конечно оправдан, если бы он догадался ответить, что убитое им лицо, о котором его спрашивали, нашло свою смерть в пылу сражения.

Окунев Горчакову.

Донесение № 66. Версаль, 11/23 апреля 1871 г.
Приложение.

Г-н канцлер,

Считаю своим долгом ознакомить имперское министерство с прилагаемой при сем просьбой, только что мною полученной от аббата Терона, первого священника военного госпиталя в Бисетре; целью этой просьбы является побудить представителей России, Англии и Австрии предпринять обращение к Парижской коммуне, чтобы добиться освобождения архиепископа, задержанного повстанцами в качестве заложника.

Такая же просьба была обращена еще несколько дней назад к лорду Лайонсу и к графу Гойосу, австрийскому поверенному в делах.

Английский посол передал эту петицию лорду Гренвилю и был уполномочен заявить аббату Терону, что английское правительство, не имея никаких сношений с Коммуной, лишено возможности предпринять какие-либо шаги в пользу монсиньора Дарбуа * тем более, что шаги эти, вероятно, ни к чему бы не привели.

* Помета Александра II: *„Мы в том же положении"*.

Кроме архиепископа парижского повстанцами арестованы и содержатся в тюрьмах в качестве заложников около шестидесяти духовных лиц, — большинство из них парижские кюрэ. За время своего заключения монсиньор Дарбуа отправил г. Тьеру два письма. В первом, которое было напечатано в газетах, как и ответ главы исполнительной власти, архиепископ писал о скверном обращении, которому, по словам членов Коммуны, якобы подвергаются задержанные повстанцы. Во втором, которое не было опубликовано, господин прелат просил об освобождении Бланки, сообщая Тьеру, что только этой ценой может быть достигнуто его собственное освобождение. Оба эти письма, очевидно написанные под давлением главарей восстания, произвели тяжелое впечатление на правительство; вполне отдавая себе отчет в опасности, которой подвергается монсиньор Дарбуа, оно все же обвиняет его за проявление подобного малодушия. В освобождении Бланки отказано.

Примите и пр.

Окунев.

Приложение.

Аббат Анри Терон Окуневу.

Его превосходительству господину русскому послу.

Ваше превосходительство,

Перед лицом бедствий, сокрушающих наш дорогой Париж, и в страхе перед судьбой, угрожающей нашему достойному архиепископу, задержанному в качестве заложника, мое сыновнее сердце француза трепещет, как и сердца других. Веря в величие и великодушие вашей славной нации, я позволю себе просить вас, чтобы ваше превосходительство, по соглашению с вашими благородными коллегами, представителями Англии и Австрии, обратилось к людям Коммуны с требованием немедленно освободить нашего духовного учителя и отца.

Так как я не имел возможности повидать господина секретаря в парижском посольстве, благоволите мне разрешить, господин посол, обратиться с своей просьбой непосредственно к вашему превосходительству.

Не будучи дипломатом, я все же знаю, что дипломатия руководится определенными правилами, которых она не должна забывать; но я никогда не поверю, чтобы правила эти были установлены в противоречии с непреложными законами человеколюбия. Я же прошу об освобождении моего возлюбленного епископа не только во имя его личных заслуг, но также и во имя человечества, которому одним его заключением в тюрьму уже нанесено глубокое оскорбление.

Я хорошо понимаю, что собрание членов Парижской коммуны отнюдь не является ни правительством, ни подобием правительства и что в подобных условиях дипломатия, собственно говоря, не может вести никаких переговоров; но именно потому, что Парижская коммуна не является даже тенью правительства, имеющего право на существование, я и позволяю себе обратиться к вашему превосходительству, могущему в отношении подобных правителей считать себя совершенно не связанным никакими формальностями.

Я, как и многие другие, убежден в том, что эти низкие люди, минутные хозяева, захватившие власть путем преступлений и убийств, будут крайне польщены обращением вашего превосходительства и очень призадумаются, прежде чем отказать трем виднейшим европейским державам в их твердом и категорическом требовании; пусть даже они возгордятся этим коллективным обращением. Дипломатии, которая вырвет славнейшего из епископов нашего времени из рук его мучителей, может быть и палачей, не придется краснеть перед своими соотечественниками: ее деянием будет вписан в историю человечества акт человеколюбия. С другой стороны, сколь достойно горчайших сожалений, если из фарисейской верности изменчивым, чисто условным правилам вы допустите совершиться низкому убийству славного защитника закона и справедливости. Парижское духовенство и духовенство всего мира, как и ваша совесть, сочтут вас ответственным за это.

Что касается возможных указаний на принцип невмешательства, изобретенный несуществующей уже империей, то я не боюсь определить его применение в нынешних условиях как проявление прискорбной человеческой слабости, чтобы не сказать больше; ведь совершенно очевидно, что затрагиваемый мною вопрос — вопрос исключительно личный, частный — вопрос человеколюбия. Кроме того никакое правительство, из одного уважения к себе самому, не отнесется к этому вопросу хотя бы с малейшим подозрением; напротив, каждое правительство несомненно пожалеет, что не присоединилось в свое время к правительству вашего превосходительства; в особенности же, без всякого сомнения, с этим согласится версальское правительство, и от всего сердца. Надо заметить, что это единственное правительство, которое не в состоянии притти на помощь архиепископу; вмешайся оно, — это лишь осложнило бы положение; но ваше правительство, в согласии с правительством Англии и Австрии, может решиться на этот шаг, который несомненно приведет к определенным результатам: члены Коммуны, несмотря на всю заносчивость и кажущуюся самоуверенность, побоятся нанести оскорбление державам, раздражать кои отнюдь не входит в их интересы. Не дрожат ли они при одной мысли об ужасных часовых, бдительно подстерегающих их у северных и восточных ворот?

Я настаиваю на своей просьбе, господин посол, так как предвижу роковую участь, подготовляемую этими людьми моему епископу. Если бы, вопреки всякому вероятию, они оказались победителями, хотя бы на один день, — ничто уже не сможет сдержать их, и его кровь тотчас же будет пролита, так же как и кровь его товарищей по заключению. При поражении, которое несомненно последует, они бы не простили себе, в дикой своей ненависти, что они не отомстили ему. Пусть они потерпят хоть какую-нибудь неудачу перед своим падением, и вы с поздним раскаянием увидите, что первой жертвой их ярости сделается высокий пленник.

Не исполнен ли их декрет о заложниках самого кровавого красноречия? Я дрожу при мысли о том, что, даже решившись на выступление, вы не предпримите его с той поспешностью, какая необходима.

Вы привыкли, господин посол, видеть около себя лишь великодушных людей и благородные чувствования, вы не можете и представить себе, до каких пределов достигает человеческая слабость, вы не можете и знать о существовании тех людских свойств, которые устрашают меня; но мы, священники, мы, которые живем среди этих диких зверей в образе человеческом, мы, которые стремимся пересоздать их и которым все же, несмотря на все наши молитвы, на все наше рвение, лишь изредка удается немного смягчить их звериные инстинкты, — мы-то ведь знаем, что в отношении нашего первосвященника надлежит ожидать самого худшего и что не на что надеяться со стороны этих людей, поскольку не последует обращения вашего превосходительства и ваших благородных коллег.

Со своей стороны, — смею вас в этом уверить, — вот уже в течение целой недели, не страшась быть схваченным их агентами, не меняя своего одеяния, я ходил по всяческим их притонам, лично, но тщетно прося разрешить мне, хотя бы со свидетелями, проникнуть в тюрьму моего епископа и предоставить себя в его распоряжение.

Несомненно, господин посол, не найдется ни одного обладающего сердцем человека, ни одной нации, которая не одобрила бы выступления вашего превосходительства; поверьте, что выступление это будет одним из славнейших в вашей жизни и послужит величайшим утешением для вас в ваши последние минуты: opera eorum sequantur illos *.

Благоволите, господин посол, принять выражение моего глубокого уважения, с которым имею честь быть, господин посол, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою.

От имени большого числа парижских священников первый священник военного бисетрского госпиталя в Париже

Аббат Анри Терон.

---

* Евангельская латынь: „Да последуют дела их за ними".

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [12] 24 апреля 1871 г.

Шифром: Повстанцы вооружают форт Венсен. Фабрице принудил их разоружить форт под угрозой его бомбардировки [87].

[Окунев.]

Окунев Горчакову.

Донесение № 68. Версаль, 14/26 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Издающиеся в Версале и Париже газеты распространили слух о предстоящей якобы эвакуации немецкими войсками фортов, расположенных на правом берегу Сены. Газеты эти даже приводили название английского дома (банкирского), который будто бы дал сумму в 500 миллионов, внесение коей, согласно условиям прелиминарного мирного договора, должно было предшествовать эвакуации.

Так как правительство не опровергло этого слуха, он стал все более и более утверждаться. Дошло до того, что коммуна поверила в немедленный переход северных и восточных фортов в руки французских войск и даже дала приказ об укреплении занятого мятежниками Венсенского форта.

Когда я запросил по этому поводу господина министра иностранных дел, последний имел любезность разъяснить мне, что указанные слухи ни на чем не основаны, так как французское правительство еще не в состоянии уплатить сумму в полмиллиарда, внесением коей обусловлено освобождение правобережных фортов.

Шифром: Он прибавил при этом, что не только нет и речи о какой-либо эвакуации, но что ему лишь с большим трудом удается противиться попыткам дальнейшей интервенции со стороны ген. Фабрице.

Так он получил депешу с сообщением о том, что немецкий парламентер требовал от инсургентов разоружения Венсенского форта под угрозой его бомбардировки.

Разложение среди инсургентов, сказавшееся еще ранее в абсентеизме при последних дополнительных выборах членов Коммуны, идет все дальше и дальше. Хотя и трудно составить себе точное представление о силах, которыми еще располагают мятежники, но все же нет никаких сомнений в том, что все более и более проявляются признаки утомления, тревога становится очевидной.

Центральный комитет объединенных батальонов национальной гвардии — в открытой вражде с Коммуной и стремится снова захватить власть в свои руки. Клюзере теряет почву [88]. Преданная революции пресса открыто обвиняет его в неудачном ведении военных операций. В рядах инсургентов обнаруживаются случаи перехода на сторону войск. Между прочим два батальона городской гвардии из Сент-Антуанского предместья отказались двинуться по приказу, не пожелав тем не менее сложить оружия. Учащаются случаи подачи в отставку и среди членов Коммуны. Особенно обратило на себя внимание прошение об отставке Феликса Пиа[89], одного из главарей движения; отставка его не была принята, подана же она под предлогом, что утверждение последних выборов было незаконным. Таковы основные явления, считающиеся в Версале первыми предвестниками будущего окончательного разложения среди мятежников. Пра-

вительство склонно рассчитывать на это разложение как на большую поддержку для себя в день вступления войск в Париж.

Примите и пр. Окунев.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 95. Берлин, 14/26 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Рейхстаг почти единогласно вотировал новые субсидии, требовавшиеся имперским правительством и достигающие 120 миллионов экю.

Дискуссия, которая предшествовала этому голосованию, представляет совершенно исключительный интерес вследствие речи, произнесенной по этому случаю князем Бисмарком. Считаю своим долгом присовокупить ее*.

Имперский канцлер распространялся о положении вещей во Франции, о сношениях, поддерживаемых с версальским правительством, и о последующих намерениях германских правительств по отношению к ненормальной ситуации, которую представляет в настоящий момент Франция.

Поскольку его декларации имеют значение целой политической программы, я позволю себе резюмировать их в немногих словах.

Имперское правительство рассчитывало на быстрое заключение окончательного мира и на немедленное поступление военных издержек. Оно поэтому не считало нужным прибегать к новым субсидиям.

В самом деле, французское правительство уже приняло решение о выплате первых двух миллиардов, что должно было иметь следствием уменьшение размеров и длительности оккупации. Но переговоры в Брюсселе нисколько не подвигаются, и невольно начинаешь испытывать впечатление, что французское правительство хочет добиться лучших условий, по мере того как оно укрепило бы свою позицию. Попытки подобного рода однако не имели бы никакого шанса на успех ни относительно территориальных уступок, ни по части финансов.

В этих условиях возвращение военнопленных представляет опасность, в которой Германия должна отдавать себе отчет. Предложение обязать этих пленных не вступать в армию вплоть до заключения окончательного мира было отвергнуто. Взамен этого г. Тьер предложил сконцентрировать армию за Луарой. Было сделано исключение для 40 тыс. человек, необходимых для поддержания порядка в Париже. Беспорядки в этой столице требовали в этом отношении некоторых отклонений от условий прелиминарного мира, поскольку только обладание Парижем могло дать французскому правительству возможность выполнять свои финансовые обязательства. Однако подписанное Германией обязательство возвратить всех военнопленных теряет свою силу вследствие этого отклонения, которое более не представляет ранее обусловленных гарантий. Тем не менее одна треть военнопленных возвращена на свободу, и французское правительство располагает под Парижем армией в 100 тыс. человек. Если оно сумеет с этими средствами овладеть обстановкой, оно несомненно лойяльно выполнит свои обязательства. Но ежели оно потерпит неудачу, никто не может сказать, какое употребление будет сделано из этих новых войсковых соединений и под чьим руководством они окажутся.

---

* К донесению приложена вырезка из немецкой газеты (название неизвестно), в которой приводится речь Бисмарка в рейхстаге.

Чтобы действовать наверняка, — а в этом состоит долг немецких правительств после всех жертв, понесенных до сих пор, — они следовательно должны продолжать держаться во Франции на достаточной высоте, предусматривая все возможности и все комбинации. Эта необходимость однако требует издержек, и тем более крупных, что французское правительство не внесло еще никаких платежей в счет 36 миллионов, обусловленных для ежемесячного содержания оккупационной армии.

Взносы были обещаны к 13/25 апреля. Если они не будут сделаны, немецкие армии впредь получат право обратиться к реквизициям в оккупированной стране.

Имперское правительство Германии могло бы положить конец нынешнему положению вещей во Франции путем вмешательства. Но это было бы средством объединить французов в общей цели. С другой стороны, князь-канцлер не хотел бы советовать его величеству отказаться от принципа невмешательства, провозглашенного им. Более того, Германия могла бы, приняв на себя активную роль, оказаться в необходимости искать или создать во Франции новое правительство, с которым окончательный мир мог бы быть заключен.

Но, принимая нынешнюю свою позицию, князь Бисмарк не считает нужным провозгласить теперь же принцип полного воздержания во что бы то ни стало. Такое воздержание ни в каком случае не должно будет переходить границы интересов Германии, которые правительство считает себя обязанным и должным защищать, в случае если они окажутся в опасности.

Таковы, господин канцлер, основные положения этой речи, которая произвела большое впечатление и встретила живое одобрение собрания.

Примите и пр.

П. д'Убри.

д'Убри Горчакову

Донесение № 96. Берлин, 14/26 апреля 1871 г.

Г-н канцлер,

Г-н Тиле, которого я вчера повидал, в предвидении сегодняшнего курьера, коснулся в нашей беседе речи князя Бисмарка, анализированной в моем предшествовавшем докладе.

Положение во Франции попрежнему оставляет желать лучшего. Версальское правительство не делает успехов. Операции против Парижа не подвигаются. Ген. Фабрице приписывает это Тьеру, который считает себя великим стратегом и хочет всем руководить, сам не позволяя действовать генералам.

Так же дело обстоит и в Брюсселе, где положение остается без перемен.

Государственный секретарь предполагает, что имперский канцлер в конце концов перенесет переговоры в Берлин, чтобы положить предел этим отсрочкам.

Версальское правительство хотело вчера внести 72 млн., предназначенные на содержание оккупационой армии за март и апрель. Эти платежи должны быть произведены в нескольких пунктах: в Руане, в Дижоне, под Парижем и т. д. и т. д. Однако в Берлине еще не знают, сможет ли французское правительство сдержать свое обещание. В противном

случае будет прибегнуто к военным реквизициям как к средству давления.

Г-н Тиле также недоволен фразеологией циркуляров г. Тьера, который как будто бы находит удовольствие в этом редакционом жанре. Его замечание относится особенно к циркуляру 13/25 апреля, в котором глава исполнительной власти намекает на храбрость войск, сражавшихся в Гравлоте против вдвое сильнейшего неприятеля, не уступив позиции. Действительно этот язык не способен понравиться в Германии; при данных обстоятельствах он представляется совсем неуместным.

На этих нескольких замечаниях ограничилась моя беседа с государственным секретарем, и таким образом она не представляет ничего выдающегося. Она оставила впечатление, что здесь недовольны и изрядно утомлены медлительностью переговоров в Брюсселе и неопределенностью военных действий под Парижем.

Примите и пр. П. д'Убри.

Гирс Горчакову.

Донесение № 15 *. Женева, 14/26 апреля 1871 г.

Князь,

Собрание „Интернационала", на которое уже прибыли в Женеву многие члены этой ассоциации, отсрочено. В числе причин, которые обусловили это решение, мне указали в первую очередь на сомнения, которые начинают испытывать в успехе парижского восстания, и на малое влияние, которое оно оказало на другие индустриальные центры Франции, где социалистическая агитация не добилась того результата, которого ожидали. Настроение женевских рабочих, большая часть которых принадлежит к „Интернационалу", тоже якобы способствовало тому, чтобы отказаться на данный момент от идеи этого собрания. Женевские рабочие будто бы проявили сильную оппозицию против всякой тенденции удалиться от экономических вопросов и вмешаться в политические революции, особенно когда дело идет о других странах.

Каковы бы ни были настоящие причины, приведшие к провалу проектировавшегося в Женеве собрания, представляется, что вожаки „Интернационала" сделались не менее активными к пропаганде, которую они продолжают с той же настойчивостью. Как меня уверяют, они только что образовали много центров действия, чтобы лучше руководить движением в разных странах Европы. Один из главных комитетов учрежден якобы в Коме и работает под руководством Бакунина [90].

Примите и пр. Гирс.

Орлов Горчакову.

Письмо. Брюссель, 14/26 апреля 1871 г.

Князь,

Известия из Версаля единодушно сходятся в оценке чрезмерного благодушия г. Тьера, который слишком много занимается будущим распределением министерств. Он хочет оставить три из них в Версале при Национальном собрании и перенести остальные в Париж. В ожидании в

* Помета рукой Александра II: *„Графу Шувалову"*. Канцелярская помета: „Копия отправлена графу Шувалову 19 апреля".

этом последнем городе приготовляются защищать каждую улицу и каждый дом, на улицах поместили электрические проволочные заграждения, а сточные канавы минированы [91]. Я гарантирую достоверность этих сообщений, потому что они переданы мне надежными корреспондентами и очевидцами. Эти новости относятся к позавчерашнему утру. Тьер передал все командные должности бонапартистам. Вердьер, которого вы знаете, является начальником штаба одного из наиболее значительных корпусов. Ладмиро и Кастельно находятся также в первых рядах. В прошлое воскресенье Канробер отправился в Саторийскую долину принимать несколько полков бывшей гвардии, вернувшихся из Германии. Маршала узнали, и солдаты кричали: „да здравствует император".

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Орлов.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [17] 29 апреля 1871 г.

Шифром: Император Александр сказал мне сегодня утром на дипломатическом приеме: „Я был счастлив получить те хорошие новости, которые вы сообщили князю Горчакову. Моим горячим желанием является окончание кризиса, в котором находится ваша страна".

Я ответил его величеству, что с нашей стороны будет использовано все, чтобы добиться развязки, которая так же дала бы удовлетворение желаниям Европы, как и жизненным интересам Франции. Я счел возможным прибавить, что в данный момент мы сражаемся за дело всей Европы, которая раньше или позже принуждена будет дать сражение против (одно слово не расшифровано), которыми мы (одно слово не расшифровано) ныне (одно слово не расшифровано) космополиты, объединившиеся в Париже.

„Вы правы, — сказал мне император очень приветливо, — и я прошу вас со своей стороны известить г. Тьера, что я искренне желаю упрочения его правительства".

Через несколько часов я вам отправлю другую телеграмму, в которой даю отчет о том разговоре, который был у меня сегодня утром с князем Горчаковым.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [17] 29 апреля 1871 г.

Шифром: Вчера вечером я переслал вашу телеграмму от 25-го * князю Горчакову и сегодня утром видел его лично.

Канцлер сказал мне, что парижские события являются величайшим несчастьем, которое только могло постигнуть Францию, несчастьем, превосходящим наше поражение. Он не понимает и не поймет никогда, как честное население могло наложить на себя столь унизительное ярмо Коммуны. Что касается до иностранных правительств, то зрелище этих бес-

* В подлиннике тут сделана сноска рукою лица, писавшего расшифровку: „Ко мне эта телеграмма не попала".

порядков должно было бы по отношению к их собственному населению представить печальную выгоду — внушить ужас к тем проискам, которые являются опасностью для всего европейского общества. В то же время это зрелище должно внушить иностранным правительствам стремление укрепить ту власть во Франции, которая взяла в свои руки дело угрожаемого социального порядка.

По этому случаю канцлер говорил мне в очень похвальных тонах о г. Тьере, правительство которого является сейчас единственно возможным во Франции. Мне известно, что в том же духе он выражался и среди своих приближенных. Он прибавил, что Бисмарк высоко ценит ваше мужество и самоотречение и что он очень доволен своими отношениями с вами. Повидимому, этим отношениям он приписывает те облегчения, которые были нам сделаны прусским правительством, и князь Рейс, которого я видел на приеме при дворе, говорил со мною в том же духе.

Я ответил князю Горчакову, что сначала я не хотел приходить к нему, раньше чем восстание не будет морально побеждено. Позиция честного большинства парижского населения является поистине неоправдываемой, потому что вследствие своего упадка духа оно открыло свободный путь восстанию. Однако, сделав эту уступку, я должен был прибавить, что навязанные нам условия мира в некоторой мере объясняют уныние добрых граждан, пользуясь которым убийцы и вышли на свет. Канцлер ничего мне на этот пункт не ответил, но и не опровергал моей точки зрения.

Я счел этот случай удобным, чтобы еще раз попросить у князя Горчакова поддержки России перед Пруссией в целях смягчения мирных условий, исполнение которых, ввиду огромных жертв, которые должна будет принести страна, несомненно сделает задачу нашего правительства весьма трудной. Князь Горчаков ответил мне, что он понимает все значение этого замечания, но что Бисмарк своей последней речью в федеральном парламенте в некотором роде отказался от всяких уступок. Я настаивал энергично, но безуспешно, как я вам это и предсказывал в моем письме от 18 апреля *.

В общем итоге, несмотря на достойную сожаления предвзятость князя Горчакова в вопросе о воздержании, день был для нас хорош. Заявление, сделанное мне императором с честной и искренней твердостью, а также развитие этой идеи канцлером являются признаком их доброго отношения к нашему правительству, — отношения, которого раньше я не встречал здесь и которое явилось следствием энергичности вашего поведения.

. . . . . .

. . . . . .

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Версаль, [18] 30 апреля 1871 г.

Шифром: Прошу вас передать императору и князю Горчакову, что мы глубоко тронуты свидетельством той симпатии, которую они проявили по отношению к Франции.

---

* В наших материалах этого письма нет.

Борясь против гнусного мятежа в Париже, мы защищаем дело цивилизации и законности. Мы атакуем (одно слово не расшифровано) и победим — я глубоко уверен в этом — людей насилия и беспорядка, которые угрожают социальному порядку по всей Европе. Зачем нужно, чтобы в выполнении этой задачи мы встречали препятствия со стороны тех, которые имеют интерес поддержать нас? Пруссия несправедлива, она пользуется нашими несчастиями, чтобы отягчать нас своими требованиями. Она отказывает нам в таких облегчениях, которые позволили бы избежать потоков крови и приблизили бы конец борьбы. Она делает вид, что боится, как бы мы не злоупотребили предоставленной ею нам возможностью объединить в Версале армию в 100 тыс. человек, армию, совершенно недостаточную и которую Пруссия мешает увеличить. Она прикидывается, будто думает, что мы хотим возобновить войну с этой маленькой армией. Это предположение бессмысленно, мы энергично стремимся к миру, мы выполняем все наши обязательства, несмотря на тяжесть навязанных нам условий. Наш интерес совершенно совпадает с нашим долгом.

Повторите князю Горчакову эти уверения и просите его передать их в Берлин. Производя на нас давление и отказывая нам в моральной поддержке, которую она нам сначала предоставила, а затем отняла, Пруссия становится пособницей Парижской коммуны. Мы докажем это перед лицом всего света, если нас к этому принудят.

Наши успехи продолжаются, я надеюсь, что форт Исси скоро капитулирует и, если мы будем приведены этим путем (одно слово не расшифровано), мы через брешь вступим в Париж и усмирим его.

Окунев Горчакову.

Донесение № 69. Версаль, 19 апреля/1 мая 1871 г.

Секретно.

Г-н канцлер,

На одном из последних заседаний имперского собрания князь Бисмарк заявил, что переговоры между Францией и Германией об окончательном мирном договоре не подвигаются вперед с той быстротой, какой ждали, и что он не может отделаться от мысли, что французское правительство питает надежду в более отдаленном времени, когда его авторитет утвердится, добиться иных условий мира.

Во время разговора, который был у нас только что с г. Тьером, он возмущался неосновательностью этих заявлений имперского канцлера.

Глава исполнительной власти сказал мне, что французское правительство предполагало обратить в окончательный договор тот самый текст прелиминарных условий мира, который был подписан в Версале. Оно было обязано только сделать исключение для пункта 1-го, устанавливающего территории, уступленные Германии *, и для пункта 5-го, относящегося к урегулированию положения жителей этих территорий **.

Согласно пункту 1-му план новой границы должен быть составлен на месте французскими и немецкими комиссарами. Франция будто бы уже

---

* См. стр. 57—58.
** См. стр. 49.

несколько времени тому назад направила г. Бисмарку проект, составленный французскими комиссарами, но до сих пор этот проект якобы остается без ответа. То же самое будто и с предложениями, сделанными французскими полномочными представителями относительно урегулирования положения жителей уступленных Германии провинций. Эти предложения равным образом остаются будто бы без ответа.

„Несправедливо же,— прибавил г. Тьер,— взваливать на нас вину за промедление, в котором мы неповинны. Как ни тяжелы условия мира, мы не предполагаем освободить себя ни от одного из них; все условия будут точно и лойяльно выполнены. Г-н Бисмарк ошибается, заподозревая нас в задних мыслях и в том, что мы питаем надежду добиться лучших условий, когда, как он выразился, „наш авторитет утвердится". Наш авторитет возрастет в тот день, когда армия будет реорганизована. В недалеком будущем, я надеюсь, мы будем иметь прекрасную армию, но эта армия будет иметь только одно назначение — поддержать порядок внутри страны.

„Имперский канцлер в своей речи обвиняет нас еще в неисправности платежей, предназначенных на содержание немецких войск. Вот еще одно совершенно ложное обвинение. Требуемые суммы были в распоряжении немецких военных властей в условленные сроки. Они были предуведомлены нами о главных казначействах, где находились деньги. Никто не явился за ними, и при таких условиях г. Бисмарк заявляет, что мы нарушили сроки платежей.

„Более того, он постоянно упрекает меня в том, что я не действую с достаточной суровостью против восстания в Париже и затягиваю дело. Но он совершенно не принимает в расчет тех трудностей, которые я должен был преодолеть. Прежде чем напасть на Париж, я должен был организовать армию. Эта организация совершилась в самых неблагоприятных условиях, потому что мы были лишены всех данных, необходимых для создания армии.

„Мы совершили чудеса, потому что на протяжении одного месяца мы поставили на ноги превосходное, вполне дисциплинированное, воодушевленное лучшими намерениями ядро войска, которое через короткое время овладеет Парижем.

„Всячески торопя нас покончить с восстанием, г. Бисмарк задерживает возвращение наших пленных из Германии под предлогом, что у нас слишком много войск, хотя увеличение главной парижской армии свыше цифры, установленной прелиминарными условиями мира, было произведено в силу соглашения с берлинским кабинетом. Таким путем нас лишают наиболее действительного средства установить во Франции порядок так скоро, как мы бы того желали.

„Я резюмирую свою мысль в нескольких словах: г. Бисмарк бьет лежачего.

„Я буду Вам очень обязан, если Вы доведете наш разговор до сведения его светлости, имперского канцлера, прибавив, какое благодарное воспоминание я храню о благосклонном приеме, который он изволил оказать мне в С.-Петербурге".

Вменив себе в обязанность довести до сведения вашей светлости излияния г. Тьера, я вынужден добавить, что полагаю возможным усмотреть в позиции, занятой председателем совета, плохо скрытую боязнь обострить свои взаимоотношения с германским канцлером, но в то же время явно

обнаружившееся чувство досады, вызванное действиями, которые он считает несправедливыми.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 70. Версаль, 19 апреля /1 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

В донесении от 11/23 апреля за № 65 *, которое я имел честь представить вашей светлости, указывались различные способы наступления на Париж, обсуждавшиеся на заседаниях правительства.

Из доверительных сообщений, любезно сделанных мне главой исполнительной власти, следует, что из обсуждавшихся способов воспреобладал способ регулярной осады. Вместе с тем решено лишить город продовольствия.

По словам г. Тьера, операции против форта Исси послужат лишь необходимой подготовкой для осуществления подступных работ, которые будут вестись против окружной городской стены. Нахождение этого укрепления в руках инсургентов мешало производству указанных работ. Поэтому было важно преодолеть это препятствие. Операции, предпринятые с этой целью, прекрасно удались; г. Тьер сказал мне, что если в настоящее время форт этот еще не перешел в руки войск, то занятие его является лишь вопросом времени. Благодаря позициям, возведенным около него осаждающими войсками, находящимися в нескольких метрах от пробитого в различных местах неосвещаемого гласиса, этот форт может быть с минуты на минуту взят приступом, если сами инсургенты не сдадут его добровольно [92].

Во всяком случае, прибавил г. Тьер, форт этот в его нынешнем состоянии уже не может служить препятствием для намеченных против Парижа действий. К ним будет приступлено теперь же. Для входа армии в город избрана часть окружной стены, носящая название Point-du jour; она расположена между Отейль и Гренелль,—с этой стороны и будет сделана брешь. В этих целях две большие батареи уже устанавливаются на высотах Монтрету и Белльвю. Остановились на Point-du-jour, потому что в соседнем квартале имеются лишь незначительные сооружения, которые неминуемо придется уничтожить, так что вознаграждение владельцев за понесенные ими убытки обойдется не слишком дорого.

Г-н Тьер надеется, что как только армия войдет в Париж, в городе начнется движение реакции, среди самих инсургентов произойдет разложение, и таким образом удастся избежать уличных боев. Он даже склонен думать, что успех войск окажет столь сильное моральное воздействие на умы, что поворот в пользу войск произойдет еще до вступления их в столицу. Он уже больше не сомневается в их благонадежности и вполне верит в успешность военных операций.

Правительство, сказал мне г. Тьер, решило вместе с тем воспретить привоз продовольствия в Париж, пользуясь всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Целью его отнюдь не является морить столицу голодом; оно ограничится тем, что будет препятствовать доставке съестных припасов и предметов военного снаряжения. Но выезду жителей из Парижа не будет ставиться никаких преград.

---

* См. стр. 110.

С некоторых пор немецкие военные власти начали способствовать ведению подобной осады, захватывая для собственных нужд все предназначающееся для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы. Однако по этому поводу не было заключено никакого соглашения, и участие немецких властей в блокаде Парижа совершается без какого-либо побуждения их к тому французским правительством. Это участие — добровольно и, кажется, порождается исключительно желанием как можно скорее покончить с мятежом. Впрочем высшие немецкие военные власти всегда считали, что блокада — самый верный способ завладеть столицей.

Таковы вкратце доверительные сообщения г. Тьера.

Заканчивая это донесение, считаю долгом сообщить вашей светлости дошедшие до меня сведения относительно одного слуха, получившего широкое распространение во французской и иностранной прессе. Утверждают, будто бы инсургентами в парижских сточных трубах местами заложены минные камеры для того, чтобы с вступлением войск взорвать целые кварталы. Г-н Альфан, один из виднейших городских архитекторов, держится того мнения, что даже если мины и в самом деле заложены, — они не могут представлять никакой серьезной опасности, так как сточные трубы находятся под землей на глубине 40 метров и заключены в сводчатые стены чрезвычайной прочности. Кроме того пороховые запасы инсургентов, кажется, подходят к концу, возобновить же их в больших размерах нет возможности из-за недостатка серы.

Поэтому представляется мало вероятным, чтобы они решились затратить часть пороха на какое-либо предприятие, в успешности коего они не могут быть уверены. Однако из получаемых правительством донесений явствует, что бочки с порохом поставлены во рвах, вырытых перед выстроенными внутри города баррикадами, число коих увеличивается с каждым днем. Некоторые из этих баррикад достигают значительной высоты и по своей прочности и вооруженности являются настоящими бастионами.

Примите и пр. Окунев.

Горчаков Икскулю во Флоренцию.

Депеша*. С.-Петербург, 19 апреля [1 мая] 1871 г.

Шифром: Сообщите нам все сведения, которые сможете собрать о разветвлениях Интернационала в Италии. Мы имеем основание предполагать, что один из главных центров находится в Коме.

[Горчаков].

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [20 апреля] 2 мая 1871 г.
1 час. 21 мин. пополуночи.

Шифром: Бисмарк недоволен Тьером, который, по его словам, увиливает, требует присутствия и помощи Фабрице, но ничего не заключает в Брюсселе, где он старается сократить оплату военных издержек до 3 миллиардов**.

---

* Черновик отпуска, рукой Горчакова, № 112.
** Помета Александра II: „*Вот это так*“ (nous y voilà).

Парижская коммуна ходатайствует о немецком посредничестве, соглашаясь на немецкую оккупацию Парижа и довольствуясь коммунальной организацией наподобие немецких городов[93]. Тьер отвергает это посредничество. „Нам потребуется быть может, — прибавляет Бисмарк, — прибегнуть к другим мерам и сговариваться с Версальским собранием помимо Тьера*. Тем не менее оккупационная армия будет уменьшена наполовину, т. е. до 300 тыс. человек. Подробности с первой оказией.

Убри.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Версаль, [21 апреля] 3 мая 1871 г.

Шифром: Получил вашу телеграмму от сегодняшнего числа, 3 мая. Благодарю за вашу прекрасную поддержку. Скажите, пожалуйста, князю, что я, со своей стороны, бесконечно благодарен ему за все, что он для нас сделал, и что он может быть уверен, что он обязывает не неблагодарных. В то же время внушите ему уверенность, что, помогая нам, он содействует восстановлению порядка в Европе. Каждый день приносит мне новые доказательства, что парижское движение космополитично и что мнимая Коммуна является не чем иным, как всеобщим низвержением устоев общества, основанного на собственности, на труде и на праве для замены его грабежом, беспорядком и насилием.

Германия могла бы во многом себя упрекнуть. Раздавив нас, она толкнула наш народ в состояние безнадежности и таким образом бросила его в эту чудовищную крайность. Затем она несправедливо сомневалась в нас. Мы искренно и энергично стремимся к миру и к суровому подавлению восстания. Пруссия как будто боится, что мы повернемся против нее. Для нас это означало бы бесчестие и самоубийство. Она ограничила ста тысячами людей нашу версальскую армию и теперь отказывается вернуть нам наших военнопленных. Этим она нам причиняет большой ущерб. Она ослабляет нас, в то время как должна была бы могущественно нас поддержать. Таким образом было бы весьма полезно, если бы можно было ее побудить к возвращению нам военнопленных.

Мы просим ее предоставить нам возможность прохода через Сен-Дени, что позволило бы нам вступить в Париж без штурма. Она предлагает нам вступить туда вместе с нами и считает себя оскорбленной, когда мы отказываемся. Было бы хорошо дать ей понять, что наша честь запрещает нам принять это предложение. Мы не можем объединить наши армии против Парижа; пусть она вернет наших военнопленных и предоставит нам проход через оккупированную ею територрию — вот все, чего мы желаем.

Чтобы доказать ей, что мы стремимся к миру, мы предлагаем ей также превратить прелиминарный мир в мир окончательный, оставив на последующее исследование второстепенные вопросы, как регламентацию части общественного долга, падающую на уступленные провинции, торговые договоры и другие второстепенные пункты.

По этим-то вопросам официозное и сочувственное вмешательство России и могло бы быть нам полезным. Впрочем, я думаю, что мы не-

* Последние четыре слова подчеркнуты карандашом и на полях помета Александра II: „*С кем?*“

далеки от соглашения. Князь Бисмарк предложил мне свидание в (одно слово не расшифровано). Я немедленно выезжаю, и мы встретимся около 6-го. Я буду держать вас в курсе результатов этого свидания.

Если вы увидите императора, скажите ему, что я тронут тем интересом, который он к нам проявляет и который, как я уверен, будет заслужен.

Орлов Горчакову.

Письмо. Брюссель, 21 апреля/3 мая 1871 г.

Князь,

Вот уж целых пять дней нам объявляют о решающих действиях версальцев против Парижа. Пока что они не смогли даже занять форт Исси, который был покинут коммунарами в продолжение 5 часов. Это доказывает, что версальские генералы почти не имеют больше успеха, чем их предшественники в Седане и в Меце. Я только что видел письмо Тьера некоему близкому ему человеку. Новый Вашингтон сомневается в надежности своих солдат, и вообще будущее представляется ему не в розовом свете. В этом он прав, потому что, будет он победителем или побежденным, у власти удержаться он не сумеет. Здесь продолжают думать, что после взятия Парижа Национальное собрание призовет к царствованию Генриха V. С другой стороны, можно думать, что, если вмешаются пруссаки, будет реставрирован Наполеон III. Бисмарк начинает о нем говорить, — не с дипломатами, но с лицами путешествующими, которые далеко разносят его идеи.

В итоге можно сказать, что шансы на стороне версальцев и монархической реставрации, представителя которой еще нельзя указать точно.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Орлов.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [21 апреля] 3 мая 1871 г.

Шифром: Сегодня утром я прочел князю Горчакову вашу последнюю телеграмму и развил выраженные там соображения. Канцлер сказал мне, что Пруссия действительно изменила свою первоначальную примирительную позицию по отношению к нам вследствие тех трудностей, которые наши (два слова не расшифрованы) привнесли в дело заключения мира. Князь Бисмарк вынес впечатление, что мы хотим затянуть переговоры, чтобы добиться изменения подписанного прелиминарного мира собственными усилиями или вмешательством Европы. Значит, нам остается сделать только одно, именно покончить быстрее с Пруссией и таким образом поставить наши добрые намерения вне подозрений.

Я ответил князю Горчакову, что уверения, которые я уполномочен ему передать и которые полностью совпадают с уверениями, сделанными министром финансов с трибуны Национального собрания, являются верной гарантией чистоты наших намерений.

Поскольку канцлер всегда возражает против всяких демаршей, которые могли бы так или иначе не понравиться Пруссии, я сказал ему, что мы

не просим, чтобы Россия адресовала берлинскому кабинету замечания в форме давления в нашу пользу, но скорее указала бы ему на его собственные интересы. Ведь эти интересы находятся в гармонии с интересами нашими и всей Европы, которая должна, как и мы, желать, чтобы у нас были средства быстро покончить с парижским восстанием.

На этом пункте мы легко согласились. «Я бы вам предоставил 300 тыс. солдат, — сказал мне канцлер, — если бы это зависело от нас». — «Я понимаю вас, — ответил я, — потому что Домбровский и его приспешники принадлежат не нам. Мятеж происходит в Париже, но его вожаками в большой части являются иностранцы».

Тогда канцлер попросил меня сделать для него выдержки, которые он мог бы сообщить императору. Это я сделал. Затем он меня спросил между прочим, каковы другие пункты наших затруднений с Пруссией. Хотя я не надеюсь на многое от этого вмешательства России, было бы все-таки полезно, чтобы вы мне дали точные указания на этот счет.

При дворе будет дипломатический прием в честь принца Оранского. Если император заговорит со мною, я не премину настаивать на том интересе, который имеют державы в оказании нам моральной поддержки против восстания.

Это лучший аргумент, который я могу привести здесь, и аргумент, способный завоевать симпатии русского правительства, с тех пор как оно увидело ваше решение не допускать иного прекращения борьбы как путем полного и безусловного подчинения повстанцев.

д'Убри Горчакову.

Письмо. Берлин, 22 апреля/4 мая 1871 г.

Секретно.

Князь,

Мои последние телеграммы уже представили вашему сиятельству резюме последних инцидентов, которые произошли между Берлином и Версалем. Спешу дополнить эти предварительные сообщения через сегодняшнего курьера.

Платежи для содержания оккупационных войск были в точности выполнены. Прежде всего за март и апрель и в самый последний момент за май.

Но переговоры в Брюсселе не подвигаются, и канцлер считает за это ответственным Тьера. Сверх того он недоволен тем способом, который предлагает Франция для выполнения своих финансовых обязательств. В этих условиях он стремился повидаться с Жюлем Фавром. Таким образом их свидание в субботу будет иметь большое значение. Между прочим военный совет, заседающий сегодня, накануне самого отбытия канцлера, у императора, доказывает, что здесь обсуждались все возможные исходы этого свидания.

Бисмарк очень настроен против Франции и Тьера. Он в этом отношении не будет стесняться.

В речи, произнесенной позавчера по поводу закона, касающегося будущей организации Эльзаса и Лотарингии, он нашел даже несколько скорее доброжелательных слов для Парижской коммуны. Правда, он сам

поправился, заклеймив те элементы, из которых эта Коммуна состоит[94].

Тем не менее этот факт не перестает быть интересным. Он открывает степень его раздражения против версальского правительства, на которое он очевидно стремится произвести давление.

В конце концов я полагаю, что он сознательно заблуждается относительно так называемого намерения Коммуны прибегнуть к германскому посредничеству и удовольствоваться немецким городовым положением (Deutsche Staedte-Ordnung). По крайней мере Тиле не знает ни одного слова об этом предложении и не нашел никаких его следов в бумагах министерства иностранных дел.

Фактом является, что Бисмарк не доверяет Тьеру и крайне рассержен версальским правительством, которое затягивает переговоры, реорганизует армию, чтобы предпринять решительные действия против Парижа, стремится расплатиться бумагами, которые со временем могут быть обесценены, и наконец ведет к тому, чтобы проложить дорогу Орлеанам, мало симпатичным здесь и вообще для Германии.

Поэтому я думаю, что сейчас не стоит вопрос о сокращении армии, о котором меня известил Бисмарк. Быть может это сокращение существует в качестве проекта. Все вышеизложенные сведения, которые почерпнуты из вполне надежного источника, доказывают как будто, наоборот, что оккупационная армия будет сохранена полностью. Предполагают только изъять из нее 30 тыс. человек, чтобы заместить их тем же числом ландверцев (Landwehr-Männer), несущих здесь караульную службу при военнопленных. Во всяком случае по отношению к этим последним здесь приняты очень суровые меры.

Я спрашиваю себя, зачем Бисмарк намекнул мне на новость столь большой важности, оказавшуюся неточной. Очевидно затем, чтобы скрыть свои намерения и убедить в том, что он настроен миролюбиво и примирительно, в то время как он отправляется во Франкфурт с менее примирительными задними мыслями.

Слова Тиле, что «мы переходим к пятому акту, т. е. к развязке» могут в этом свете показаться многозначительными.

Мы это узнаем, князь, в скором времени, и я не стану бесплодно злоупотреблять вашим временем, теряясь на досуге в предположениях и гипотезах, которые уже завтра могут не оказаться даже правдоподобными.*

С своей стороны, я заметил только Тиле, что было бы очень хорошо, если бы окончательный мир был подписан во Франкфурте** и если бы Бисмарк после этого оказал поддержку версальцам, чтобы покончить с этой Коммуной, которая является поистине позором человечества.

По моему скромному мнению, это было бы наилучшим исходом свидания в ближайшую субботу.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр.

д'Убри.

---

* Помета Александра II: *«Конечно»*.

** Последние три абзаца очеркнуты карандашом.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [22 апреля] 4 мая 1871 г.

Шифром: Император Александр вчера вечером дважды говорил со мною, причем в первый раз достаточно долго, чтобы я смог поговорить с ним по всем вопросам, занимающим нас сейчас.

Его величество сказал мне, что князь Горчаков дал ему отчет о той беседе, которая у нас была с ним утром, и что он может только одобрить во всех отношениях речи канцлера. «Заключайте как можно скорее мир, — прибавил император, — чтобы воспрепятствовать таким образом Пруссии заподозрить наши намерения и, возможно, затруднить позицию вашего правительства».

Я ответил его величеству, что я уже передал в Версаль телеграфный отчет об этой беседе, но что я могу заверить, что мы желаем только одного — мира, как бы ни были тяжелы и печальны те жертвы, на которые мы согласились. Нынешнее правительство Франции составлено из людей, основной заслугой которых в глазах страны является их глубокая честность. Император мог в этом лично убедиться, видя г. Тьера. Я могу то же самое сказать ему и о других членах правительства. Таким образом Пруссия может успокоиться. Мы сдержим свои обещания; это одновременно и является нашим долгом и составляет наш интерес. Но не следовало бы, чтобы путем уловок она затрудняла нам подавление мятежа, сделала бы это подавление более трудным и более кровопролитным и ослабила бы вследствие продолжения восстания основы того правительства, которое является охраной не только для Франции, но и для спокойствия всей Европы.

Император выслушал меня с большим вниманием. Затем он сказал мне, что как только Горчаков получил мое утреннее сообщение, он телеграфировал в Берлин, чтобы передать наши замечания Бисмарку. Я горячо благодарил его величество за эти услуги и сказал ему, что я горячо желал бы для его августейшей персоны прекрасную роль примирителя между Пруссией и Францией. Этим он много сделал бы для общего мира на континенте и тем самым для дела порядка, представителями и защитниками которого ныне являемся мы под стенами Парижа. Не следует, чтобы император позволил запугать себя (одно слово не расшифровано). Анонимная власть является единственно способной сейчас во Франции поддержать мир и подавить во имя всей нации* в целом европейскую демагогию, которая устроила себе резиденцию в нашей столице.

Император ни в чем не возражал мне и, повидимому, был со мной во всем согласен, потому что он сказал мне с большой ясностью: «Заключайте прежде всего мир и будьте уверены, что я буду с вами на том пути, который вы только что указали».

Несколько позже в течение вечера император снова говорил со мной о вещах, правда, незначительных, но с (два слова не расшифрованы) замечания, что показало мне, что мои слова, несмотря на их почтительную настойчивость, не могу сказать, чтобы не понравились ему.**

---

* Сноска в подлиннике дешифровки: «общества?»

** Помета Александра II: «*Это точно*».

д'Убри Горчакову.

Донесение № 99. Берлин, 22 апреля/4 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Получивши документы, присланные вашим сиятельством 12 апреля, я поспешил прочесть г. Тиле приложенные там разные доклады г. Окунева.

Государственный секретарь выразил мне свою глубокую признательность за это сообщение. Многие из этих докладов, в частности доклад, относящийся к римскому двору, содержали подробности, не известные в Берлине и вызвавшие здесь большой интерес.

По этому случаю он счел возможным поставить меня в известность о тех фактах, которые я имел честь передать вашему сиятельству в телеграмме от 15/27 апреля[95].

Выплата 72 млн., предназначенных на содержание немецких войск за март и апрель, дала повод к недораз мениям. Действительно, одна телеграмма ген. Фабрице к императору-королю извещала его величество, что условные выплаты еще не произведены. Одновременно с тем в Берлине узнали, что суммы, предназначенные для оккупационных корпусов Реймса и Дижона, были в этих двух местах внесены. Оказалось, что имело место недоразумение в Руане, где чиновник прусского интендантства, уполномоченный принять подлежащие выплате миллионы, по недоразумению их не принял.

Эта последняя выплата была осуществлена позже, что должно предупредить повторение военных реквизиций, которые не преминули бы оказать весьма неприятное воздействие на положение во Франции.

Передавая мне эти детали, г. Тиле счел ввзможным мне сообщить, что г. Жюль Фавр адресовал по этому случаю ген. Фабрице совершенно удовлетворительное письмо, наполненное самыми горячими протестами против подозрения в нелойяльности. В нем он жалуется на сомнения, выраженные относительно желания Франции точно соблюдать принятые ею на себя обязательства.

Произведенное этим письмом впечатление было весьма благоприятно, и генерал исполнен доверия к намерениям министра иностранных дел республики. Он менее уверен относительно намерений главы исполнительной власти.

Парижская коммуна с своей стороны не пренебрегает никакими средствами, чтобы щадить самолюбие немецких военных властей.

Таким образом оккупационная армия находится в выгодном положении: она внушает настоящий ужас красным Парижа и в то же время перед ней заискивают белые Версаля.

Тем не менее положение во Франции требует от этой оккупации такой длительности, которая затрудняет Германию во многих отношениях. До сих пор еще под ружьем остаются 30 тыс. солдат ландвера, предназначенных к охране военнопленных. Их необходимо было бы немедленно вернуть к сельскохозяйственным работам, а правительство оказывается вынужденным задерживать еще их возвращение к очагам. Только что сделано исключение для женатых людей этой категории: они недавно возвращены в свои семьи.

Задержки, которые испытывают переговоры в Брюсселе о подписании окончательного мира, равно производят в этом отношении огорчительное действие.

Примите и пр. П. д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 100. Берлин, 22 апреля/4 мая 1871 г.
Конфиденциально.

Г-н канцлер,

Я воспользовался присутствием имперского канцлера на обеде у меня 18/30 апреля, чтобы запросить его о некоторых подробностях касательно того, что происходит в Париже и в Версале, и добиться более точных разъяснений о положении вещей во Франции.

Князь Бисмарк тотчас же разъяснил в ответ на мой вопрос, что Тьера трудно понять, что он стремится лукавить и что германские правительства в конце концов увидят себя вынужденными прибегнуть к другим мерам воздействия (aux autres aboutissants);* он подчеркнул эту последнюю фразу, не уточняя однако своей мысли, которая может так же относиться к Парижской коммуне, как и к низложенной бонапартистской партии.

Я постарался проникнуть в смысл этой фразы, спросив, каковы мотивы его недовольства главой версальского правительства.

Князь-канцлер заметил, что г. Тьер желает присутствия немецких войск и требует права прохода через их фронт, но не делает ничего, чтобы заключить мир в Брюсселе, где переговоры не подвинулись ни на шаг. Вследствие этого он был вынужден заявить Версалю, что он не позволит больше ничего, пока мирные переговоры не будут приведены к благополучному концу.

Я спросил у канцлера о причинах трудностей, которые испытывают эти переговоры. Он ответил, что г. Тьер старается ускользнуть от условий прелиминарного мира и что он сейчас хочет свести выплату военных издержек, фиксированных в 5 миллиардов, к 3 миллиардам.

Парижская коммуна, с которой князь Бисмарк вошел в сношения для освобождения парижского архиепископа вследствие ходатайства католического духовенства Пруссии, просила о немецком посредничестве. Она согласилась бы даже на оккупацию Парижа немецкими войсками и удовольствовалась бы немецкой коммунальной организацией (Deutsche Staedte-Ordnung)**.

Но версальское правительство отказалось принять это посредничество. «Решительно г. Тьер сошел с ума, — заметил имперский канцлер, — и нам больше ничего не остается как непосредственно вести переговоры с версальским Собранием, минуя нынешнего главу исполнительной власти. Во всяком случае мы должны выжидать последующего развития событий с оружием в руках. Тем не менее, — прибавил он, — мы сейчас свернем наполовину оккупационную армию. Она состоит еще из 600 тыс. и вскоре будет сведена до 300 тыс. человек».

Не располагая в ближайшее время надежной оказией, я счел долгом резюмировать эту беседу в своей секретной телеграмме от 20 апреля (2 мая)***.

Эти доверительные объяснения князя Бисмарка оставили у меня, г. канцлер, такое впечатление, что немецкие правительства находятся в трудном положении вследствие положения вещей во Франции.

---

* Помета Александра II: «*Это совершенно в его характере*».
** Помета Александра II: «*Интересный факт*».
*** См. стр. 126.

Окончательный мир все не подписывается, и условия о военных издержках, заключенные в Версале, дают повод к разнообразным толкованиям. Французское правительство старается сократить размеры своих денежных обязательств. Германия должна оставаться вооруженной перед лицом неопределенности, которая следует из борьбы под Парижем и из мало удовлетворительных результатов брюссельских переговоров. Правда, немецкие правительства полагают, что можно уменьшить наличный состав оккупационной армии, но тем не менее положение продолжает оставаться ненадежным вплоть до окончательного заключения мира, который задерживается гражданской войной в Париже.

Примите и пр. П. д'Убри.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 102. Берлин, 22 апреля/4 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Г-н Тиле, к которому я явился раньше, чем запечатать мое донесение, объявил мне, что завтра утром князь Бисмарк отбудет во Франкфурт, куда одновременно должен явиться Жюль Фавр. Их свидание назначено на послезавтра, в субботу.

Туда же был вытребован из Брюсселя граф Арним, так же как французский полномочный представитель г. Леклерк и сопровождающие их специалисты. Г-н Бод, которого считают причиной испытываемых переговорами оттяжек, не приглашен туда.

Г-н Жюль Фавр продолжает утверждать, что ему достаточно будет повидаться с князем Бисмарком, чтобы сговориться по всем вопросам, задерживающим подписание мира. Его добрые намерения сейчас подвергнуты испытанию.

В ожидании этой встречи сейчас военный совет собран у императора-короля.

«Ну, вот мы дошли до пятого акта, — сказал мне утром г. Тиле. — Это хаос, и пора с ним покончить».

Действительно, господин канцлер, брюссельские переговоры не подвигаются, и так же обстоит дело под Парижем, где продолжается бомбардировка без ощутительных результатов. Это положение грозит затянуться до бесконечности в ущерб всем интересам, — интересам Франции так же, как и Германии и Европы.

Новости, полученные здесь через г. Уошберна (Washburne)[96], окажут влияние на намерения германского правительства. Он указывает, что Коммуна неизбежно падет, но что это может длиться еще неделями и что, возможно, ее падению будет предшествовать разграбление Парижа.

Как я уже имел честь только что телеграфировать вашему сиятельству, возможно, что князь Бисмарк во Франкфурте поставит себе задачей обеспечить окончательный мир, положив конец уверткам г. Тьера и нынешнему хаосу в Париже, которые могут повредить отношениям Германии и Франции. Собранный у императора-короля совет, повидимому, доказывает, с какой энергией здесь решили действовать в случае необходимости, чтобы одержать в конце концов верх над раздражающим положением данного момента.

Примите и пр. П. д'Убри.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [25 апреля] 7 мая 1871 г.

Шифром: Можно быть уверенным, что Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания. Горчаков только что объявил это мне официально и с гораздо большей ясностью, чем при нашей последней беседе *.

Я ему переслал сегодня утром отчет о заседании Коммуны 25 апреля, на котором один из ее членов восхваляет благожелательный нейтралитет немецкой армии [97]. Утром я прочел ему живо мною поддержанную вашу телеграмму от 3-го, которую он полностью одобрил.

Он сказал мне, что император, так же как и он сам, понимает необходимость притти к нам на помощь для подавления мятежа, который посредством своих разветвлений угрожает всему европейскому обществу в целом. Его величество говорил в этом смысле с князем Рейсом и дал приказ своему представителю в Берлине поддержать наши просьбы. Сверх того он уполномочил Горчакова подтвердить мне то, что он три дня назад говорил мне самому.

Я воспользовался этим случаем, чтобы настаивать перед канцлером на том, как полезны были бы услуги России в деле заключения окончательного мира. Ввиду крайней настойчивости Пруссии мы никогда не сумеем ее удовлетворить без посторонней помощи; только Россия могла бы нам помочь с успехом, потому что только ее слушают в Берлине. Подробности здесь имеют большое значение. Не довольствоваться, как того требуют, повидимому, прусские газеты, нашими ценными бумагами под тем предлогом, что их курс может понизиться, значит фактически затруднить нам выполнении наших обязательств. Я счел возможным утверждать, что, со своей стороны, я даже сожалею, что мы не задолжали всей Европе, потому что ее коллективные требования взаимно компенсировались бы в нашу пользу на основании здравого смысла и лойяльного сотрудничества кабинетов, как это видели в 1814 г.

Князь Горчаков совершенно согласился со всем тем, что я ему сказал, включая и последнее замечание. Он мне ничего формально не обещал (не расшифровано одно слово) на этот счет, как обещал по поводу подавления восстания, выразив надежду, что франкфуртское свидание приведет к соглашению, и обещая свое благожелательное вмешательство после этого свидания; но даже в отношении этого пункта намерения русского правительства благоприятны для нас, и я рад возможности сказать вам это сегодня.

Окунев Горчакову.

Донесение № 71. Версаль, 26 апреля/8 мая 1871 г.
Приложение.

Г-н канцлер,

Хотя результат происходивших во Франции 30 апреля муниципальных выборов еще не вполне известен, все же, по сведениям, полученным до

* На полях примечание рукою Горчакова: «То есть, если окончательный мир будет подписан, потому что тогда Пруссия будет иметь такой же интерес, как и Франция, в поражении Коммуны».

настоящего времени правительством, можно представить себе их общий характер.

В городах, даже небольших, как будто одержал победу республиканский список. Коммунистическая (communiste) партия восторжествовала в нескольких южных городах. В Бордо, Лилле, Нанте, Пуатье и Гренобле выборы, хотя в общем и прошли скверно, но все же не дали столь крайних результатов.

В деревнях радикальная партия почти повсеместно потерпела полное поражение. В большинстве были переизбраны прежние имперские муниципалитеты [98].

Правая и крайняя правая Национального собрания возлагают вину за подобный исход выборов на правительство. В распубликованном циркуляре г. Пикар предписывал префектам полное невмешательство; но монархическая партия подозревает министра внутренних дел в том, что он, наряду с этими гласными распоряжениями, послал начальникам департаментов тайные инструкции с предложением оказывать содействие избранию республиканцев.

Независимо от того, до какой степени подобное обвинение части Собрания является обоснованным, предпочтение г. Тьером республиканской формы правления становится все более и более очевидным. Его последняя речь в Собрании не оставляет никакого в этом сомнения. Кроме того, рассказывая мне о только что происшедших выборах, глава исполнительной власти не скрыл от меня своих убеждений. Он сказал мне, что, стараясь уяснить себе истинный характер общественного мнения в настоящее время, он убедился в том, что Франция гораздо более склонна к республике, чем это вообще предполагалось и чем это предполагал он сам. В республиканизме Парижа не может быть никаких сомнений. Многочисленные делегаты, направляемые к нему из столицы, не исключая и делегатов партии порядка, совершенно убедили его в этом. Некоторые из них даже высказывали предположение, что если бы Национальное собрание теперь же решилось провозгласить республику, то Париж сдался бы. По словам г. Тьера, помимо столицы, и все крупные провинциальные центры и даже большинство мелких городов настроены республикански.

Возможно, что, делая подобные заявления, г. Тьер совершенно искренен; но также возможно и то, что они продиктованы ему лишь желанием лишить парижских инсургентов единственного предлога, которым они еще могут прикрываться * — их ссылок на мнимую монархическую конспирацию, якобы замышляемую правительством Национального собрания.

Не желая входить в обсуждение соотношения сил различных политических партий Франции, считаю долгом указать, что республиканская форма правления приобретает сторонников не только в городах, но также и в Национальном собрании. Сейчас в самой палате из депутатов центра организуется новая группа. Эти депутаты, не являясь сплошь приверженцами республики, все же хотят провозглашением г. Тьера президентом республики на трехлетний срок не допустить возможной борьбы за другую форму правления. Эта группа, насчитывающая уже более сотни членов, хотела бы таким образом установить временный строй на

* Помета Александра II: «*Это более осторожно*».

определенный срок, в течение коего Франция получила бы возможность приступить к реорганизации; но в сущности при этом косвенным образом была бы уже провозглашена республика. Влияние этой группы значительно возросло бы, если бы она объединилась с республиканской партией палаты в собственном смысле. Последняя сама по себе имеет 140 членов. Кроме того еще предстоит доизбрать 120 депутатов взамен выбывших вследствие отставок, избраний и за смертью. Если предположить, что все новые депутаты окажутся республиканцами, то эта партия составит большинство в палате.

Должен кроме того заметить, что в настоящее время одни лишь республиканцы проявляют активность и энергию; что только они производят впечатление сплоченности, тогда как малодушие и отчаяние, кажется, начинают овладевать другими партиями. На последних муниципальных выборах отсутствовало более трети. Однако все республиканцы голосовали. Воздержание от голосования имело место лишь у других партий. Вследствие этих уклонений от голосования вчера пришлось приступить к перебаллотировке. Результат ее еще неизвестен; эта вторая попытка однако во многих отношениях как по количеству подлежащих избранию кандидатов, так и по важности тех городов, где она должна проводиться, имеет большое значение. Так, пришлось приступить ко второй баллотировке и в Лионе и в Марселе. В Лионе первые выборы, ввиду связанных с ними беспорядков, были аннулированы. Мятеж был подавлен войсками; он, к счастью, побудил правительство принять энергичные меры, — а именно, произвести разоружение наиболее беспокойных в городе кварталов [99]. Считаю долгом представить при сем вырезку из издающейся в этом городе газеты * с сообщением о мерах, принятых для подавления беспорядков. Приводимые здесь подробности особенно любопытны в том отношении, что они вскрывают целую систему, проводимую радикальной партией в целях достижения разложения армии. Эта же система проводилась и в Париже 18 марта. Однако, благодаря энергии лионского коменданта Круза и принятым им мерам, маневры агентов Парижской коммуны ни к чему не привели.

Заканчивая это донесение, мне остается лишь указать на значение выборов по деревням.

Прежние муниципалитеты империи потому были переизбраны в большинстве деревенских общин, что лишь в их составе находились кандидаты, способные выполнять свои обязанности в деревнях (где выбор весьма ограничен).

Их переизбрание поэтому должно быть приписано скорее отсутствию конкурентов, чем исключительным бонапартистским симпатиям; тем не менее большинство деревень, в особенности на юге Франции, как будто еще сохранило большую преданность империи, которая в течение 20 лет обуздывала революцию во Франции и умела поддерживать порядок внутри страны.

Примите и пр.

Окунев.

---

* В черновике донесения стояла: «лионской газеты», затем «лионской» зачеркнуто и сверху написано: «этого города». Однако, как это видно из начальных строк самой вырезки (см. Приложение), к донесению была приложена вырезка очевидно из правительственного органа в Версале.

Мятеж 30 апреля в Лионе.

К нам дошли лионские газеты, и теперь мы можем составить себе точное едставление о происшедших в этом городе волнениях.

Еще с субботы можно было предвидеть, что завтра произойдут беспорядки. На публичных собраниях в Круа-Русс открыто пропагандировалась гражданская война. Кроме того в пятницу газета парижских коммунаров, несомненно осведомленная обо всем подготовлявшемся в Лионе, сообщала о предстоящем мятеже и даже точно указывала, что целью его будет воспрепятствовать силой оружия голосованию. И действительно, в воскресенье утром вооруженные люди расположились в различных пунктах голосования в Ля Гилотьер, захватили мэра и мешали производству выборов, задерживая мужественных граждан, хотевших положить свои бюллетени; всюду они водружали красные знамена. По приказу вожаков ударили сбор, и часть национальных гвардейцев, впрочем немногочисленная, присоединилась к восставшим. В то же время была вывешена прокламация без подписи, без указания типографии, под названием «Лионская коммуна». В ней заявлялось, что Лион «не может допустить, чтобы был удушен его родной брат, героический город Париж», и при этом добавлялось следующее:

«Лионские революционеры, собравшись по взаимному между собой согласию, избрали временную Коммуну, облеченную всей полнотой власти.

Эта Коммуна, не объявляя о своем существовании, подготовила совершающуюся сегодня революцию; она оставит за собой всю власть до тех пор, пока в ближайшее время не будут произведены правильные и последовательные выборы.

В настоящее время мы, граждане, находимся в трудном положении и мы рассчитываем на ваше энергичное содействие нам. Однако члены, составляющие временную Коммуну, решили для достижения победы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства. Они решили скорее не оставить камня на камне от города, который оказался бы настолько низким, чтобы дать задушить Париж и Республику, чем уступить победу врагу».

Между тем предупрежденные власти решились действовать. В четыре часа вечера с фортов раздались три пушечных залпа. Это был условный сигнал для наступления войск. Две колонны двинулись в различных направлениях. Когда первая колонна, состоявшая из солдат 38-го линейного полка, начала подходить к площади, часть населения, симпатизирующая Коммуне, устроила ей чрезвычайно ловко подстроенную встречу, обороняться от которой не было возможности. Сто с лишним национальных гвардейцев-коммунаров, несших караульную службу перед зданием мэрии, вместо того чтобы занять оборонительное положение, сложили оружие в козлы. В то же время многочисленная толпа безоружных людей, в большинстве женщины и дети, бросилась вперед и во фланг колонны, с криками: «Да здравствуют линейцы! Да здравствует армия! Разве вы не наши братья, разве вы станете в нас стрелять?» Женщины выказали себя наиболее смелыми и неотступными; они висли на седельных луках и на руках солдат; они их даже целовали.

Сбитые с толку особым приемом, явившимся следствием прекрасно изученной и дружно осуществленной тактики, солдаты, всегда испытывающие отвращение к гражданской войне, начинают колебаться, и, не слушая приказания своих офицеров, останавливаются, затем мало-помалу отступают под натиском все возрастающей, с виду столь безобидной толпы.

Никто из них однако не поднимал ружей прикладами вверх, как об этом ошибочно сообщалось. Начальники, видя всю невозможность открыть военные действия, увели войско; покинув площадь, оно направилось по дороге к Перрашу через мост Гилотьер и набережную Милосердия.

Другая колонна тем временем продвинулась через мост на левый берег. Тут она тоже остановилась. Между солдатами и толпой завязались разговоры, женщины даже начали фамильярно рассаживаться на пушках, подступ к коим не был строго воспрещен. Это своего рода полубратанье или, вернее, полная инертность войск продолжалась в течение приблизительно получаса, после чего вся колонна получила приказ отступить; Коммуна осталась хозяином положения.

События эти происходили вечером, между четырьмя и половиной седьмого.

Площадь Гилотьер принимала с минуты на минуту все более возбужденный вид. Начали сооружаться баррикады.

Самих мятежников было не очень много. Но тут же, при производимых ими работах, присутствовала толпа, которая не отдавала себе ясного отчета в пресле-

дуемой ими цели, все же относилась к ним скорее сочувственно, чем враждебно.

Тем временем со стороны войска подготовлялась новая атака. К 7 часам вечера из главного квартала, с площади Наполеона, двинулась новая наступательная колонна, иначе построенная, охраняемая спереди, сзади и с обоих флангов несколькими эскадронами конных стрелков, с генералом Круза, г. Валентен, префектом Роны, и еще несколькими другими чиновниками.

Вскоре она перешла через мост и спустилась на левый берег, к началу улицы, ведущей к Cours de Brosses. Там она была остановлена подобным же препятствием, как и то, вследствие коего потерпела неудачу первая попытка, а именно, наступлением безоружной толпы с преобладанием в ней женщин; последние рассыпались в уверениях своей симпатии к солдатам и умоляли их не стрелять в народ, ссылаясь на то, что таким образом каждый из них рисковал бы убить своего друга, родственника, брата. Пройти через эту баррикаду из людей не было почти никакой возможности.

Тогда один из артиллерийских офицеров крикнул: «канониры, к орудиям!» В то же самое время отряду пехоты, находившемуся во главе колонны и прикрывавшему собой пушки и митральезы, было приказано расступиться по сторонам. Артиллерия открыла огонь. Раздалось несколько залпов — один за другим; хотя пушки были заряжены одним порохом, этого оказалось достаточно, чтобы расчистить все пространство вплоть до здания мэрии. Несколько ружейных залпов, произведенных с той же целью, завершили это дело, заставив разбежаться по сторонам теснившую солдат толпу.

Тогда колонна получила возможность двинуться дальше и подойти ближе к зданию мэрии, расположенному сбоку в глубине площади так, что ее нельзя было видеть с моста. Теперь увидели, как открылись окна в одной из комнат первого этажа, и оттуда последовало несколько выстрелов. В ответ на это нападение был дан картечный залп, которым было убито и ранено несколько защитников Коммуны.

Необходимо было овладеть этим зданием, ворота коего были заперты. При втором картечном залпе они разлетелись вдребезги. Тогда войска ворвались внутрь, захватили в плен всех находившихся там при оружии и сорвали красное знамя, так долго развевавшееся над гилотьерской мэрией.

При помощи штыков войска завладели также и двумя другими домами, в которых укрепились повстанцы.

Как раз во время этой атаки г. Валентен и был ранен ружейными выстрелами в бедро. Было также ранено несколько человек из командного состава.

Г. Андрие, прокурор республики, шедший во главе второй колонны, был узнан мятежниками; они яростно набросились на него, схватили, оттащили от солдат, и он чуть не был ими зарублен. В эту самую минуту кавалерийский отряд врезался в толпу и опрокинул ее. Г-н Андрие почувствовал, как по нему промчались лошади, но будучи, к счастью, защищен телами тех, кто намеревался его убить, он не получил никаких повреждений.

Ввиду того, что из 4-го этажа одного дома с левой стороны Cours de Brosses, как это заметили жандармы, последовал ружейный выстрел, — саперы вырубили входную дверь ударами топоров и обыскали все четыре этажа этого дома. В одной из передних комнат находилось трое людей, вооруженных еще горячими ружьями. Они были арестованы, выведены перед войском и тут же расстреляны.

Сражение в Гилотьере продолжалось в течение всей ночи.

Лишь к 3 час. утра огонь повстанцев окончательно затих. На следующий день, в понедельник, войска заняли мэрию и главные пункты квартала Гилотьер. Пока на Гилотьере длилась борьба, в Круа-Русс (Croix Rousse) было тоже неспокойно. Делегаты Парижской коммуны, обрадовавшись предлогу, который давал им возможность быть не там, где происходило сражение, разгуливали по бульвару Круа-Русс и подбивали на восстание национальных гвардейцев. Было решено приступить к действиям лишь со следующего дня. Действительно, в понедельник было несколько попыток устроить беспорядки, били в набат. На призыв к мятежу отозвалось лишь небольшое количество национальных гвардейцев; на некоторое время была захвачена мэрия, но восстание в этой части города не достигло тех размеров, до каких оно разрослось в Гилотьере.

В остальных кварталах было спокойно.

Цифры убитых и раненых, как и всегда при подобных обстоятельствах, были выяснены лишь приблизительно. 17 трупов горожан, в том числе двух женщин,

были перенесены в больницу. Некоторые газеты насчитывают 52 убитых и раненых со стороны инсургентов и 25 со стороны войск.

По сообщению «Общественного блага» инсургенты намеревались также прибегнуть к убийствам.

В 2 часа пополудни префект, ген. Круза, архиепископ, прокурор республики и начальник охраны должны были пасть от ножа наемных убийц Коммуны, руководимых неким Пейе, бывшим городским сторожем. Все эти происки подготовлялись тайным комитетом, составленным из будущих членов Лионской коммуны; им предшествовали многочисленные призывы к оружию, расклеенные по всему гилотьерскому кварталу.

К счастью власти, предупрежденные обо всех этих гнусных замыслах, приняли все меры предосторожности, продиктованные серьезностью положения.

После полудня удалось арестовать, при входе в кабинет прокурора республики г. Андрие, двух главных участников этого заговора: Пейе, который в случае удачного покушения был намечен к занятию поста директора охраны, и некоего Кодекса, одетого в форму национального гвардейца.

У Кодекса нашли подлинное сокровище убийцы: трехгранный клинок, старательно отточенный и вделанный в грубую рукоятку.

Кроме того оба они были снабжены мандатами от временного комитета Лионской коммуны, уполномачивающими их на сношения со всеми революционными организациями, и личными удостоверительными карточками, аттестующими их в качестве друзей и братьев. Удалось также захватить и других лиц, принявших на себя ту или иную роль в этой мрачной драме и, в частности, Альбера Блана [100], скрывшегося после неудачной попытки 22 марта.

Альбер Блан возвращался из Женевы с множеством прокламаций Коммуны.

Все эти мятежники и преступники ныне находятся в надежном месте, и все нити их заговора — в руках полиции. В понедельник утром префект и генерал распорядились расклеить по городу ряд энергичных воззваний. То же сделал и мэр, г. Энон, чтобы заклеймить «преступление, совершенное иностранцами и злоумышленниками против свободы выборов».

Все эти волнения, заявлял он, «были вызваны лишь в целях монархической реставрации».

Окунев Горчакову.

Донесение № 72. Версаль, 26 апреля/8 мая 1871 г.
2 приложения *.

Г-н канцлер,

Форт Исси, близкого падения коего ожидал г. Тьер, как я имел честь сообщить о том императорскому министерству в моем донесении от 19 апреля/1 мая за № 70 *, находится еще в руках повстанцев.

В момент отправления донесения форт этот, на котором уже были потушены все огни, был почти оставлен своими защитниками. Занятие его войсками, казалось, не представляло в виду этого никаких серьезных затруднений. Военные власти однако не решились войти в него, опасаясь, что он минирован. Были начаты переговоры о его сдаче. На это время осаждающие прекратили огонь. Инсургенты воспользовались этим перерывом, чтобы вновь вооружить форт и послать к нему подкрепления [101].

Таким образом инсургенты получили возможность продолжать его защиту и вынудили войска Собрания приступить к подступным работам, чтобы окружить форт и отрезать его от сообщения с Парижем и с фортом Ванв. Если судить по опубликованным правительством донесениям, то операции эти как будто уже подходят к концу. Вместе с тем войска старались предотвратить взрыв мины, заложенной, по их мнению, под этим фортом; для этого был вырыт окружный ров, чтобы таким образом перервать

* См. стр. 125.

соединительные провода, в случае если бы таковые действительно существовали.

Одна из батарей, предназначенных к бою на Point-du-jour, а именно батарея на высотах Монтрету, как говорят, будет сегодня совершенно готова и уже с завтрашнего дня откроет огонь против парижского вала. Батарея эта состоит из 70 дальнобойных морских пушек. Батарея же, которая должна быть сооружена на высотах Бельвю, сможет быть там установлена лишь после того, как будет захвачен доминирующий над этой местностью форт Исси.

Считаю необходимым представить при сем воззвание, которое распространялось вчера в Париже правительством и в котором жителям столицы сообщается о неминуемой бомбардировке окружного вала. Воззвание это вместе с тем призывает парижан открыть армии одни из городских ворот, во избежание связанных со штурмом бедствий.

Пока производились указанные операции против форта Исси, г. Тьер рискнул еще на один маневр, оставшийся неизвестным обществу.

Председателю исполнительного совета как будто удалось установить связь с некоторыми главарями восстания, которые будто бы согласились открыть ворота Майо, дабы впустить через них войска. Говорят, что посредством довольно значительной суммы удалось подкупить Клюзере. Два армейских дивизиона были отправлены в одну из последних ночей с трехдневным запасом продовольствия в окрестности Булонского леса. Г-н Тьер и маршал Мак-Магон провели всю ночь в самом лесу, ожидая условленного сигнала, чтобы двинуть войска, но сигнал этот дан не был. Таким образом попытка эта не удалась, а Клюзере на другой день был арестован по приказу Коммуны. Среди предъявленных ему обвинений между прочим фигурирует обвинение в сношениях его с версальским правительством. Однако опасаясь, что ее самое могут заподозрить в измене, Коммуна воздержалась от предания этого обвинения гласности [102].

Из вышеизложенного явствует, что г. Тьер не останавливается ни перед какими мерами, лишь бы завладеть Парижем. Тем не менее находятся нетерпеливые люди, не отдающие себе отчета в многочисленных трудностях положения, приписывающие г. Тьеру затягивание предстоящей атаки. Особенно же его обвиняют в желании лично руководить операциями и в том, что он якобы неоднократно вредил успеху дела распоряжениями, которые он навязывал Мак-Магону. Недовольство им все более и более распространяется в армии. Независимо от того, насколько основательны эти обвинения, все же верно, что отставка ген. Дюкро была вызвана исключительно несогласием между ним и главой исполнительной власти по вопросу о происходящих военных операциях.

Во внутреннем положении Парижа со времени отсылки моих последних донесений не произошло каких-либо значительных перемен; я должен ограничиться лишь сообщением об учреждении Комитета общественного спасения [103] и о замене Клюзере некиим Росселем [104], артиллерийским офицером, выдвинувшимся при Меце и затем служившим в Луарской армии, где он был произведен Гамбеттой в чин полковника.

Учреждение Комитета общественного спасения взамен прежнего исполнительного комитета Коммуны не приходится истолковывать — по крайней мере, до настоящего времени для этого нет никаких данных — как результат возрастающей ярости инсургентов. Кажется, воскрешая этот

отголосок эпохи террора, Коммуна преследовала лишь единственную цель — дать видимое удовлетворение крайней среди мятежников партии. Ввиду того, что Комитет общественного спасения, как и бывший исполнительный комитет, подчинен верховной власти самой Коммуны и члены ее не являются ответственными перед Комитетом общественного спасения, — ничто, кажется, не изменилось.

Но инсургенты сделали еще одну попытку распространить свое влияние на всю остальную Францию. Возникший в Бордо анонимый комитет[105] созывает на 10 мая делегатов республиканских муниципалитетов для выработки мирной программы, которая якобы будет предложена от имени городов правительству и Парижской коммуне. Это предположенное собрание, кажется, является не чем иным, как точным осуществлением программы, появившейся накануне выборов в повстанческих столичных газетах. Ясно, что в данном случае, под прикрытием миролюбивых лозунгов, стремятся лишь к созыву собрания, избранного путем голосования в городах с радикальным направлением и враждебного Национальному собранию.

Правительство, кажется, решило воспротивиться образованию второго собрания в Бордо. Если не ошибаюсь, им получены сведения о том, что главным инициатором этой новой попытки продления гражданской войны является Гамбетта, находящийся в настоящее время в Испании. Ввиду этого здесь как будто отдан приказ об аресте его, в случае его появления на французской территории.

В заключение считаю долгом представить при сем вырезку из газеты «La Patrie»*, которая, за исключением газеты «Le Siècle», является единственной из прежних парижских газет, не закрытой до настоящего времени Коммуной[106]. Выдержка эта содержит подробное и точное описание баррикад, сооруженных в столице.

Примите и пр. Окунев.

Приложение 1.

Воззвание правительства к парижанам.

По распоряжению правительства сегодня в Париже распространялось следующее воззвание.

Правительство французской республики — парижанам.

Франция, путем свободной всеобщей подачи голосов, избрала правительство, которое одно лишь является законным, одно лишь имеет право требовать повиновения, если только всеобщее голосование не является пустым звуком. Правительство это дало вам те же самые права, какими пользуются Лион, Марсель, Тулуза, Бордо, и, поскольку вы не хотите изменить принципу равенства, вы не можете требовать себе больших прав, чем те, которые присвоены всем другим городам Франции.

Перед лицом этого правительства Коммуна, т. е. угнетательское меньшинство, дерзающее покрывать себя гнусным красным знаменем, заявляет притязание навязать Франции свой насильственный режим. По делам ее вы можете судить о том, какой режим она нам сулит. Она посягает на собственность, захватывает граждан и держит в качестве заложников, превращает в пустыни ваши улицы и

* Как видно из первых строк приложения (см. приложение 2, стр. 143), оно представляет собою вырезку из какой-то другой газеты.

площади, на которых ранее процветала мировая торговля, она останавливает работы в Париже, парализует их во всей Франции, она подрывает ваше благосостояние, которое готово было возродиться. Она задерживает освобождение нашей территории от немцев и подвергает вас опасности новой атаки с их стороны, причем они сами заявляют, что атака эта будет беспощадна, если только мы сами не сумеем подавить восстание.

Мы выслушали все делегации, которые были к нам направлены, и ни одна из них не предложила нам каких-либо условий, которые не сводились бы к унижению национального достоинства перед мятежниками, не требовали бы принесения в жертву всех наших свобод и интересов.

Мы повторяли всем этим делегациям, что мы сохраним жизнь всем тем, кто сложит оружие, что мы попрежнему будем субсидировать нуждающихся рабочих. Мы это обещали, мы обещаем это и теперь; но необходимо, чтобы с восстанием было покончено, так как оно не может длиться долее, не обрекая на гибель Францию. Правительство хотело бы, чтобы вы сами своими силами освободились от этих нескольких тиранов, глумящихся над вашей свободой, над вашей жизнью. Так как вы не в состоянии этого сделать, оно должно взять это на себя и для этого-то оно собрало у ваших стен армию, которая ценою своей крови идет не покорять, но освобождать вас.

До настоящего времени правительство ограничивалось атакой внешних укреплений. Теперь же настал момент, когда, стремясь сократить ваши мучения, оно вынуждено штурмовать окружную городскую стену. Оно не намеревается бомбардировать Париж, как о том не преминут распускать слухи члены Коммуны. Бомбардировка угрожала бы всему городу, она сделала бы его необитаемым, и целью ее могло бы быть лишь водворение паники среди жителей и принуждение их к сдаче. Правительство прибегает к пушкам лишь для того, чтобы разрушить одни из городских ворот и чтобы опустошения, неизбежно связанные с войной, происходящей не по его воле, не распространялись за пределы атакуемого пункта. Правительство знает — оно было бы в этом уверено и в том случае, если бы вы ему об этом не заявляли, — что стоит лишь солдатам вступить в город, как вы соберетесь под национальное знамя, чтобы помочь нашей доблестной армии в свержении кровавой и жестокой тирании.

От вас самих зависит предотвратить неизбежно связанные со штурмом бедствия. Вас во сто раз больше, чем фанатиков Коммуны. Объединитесь, откройте нам ворота, которые они закрыли, чтобы не допустить водворения порядка, закона, благосостояния вашего и всей Франции. Как только откроются ворота, пушки смолкнут, — спокойствие, порядок, изобилие, мир снова водворятся в ваших стенах, немцы освободят вашу территорию, и следы пережитых вами бедствий быстро исчезнут.

Но если вы останетесь бездейственны, правительство будет вынуждено принять для вашего освобождения самые срочные, самые верные меры. Оно должно поступить так ради вас самих, но также — и особенно — ради всей Франции, ибо бедствия, тяготеющие над вами, тяготеют и над ней; ибо разоряющая вас приостановка работ сказывается и на ней, разоряет и ее; потому, наконец, что она имеет право быть спасенной, поскольку вы не умеете спасти себя сами.

Парижане, подумайте об этом здраво; через немного дней мы будем в Париже. Франция жаждет покончить с гражданской войной. Она хочет, она должна, она может это сделать. Она идет освободить вас, вы можете ей помочь спасти вас, сделав ненужной атаку и с нынешнего же дня снова заняв свое место в рядах ваших сограждан и братьев.

Приложение 2.

Баррикады в Париже.

Мы заимствуем из «La Patrie» следующее описание баррикад, воздвигнутых внутри Парижа.

Сегодня мы посетили знаменитые баррикады, охрану коих ратуша возложила на гражданина Гайяра. Работа по их сооружению была не трудна, но длительна. Действительно, еще никогда не было собрано в Париже и в его окрестностях такого количества булыжника.

Эти внутренние оборонительные сооружения Коммуна считает вторым и третьим

валами. Нет ничего менее похожего на настоящие валы. Общая система этих сооружений гораздо больше приноровлена к расположению парижских центров, чем к более или менее укрепленным пунктам окружного вала.

Итак, начнем с центра.

Площадь Согласия забаррикадирована или вернее загромождена с четырех сторон (в четырех местах). Более значительное сооружение находится в начале улицы Риволи и улицы Сент-Флорентен. Справа оно опирается на здание морского министерства; слева, снижаясь к востоку, оно примыкает к Тюильрийской ограде. Перед ним широкий и глубокий ров; он обнажает водо- и газопроводные трубы и самый сток их, сводчатая стена коего совершенно открыта.

Со стороны самих защитников является по меньшей мере неосторожным обнажать таким образом трубы. Достаточно одного снаряда, чтобы взорвать газопроводную трубу и вызвать общий взрыв, более ужасный по своим последствиям для тех, чьи пушки находятся в амбразурах и чьи ружья смотрят в бойницы зубчатых стен, чем для осаждающих. В этой баррикаде сделано пять амбразур; она маскирует скрытую дорогу, позади которой находятся новые укрепления, сооруженные при помощи наполненных землею бочек. Сама баррикада сложена из мешков с землей, взгроможденных один на другой.

Не менее значительное сооружение находится на южном конце Королевской улицы. Оно опирается на здание морского министерства и на мебельный склад. Если бы на этом сооружении были установлены пушки, то они угрожали бы обелиску и зданию Законодательного корпуса, а соседние с ними — началу улицы Елисейских полей и памятникам Нанта и Страсбурга.

У ограды Тюильрийского сада новое сооружение, но примитивной конструкции. Просто сама ограда засыпана землей. Снаряды, выпускаемые с этой баррикады, пролетали бы вдоль улицы Елисейских полей, само собою разумеется, сначала поразив обелиск.

Последняя баррикада из находящихся на площади Согласия сооружена на набережной. Нам говорили, что для того, чтобы совершенно очистить площадь, на шпринге, близ моста, поставлены бойницы. Сомнительно, однако, чтобы какое-нибудь войско рискнуло без прикрытия появиться на столь широких улицах.

Двумя другими защищенными при помощи баррикад пунктами являются Вандомская площадь и площадь Ратуши.

Баррикады Вандомской площади подверглись перемещению. Часть стены, сделанной из булыжного камня, осталась с обеих сторон улицы Мира нетронутой; главная часть оборонительного сооружения отодвинута назад.

Так же поступили и с сооружениями на улице Кастильон. И эти баррикады, как и баррикады на площади Согласия, не кажутся нам выстроенными в целях действительно стратегических. Булыжник, из которого они сделаны, при каждом залпе разлетался бы на тысячи кусков, губя при этом скрывающихся за ним людей.

Нам кажется, что баррикады на площади Ратуши преследуют лишь единственную цель — затруднять передвижение.

Этим концентрическим сооружениям соответствуют сооружения периферийные; мы ограничимся лишь их перечислением. Триумфальная арка защищена баррикадой, которую можно было бы разрушить пятнадцатью ударами хорошего кнута, на площади Перейр, близ Курсельских ворот, три баррикады: одна на бульваре Нейи — очень прочная, другая на углу улицы Курсель, третья на северном конце улицы Мак-Магон.

Довольно значительные сооружения воздвигнуты на больших трактах, позади вала, у ворот Апсаер, а также перед воротами Клиши.

На Монмартре — баррикады другого типа: вместо того, чтобы быть обращенными во вне, они обращены к внутренней стороне площади.

Таким же образом они расположены и в Бельвиле.

На юге, внутри черты города, имеются столь же значительные сооружения. Они состоят главным образом из огромных кавальеров, поставленных на бастионы, чтобы доминировать над фортами в случае, если бы последние были заняты осаждающими. На этой стороне имеются еще несколько баррикад и в частности баррикада около Монружа, на площади Италии; из всех имеющихся в Париже — это несомненно лучшая [107].

Окунев Горчакову.

Донесение № 73. Версаль, 26 апреля/8 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

В своем донесении от 19 апреля/1 мая за № 69* я имел честь передать вашей светлости любезно сделанные мне г. Тьером доверительные сообщения относительно затруднений, возникших между полномочными французскими и немецкими представителями, коим была поручена окончательная редакция мирного договора.

Ввиду того, что я не имел возможности повидать г. министра иностранных дел перед его отъездом во Франкфурт, а также поговорить на этих днях с г. Тьером, я не могу сегодня представить вашей светлости подробных сведений относительно переговоров г. Жюля Фавра с князем Бисмарком.

Но из одного разговора лорда Лайонса с французским министром иностранных дел, как раз в день отъезда последнего, явствует, что целью его поездки является заключение соглашения непосредственно с германским канцлером как по вопросу об уплате за причиненные войной убытки, так и по тем пунктам, о которых я сообщил в упоминаемом мною донесении, и из-за необходимости урегулировать которые и задержано до настоящего времени подписание мирного договора.

Примите и пр. Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 75**. Версаль, 26 апреля/8 мая 1871 г.
Приложение.

Г-н канцлер,

Считаю долгом представить императорскому министерству прилагаемый при сем список наиболее видных польских эмигрантов, которые как будто состоят в настоящее время на службе у Коммуны [108]. В этом списке, только что мне переданном и за абсолютную точность коего я не мог бы все же поручиться, относительно каждого упоминаемого лица сообщаются некоторые данные об его прежней деятельности.

Насчитывают от пяти до шести сот эмигрантов, которые в настоящее время борются в рядах парижских инсургентов.

Я уже имел случай указать в одном из предыдущих донесений, насколько сильно участие поляков в коммунистическом движении (au mouvement communiste) подорвало те симпатии, которыми они еще пользовались во Франции ***.

Я полагал, что достоинство императорского кабинета обязывало меня воздержаться от обсуждения линии поведения поляков в моих беседах как с главой исполнительной власти, так и с министром иностранных дел. Но я с чувством удовлетворения замечаю прогрессирующий с каждым днем поворот общественного мнения по отношению к ним, и я надеюсь, что поворот этот установится серьезно и прочно сам собою, без того чтобы общественное мнение приходилось толкать на этот путь.

Примите и пр. Окунев.

---

* См. стр. 123.

** Помета Александра II: «*Гр. Шувалову*».

*** Помета Александра II: «*Тем лучше*».

Список польских эмигрантов, состоящих на службе у Коммуны *.

Ярослав Домбровский — генерал Коммуны, достаточно известный, был представлен Разоном, парижским депутатом Национального собрания, Делеклюзу, при выходе его из Мазаса[109] в июле 1870 г.

Теофил Домбровский[110] — полковник Коммуны, брат первого; о нем имеется дело в верховном суде (Франции). Принадлежал к «Интернационалу» с самого его основания.

Костржевский — поручик 155-го батальона национальной гвардии; член польского демократического общества; агент-вербовщик Коммуны.

Бронислав Воловский — член «Интернационала»; это лицо было выслано из Франции в 1869 г. за свои проделки в Лионе. Он организовал в 1866 г. польскую лигу на юге Франции и собрал значительные суммы в виде пожертвований в пользу поляков, причем денег этих он так и не роздал.

Владислав Воловский — брат предыдущего; подпоручик национальной гвардии.

Грушинский — член польского демократического общества и секретарь Мирославского; был послан последним к Раулю Риго [11], бывшему начальнику полиции при Коммуне, который и пользуется им для специальных поручений.

Лада — сержант-фурьер ** 227-го батальона, ораторствует в клубах Коммуны с момента возникновения ее.

Валерий Врублевский[112] — генерал Коммуны, бывший начальник литовского отряда и сотрудник «Борьбы» и «Мстителя» — социалистических газет. Он связан с Бланки и был членом представительного комитета польских эмигрантов с 1863 г.

Жозеф Квятковский — бывший член комитета вооружения в Польше в 1863 г., теперь поручик одного из батальонов федератов. Это человек крайне опасный; он занял палату 4 сентября 1870 г. и ратушу 31 октября. Связан с прессой.

Попович — капитан; бывший типограф в «Пробуждении», социалистической газете.

Карл Матушевич — полковник Коммуны, бывший член центрального польского комитета; его посылали в С.-Петербург, чтобы подбивать солдат к дезертирству; выставлял кандидатуру на выборах 1871 г. во Франции. Несмотря на поддержку радикального парижского комитета, избран не был. Военный корреспондент «Пробуждения» и «Борьбы».

Владислав Дюпен — политический агент Коммуны, послан в Бухарест.

Александр Франковский — бывший член польского комитета, присвоивший себе его деньги в 1870 г. Был капитаном разведочного корпуса (de Poulizac) во время осады Парижа. В настоящее время адъютант Яр. Домбровского.

Луи Бржозовский — гарибальдийский офицер, работал в комитете по сооружению баррикад в Париже.

Рутковский — капитан артиллерийского полка федератов; бывший артиллерийский унтер-офицер русской армии.

Пашковский де-Задора — капитан; бывший оратор радикальных парижских клубов.

---

* В черновике донесения сохранился подлинник этого списка. Он доставлен очевидно из учреждения, так как имеет исходящий номер (638). Номер, так же как и подпись (Z) и помета «Версаль, 4 мая 1871 г.», зачеркнуты видимо Окуневым, рукою которого внесен ряд поправок в список. Отметим наиболее важное из опущенного в беловике: 1. В списке после Розенталя значится Лановский. Против этой фамилии никаких примечаний, и она зачеркнута. 2. О Домбровских следующие данные зачеркнуты: «Теофил живет с женой брата Ярослава, некой г-жой Пелагеей Домбровской. У двух братьев Домбровских было какое-то имение, которое они давно промотали. Они всегда много тратят и вообще говорят, что своим широким образом жизни они обязаны выпуску фальшивых бумаг русского банка, которые они фабрикуют». 3. О бароне Гротусе вычеркнуто: «Неопасен, служит ради вознаграждения». 4. Имя Каминского дано полностью — Винцент.

** Писарь при фельдфебеле.

Г. В. Островский — чиновник министерства юстиции в Париже в 1848 г., в настоящее время в коммунальном собрании того же департамента.

Бычинский — бывший начальник г. Вильны и командир жандармского корпуса: в настоящее время капитан разведочных отрядов, в частности корпуса Пенди; передался в распоряжение Коммуны.

Ландовский — командир батальона федератов, до того посыльный в книжной лавке.

Бирнаки — полковник, организует корпус стрелков-федератов, был в 1870 г. приговорен уголовным судом департамента Сены к 12 годам принудительных работ за изготовление фальшивых денег 20-франкового достоинства.

Околович — генерал Коммуны; бывший пятновыводчик в Варшаве; носит фальшивые русские ордена, к которым он сфабриковал грамоты.

Твиский — капитан.

Синек — адъютант Ярослава Домбровского.

Нинковский — политический агент Коммуны.

Розенталь — играет ту же роль и подписывается Розентальский.

Розицкий — офицер главного штаба Коммуны; был начальником волынского отряда в 1863 г.

Раевский — гарибальдийский офицер.

Л. Бюлевский — политический агент Коммуны.

Ванделин Красовский — капрал батальона Монжероп.

Олизанский — капитан, участвовал в отряде Штенклера.

Ольшевский — начальник разведывательного отряда во время осады Парижа; называет себя графом.

Гаршинский — был замешан в выпуске фальшивых бумаг русского банка; в настоящее время курьер Коммуны.

Гейденрейх — военный чиновник, большой друг Феликса Пиа, начальник отряда в 1863 г.

Дигат — поручик.

Амборский — поручик; служил у одного книгопродавца на набережной Малакэ.

Гаштовт — офицер; сотрудничал в нескольких радикальных газетах, в частности в «Крике народа». Член республиканской лиги.

Рупрехт — простой национальный гвардеец, бывший член польского комитета 863 г.; бывший полномочный комиссар; организовал в 1871 г. клуб Казино в Париже.

Эдуард Сивинский — национальный гвардеец.

Токаржевич — национальный гвардеец.

Бабинский — сержант; член «Интернационала».

Кизильницкий — национальный гвардеец.

Барон Гротус — фурьер.

Жозеф Вилькошевский — национальный гвардеец; освобожден из Мазаса, где находился за выпуск фальшивых векселей.

Этьен Вилькошевский — брат предыдущего.

В. Каминский — капитан при главном штабе Домбровского.

Навроцкий — поручик.

Владислав Мицкевич — поручик, сын поэта.

Рамлов — военный врач.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [27 апреля] 9 мая 1871 г.
4 час. 40 мин. пополудни.

Без шифра: Вторник. Получена депеша Сабурова.

Шифром: Конфиденциальное письмо от 21 прочитано Тиле. Он мне ответил: «Подписание окончательного мира возможно еще на этой неделе. Скоро наше поведение докажет, являемся ли мы пособниками Коммуны». Подробности вечером.

Убри.

Орлов Горчакову.

Письмо. Брюссель, 27 апреля/9 мая 1871 г.

Князь,

Дело с Парижем прогрессирует, только очень медленно. Один личный друг г. Тьера, который покинул Версаль три дня тому назад, утверждает, что Париж будет взят только через месяц. Ну, каждый день, потерянный Мак-Магоном, — это победа Коммуны. Ее приверженцы уже поднимают голову в провинции, и идея собрания в Бордо или в Лионе делегатов всех коммун Франции обязана своим существованием только медленности военных операций, предпринимаемых против Парижа.

С основанием или без оного, утверждают, что версальские солдаты ненадежны и что они против желания повинуются своим начальникам. Значит, первое же поражение, понесенное версальцами, может все поставить под вопрос.

Нужно согласиться, что Тьер — это не тот человек, которого требует положение. Едва получив власть, он отправился произносить речи в Бордо, оставив Париж на целый месяц без полиции и без муниципальной администрации. Демагоги воспользовались этим и сбежались в Париж со всех концов Европы.

Имелось одно средство парализовать их усилия, — это объединить вокруг нового правительства мелкую буржуазию Парижа. Г-н Тьер сделал ее враждебной себе, отказавшись продлить долговые обязательства и не разрешив выборов парижских мэров.

Во время дела Монмартра г. Тьер сам назначил 88-й линейный полк для проведения боевой операции. Этот полк был одним из лучших в армии Луары, но г. Тьер не знал, что три четверти его людей остались в госпиталях и что полк был пополнен после своего прибытия в Париж молодыми солдатами, которые шатались целый месяц без оружия по улицам столицы и примкнули к клубам. Вот почему они обратились в бег тво и покинули своего злополучного генерала.

Ныне г. Тьер сам руководит осадой Парижа и не допускает никаких противоречий; ту же систему он применяет и в политике. Его вчерашняя прокламация обострит положение. Угрожать Парижу атакой пруссаков — это значит бросить в объятия Коммуны массу людей, ей враждебных. Вообще г. Тьер слишком много говорит и слишком мало делает. В бонапартистском лагере усиленно шевелятся.

. . . . . .

. . . . . .

Орлов.

Примите и пр.

Блудов—Горчакову.

Донесение № 14. Брюссель, 28 апреля/10 мая 1871 г.

Князь,

Эмигрировавшие в Брюссель французы, которых я имел случай здесь видеть, не слишком довольны положением своей страны.

Муниципальные выборы оказались в большинстве радикальной окраски. Даже в деревнях избиратели дезориентированы. Неожиданная длительность коммунального режима в Париже внушила им мысль, что это серьезная

власть, и те, кто голосует всегда за власть, не знают больше, кому отдать свои голоса. Поэтому количество воздержавшихся велико повсюду. В некоторых округах даже сами красные предпочли на время воздержаться вплоть до момента развязки в Париже.

Меня уверяют также, что в Версале разлаженность полная. Г-н Тьер пренебрегает политической стороной своей миссии, чтобы заняться исключительно военными операциями. Окруженный инженерными офицерами, он сам вырабатывает план атаки.

Начальники каждого отдела докладывают непосредственно главе исполнительной власти, и маршал Мак-Магон принужден являться за сведениями о действиях и поведении своих подчиненных в кабинет Тьера. Мне рассказывали, что недавно г. Тьер хотел навязать герцогу Мажента настолько абсурдные операции, что тот отказался их выполнять как меры неосуществимые.

Таким образом, несмотря на поступающие из Версаля прокламации и заверения, обескураженность достигла предела, и антипатия к г. Тьеру стала всеобщей.

Примите и пр. Блудов.

Сэр А. Бьюкенен лорду Гренвилю в Лондон.*

С.-Петербург, [29 апреля] 11 мая 1871 г.

Шифром: Я узнал, что русское правительство по просьбе Версаля поддержало в Берлине желание французского правительства добиться немедленного возвращения военнопленных, а также предоставления возможности атаки Парижа со стороны Сен-Дени.

Окунев Горчакову.

Донесение № 78. Версаль, 3/15 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Императорское министерство вероятно уже осведомлено через нашего берлинского посланника о подписании мирного договора между Францией и Германией. По возвращении из Франкфурта, г. Жюль Фавр не скрывал, что князя Бисмарка он нашел не в очень миролюбивом настроении, что было вызвано длительностью существующего в Париже положения. Господин имперский канцлер дал ему понять, что невмешательство Германии во внутренние дела Франции может быть достигнуто лишь немедленным подписанием мирного договора, условия коего были еще более усложнены, ввиду полной неопределенности, в грядущих судьбах страны. Чтобы гарантировать выполнение французским правительством принятых им на себя обязательств, берлинский кабинет счел необходимым продолжить оккупацию немецкими войсками парижских фортов, так что оккупация эта по условиям мирного договора, но вопреки прелиминариям, окончится лишь после уплаты трех первых полумиллиардов. Г-н Бисмарк заявил французским полномочным представителям, что разные льготы, обещанные г. Тьеру и г. Жюлю Фавру при заключении версальских прелиминарных условий в вопросе об эвакуации фортов и возмещения

* Примечание шифровального отделения: «Перевод».

военных убытков, вытекали единственно из доверия, внушенного Германии правительством Национального собрания. Доверие это не оправдалось. Правительство не проявило во внутренних делах страны той силы, которую были в праве ожидать от него. Ввиду этого Германия сочла себя обязанной заручиться определенными гарантиями, единственно путем коих она может охранить свои финансовые интересы.

Чтение в Национальном собрании этого тягостного договора г. министром иностранных дел было заслушано палатой в глубоком молчании. Один только параграф вызвал всеобщий ропот — параграф 12-й — относительно пребывания немецких подданных во Франции. Мне, естественно, казалось необходимым отметить эту подробность, так как в ней сказывается вся глубина национальной обиды, вызванной в стране последствиями этой войны.

Примите и пр. Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [4] 16 мая 1871 г.

Шифром: Общим мнением здесь является, что несмотря на тяжесть условий, которые мы должны были принять и смягчению которых помешало парижское восстание, заключение мира, совпадая с ожидаемым концом мятежа, представляет большое благодеяние для Франции. Здесь на этот счет имеется только одно чувство, и я вчера подробно писал вам об этом в депеше, которая будет вам передана вероятно в субботу или в воскресенье. Я не видел в течение последних дней князя Горчакова, ожидая для свидания получения какой-нибудь информации от вашего превосходительства.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [4] 16 мая 1871 г.
4 час. 20 мин. пополудни.

Шифром: Вторник. Рейс передаст вам текст франкфуртского договора. Под Парижем германские войска блокируют север и восток, разрешая французам переходить через свой фронт. Фабрице извещает, что ближайшие бои будут весьма кровопролитны, поскольку версальцы решили не брать пленных. Бернсторф сообщает, что Бронли одобряет это решение.

. . . . . .

. . . . . .

Убри.

Блудов Горчакову.

Донесение № 15. Брюссель, 4/16 мая 1871 г.

Князь,

Начальник охраны передал мне о впечатлениях одного из своих агентов, вернувшегося из Парижа.

Он думает, что взять город одной только силой будет почти невозможно. Внутренние баррикады возведены под наблюдением инженеров, в совершенстве знающих свое дело. Чтобы овладеть ими военной силой, потребуется затратить много времени и потерять много солдат

Достигнуть конца быстро можно будет только в случае поражения из-за измены или из-за упадка мужества. В Версале все-таки надеются, что как только внешние заграждения будут взяты, поражение повстанцев поднимет дух сторонников порядка и они сломят силу сопротивления «коммунаров».

Что касается вопроса о будущем Франции, я получил с другой стороны неожиданную оценку.

Меня уверяют из очень хорошего источника, что в армии военнопленных, которую сейчас освободят, имеется 180 тыс. решительных бонапартистов. Среди офицеров эта окраска будто бы еще более ярко выражена.

Более того, прибавляют, что тайные вожаки парижского движения все принадлежат к итальянским карбонариям. Эта секта более всего ненавидит ту партию, которая привела к власти Тьера. Они предпочитают Наполеона всякому другому монархическому правительству. Они утверждают, что всегда господствовали над этим государем посредством террора. Так, покушение Орсини привело к освобождению Италии, и они убеждены, что империя никогда не осмелится вмешаться в дела Рима, чтобы поставить под вопрос недавнюю победу объединения полуострова.

Не знаю, до какой степени можно полагаться на аутентичность этой новости. Союз шаспо Ментаны с кинжалами Маццини[113] был бы интересен, но он не невозможен. Поэтому я позволяю себе доложить об этих слухах в качестве информации, которую ваше сиятельство легко может проверить депешами других уполномоченных императора.

Примите и пр. Блудов.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку в С.-Петербург.

Версаль, [5] 17 мая 1871 г.

Шифром: Прошу вас передать императору благодарность за тот интерес, который он засвидетельствовал нам. Я думаю, что это осталось не без влияния на решения князя Бисмарка. Думаю, что Собрание полностью вотирует ратификацию, которая будет проведена во Франкфурте 20-го. Над юсь, что это событие совпадет с подавлением дикого восстания в Париже. Имущество и предметы искусства, принадлежавшие г. Тьеру, разграблены, дом его разрушен. Вандомская колонна пала под ударами этих тупых варваров[114]. Если армия своей преданностью не (одно слово пропущено), нужно будет краснеть от стыда. Армия находится на расстоянии 100 метров от укреплений: отсюда в течение нескольких дней она должна преодолеть валы и двинуться на (два слова не расшифрованы), национальная честь и справедливый (пропуск). Вознаграждением ей будет сознание, что она победила (два слова не расшифрованы).

Икскуль Горчакову.

Письмо. Флоренция, 6/18 мая 1871 г.

Конфиденциально.

Князь,

Сведения, собранные мною до сих пор по поводу разветвления Интернационала в Италии, совершенно недостаточны.

Позавчера я беседовал об этом с г. председателем совета министров.

Он повторил свое обещание резюмировать в виде записки все данные, которые находятся в распоряжении министерства. В то же время он предупредил меня, что правительство осведомлено плохо и что итальянская полиция располагает слишком ограниченными средствами информации, чтобы соперничать в хитрости и в ловкости с эммиссарами и с агентами этого общества.

В течение беседы г. Ланца признался, что министерство весьма мало заботится о пропаганде, исходящей от Интернационала. По его словам, подобного рода доктрины имеют мало шансов на распространение в Италии из-за отсутствия больших индустриальных центров. Он соглашается однако, что социалистические принципы проникли в некоторые части Пьемонта и что в Миланской области образовались рабочие организации.

Сверх того он думает, что внимание влиятельных членов Интернационала целиком поглощено событиями в Париже и что проповедуемые ими доктрины потерпят очень большое поражение, если восстание будет сломлено.

Как только г. Ланца передаст мне сведения, о которых я его просил, я почту своим непременным долгом представить их вашему сиятельству.

Примите и пр.

Икскуль.

д'Убри Горчакову.

Донесение № 108. Берлин, 6/18 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Я имел честь сообщить вашему сиятельству, что князь Рейс уполномочен ознакомить вас с франкфуртским мирным договором.

Г-н Тиле предложил мне один экземпляр этого договора. Поскольку князь Бисмарк обязался перед французскими уполномоченными не сообщать текста этого договора разным кабинетам, пока г. Жюль Фавр не проведет его в версальском Собрании, г. Тиле вынужден был отказаться от своего обещания.

Я ответил государственному секретарю, что я тем менее настаиваю на этом сообщении, что князь Рейс поставит ваше сиятельство в известность о соглашении, заключенном во Франкфурте.

Впрочем, газеты со вчерашнего дня публикуют этот договор, преданный гласности французским правительством.

Моя телеграмма от 4/16 числа* передала вам, князь, последние новости, полученные здесь из Версаля и от генерала Фабрице.

Ожесточение версальской армии повидимому достигло апогея. Солдаты не желают больше брать пленных. Генерал Фабрице предвидит ужасную борьбу, не сомневаясь однако больше в победе правительственных войск.

Г-н Тиле порицает эти кровожадные настроения, которые повидимому разделяются французским правительством. Герцог Брольи (Broglie) в Лондоне одобрял их, прибавляя, что такой способ действий будет «более прост». Граф Бернсторф телеграфировал сюда об этом мнении посла Французской республики.

Со своей стороны, немецкие войска под Парижем хотят как будто

* См. стр. 150.

облегчить операции версальцев. Г-н Тиле сказал мне, что они герметически блокируют север и восток столицы, позволяя при этом войскам республиканского правительства проходить через свои линии.

Но г. Тиле передал мне эти подробности с такими колебаниями, что я предполагаю, что они покоятся на совершенно конфиденциальных данных.

Примите и пр. П. д'Убри.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [6] 18 мая 1871 г. 7 час. 50 мин. вечера.

Четверг. Мирный договор, включая пункт о Бельфоре, ратифицирован Собранием.

Окунев.

д'Убри Горчакову.

Телеграмма. Берлин, [7] 19 мая 1871 г. 5 час. 20 мин. *.

Без шифра: Князь Бисмарк отбыл сегодня во Франкфурт, чтобы председательствовать при обмене ратификациями.

Шифром: Но особенно для того, чтобы постараться точно выяснить нынешнее положение Тьера и его правительства. Последние новости из Версаля менее хороши. Говорят, что понадобится еще недели три для занятия Парижа. Вследствие этого возвращение войск в Берлин задержится, сказал мне Тиле. Тьер выражал здесь свою горячую признательность за возвращение военнопленных.

Убри.

Орлов Горчакову.

Письмо. Брюссель, 7/19 мая 1871 г.

Князь,

Мои письма должны вам показаться подчас противоречивыми. В этом приходится обвинять только обстоятельства. Каждый день приносит свой клубок новостей, и различить в этой путанице рассказов и выдумок истинное от ложного так же трудно, как вычерпать море.

Коммуна как будто бы решительно находится в агонии. Ее армия по большей части составлена из ирландских фениев, из итальянцев и поляков [115]. Однако от нее можно ожидать отчаянных поступков. Большая часть Парижа минирована, и это может доставить коммунарам превосходство над атакующими. В этом случае версальцы могут оказаться охваченными паникой, а следствием этого неминуемо станут мятежи в больших городах.

Однако этот случай не слишком вероятен. Я думаю, что Мак-Магон овладеет Парижем, и тогда реставрация Генриха V мне представляется верной. Легитимисты и орлеанисты образуют единую партию и без труда приведут к падению Тьера и восстановлению Бурбонов.

Но деревенские жители останутся верными империи. Я был поражен,

* На телеграфном бланке испорчено место с указанием суточного времени.

найдя в окрестностях Седана величайшую преданность бонапартистскому делу. Там говорят, что императора предали, и этого народу достаточно.

Наше положение в этот момент великолепно. Союза с Россией будут искать все правительства, которые могут утвердиться во Франции.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Орлов.

Бруннов Горчакову.

Донесение № 67. Лондон, 9/21 мая 1871 г.

Секретно

Г-н канцлер,

. . . . . .

. . . . . .

Здесь отчет, который я имел честь представить императорскому кабинету, подходит к концу. Но эта работа представлялась бы мне неполной, если бы она не заключала в себе откровенного и положительного изложения суждений, которые составились у меня о нынешнем положении дел, непосредственно касающихся интересов России. Постараюсь выполнить этот долг.

По мере того как война развязалась, я уже не колебался выразить вашему сиятельству мое убеждение, что окончательное дело общего умиротворения потребует единодушного согласия всех великих держав.

Раньше чем прийти к этому результату, я понял значение той государственной необходимости, которая руководила решениями Пруссии. С самого начала она на собственный страх и риск приняла войну, которую не она вызвала. Она стремилась окончить ее с честью для себя самой без какого бы то ни было иностранного вмешательства.

С этой целью она стремилась к двум результатам. Первый состоял в том, чтобы добиться справедливой компенсации за военные издержки. Второй имел целью так организовать территорию, чтобы отныне обезопасить границы Германии от новых нападений Франции.

Этот двойной результат только что достигнут посредством заключенного во Франкфурте мира. В моих глазах он означает эпоху, когда права войны, которые провозгласила Пруссия от имени Германии, получили полное удовлетворение.

Отсюда снова начинаются заботы кабинетов о вступлении в свои права, чтобы добиться восстановления такого порядка вещей, который интересует Европу в целом. Это дело не является делом какой-нибудь одной державы.

Никто не может вычеркнуть Францию с европейской карты. Никто не имеет также права осуждать Францию на несчастия вечной анархии. Если бы эта анархия должна была протянуться бесконечно, она нанесла бы тяжелый ущерб спокойствию и благосостоянию всех других государств*.

Эта истина прекрасно сознавалась всякий раз, как дело заходило о том, чтобы объединить советы великих держав для организации общего умиротворения на солидном и справедливом основании.

Современная история дает тому пример. Мы находим доказательства этому в актах Аахенского конгресса 1818 г. [116] **.

---

* Помета Александра II: «*Это верно*».

** Помета Александра II: «*Но дух века сильно изменился с тех пор*».

В эту эпоху Франция, освобожденная от гнета иностранной оккупации, снова вступила в те права, которые ей принадлежат в европейской системе.

Руководители кабинетов Австрии, Великобритании, Пруссии и России совместно участвовали в осуществлении этого великого акта мудрости и политической предусмотрительности. Герцог Веллингтон и маркиз Кестлори с достоинством представляли тогда намерения и интересы Англии. Герцог Ришелье благородно и мужественно поддерживал дело Франции.

Да позволено мне будет сейчас воззвать к примеру этих великих государственных людей. Сейчас, как и тогда, было бы важно, чтобы тщательно проанализированное на конгрессе соглашение стало для Европы новым залогом безопасности и покоя.

Для того чтобы задуманное в таком духе умиротворение соответствовало национальным чувствам России, следует, чтобы оно добилось поддержки нашего августейшего государя. Это станет славой его царствования, если он свяжет свое имя с делом мира, предназначенного к укреплению социального порядка в Европе.

Таков общий интерес, и это по моим убеждениям заслуживает уже сейчас серьезного внимания всех кабинетов *.

Примите и пр.

Бруннов.

Бруннов Горчакову.

Донесение № 68. Лондон, 9/21 мая 1871 г.

Секретно.

Г-н канцлер,

Ко времени прибытия императора Наполеона в Англию[117] я счел своим долгом представить вашему сиятельству те соображения о приличиях, которые мне рекомендовали бы засвидетельствовать почтение суверену, при котором я имел честь быть аккредитованным в прошлом году, в то время как ныне он находится в несчастьи.

. . . . . .

. . . . . .

Произнеся имя г. Бисмарка, император на мгновение остановился. После минутного размышления он без всякого сомнения рассудил, что не следует говорить ни много, ни слишком мало. Он выбрал приличествующий термин и сказал мне: «Это весьма замечательный человек».

По естественной связи идей император стал говорить об окончательном мире, заключенном во Франкфурте. «Я с живым интересом прочел речь г. Бисмарка о мирных условиях. Я поражен тем ее разделом, в котором этот государственный человек указывает на свое намерение при нужде вступить быть может в соглашение с Коммуной в предвидении того случая, что французская армия будет отправлена за Луару. Обычно в порядке вещей говорить о том, что делаешь, но все-таки не говорят о том, что намерены сделать в том или другом заранее предусматриваемом случае».

Очевидно речь г. Бисмарка произвела очень большое впечатление на сознание императора Наполеона. Он взвешивал каждое слово. Если я не ошибаюсь, заключение, которое император вывел из чтения этой

* Помета Александра II: «*Да, но этого еще нет*».

речи, может быть передано так: Бисмарк повидимому очень мало рассчитывает на устойчивость власти Тьера как главы правительства.

Мне кажется, что эта мысль господствует сейчас над политическими расчетами Кобден-хауза.

Я почувствовал себя укрепленным в этом предположении после следующей фразы, которую я процитирую дословно. Говоря о Тьере и о Фавре, император сказал мне: «Есть странная ирония судьбы в том, что на этих двух людях лежит сейчас тяжесть несчастий, обрушившихся на Францию. Постоянные противники моего правления, они употребили все свои усилия для его низвержения. В нынешний час они искупают свои грехи по отношению ко мне путем тех жертв, которые они навязывают Франции. Это последствия их собственной вины. Вот отмщение судьбы!»

Обратясь здесь невольно к самому себе, император продолжал следующим образом: «Теперь все европейские державы должны будут признать, как тяжела была моя задача, когда я старался использовать в течение моего царствования все возможные средства, чтобы поддержать во Франции порядок и спокойствие».

Развивая дальше эту мысль, он указал мне на те успехи, которые продолжает делать среди рабочего класса всех стран дух неподчинения и беспорядка. Быстрота международных сообщений распространяет заразу зла все больше и больше. По его мнению, Англия не осталась предохраненной от этой опасности. Она находится в лучших условиях, чем Франция, чтобы сопротивляться заразе, но зародыш социального беспорядка остается один и тот же во всех странах.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр.

Бруннов.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [9] 21 мая 1871 г.
11 час. 35 мин. вечера.

Воскресенье. Корпус генерала Дуэ вступает сегодня в Париж через ворота Сен-Клу. Point du jour занял (текст испорчен) акведук Отейль.

[О]кунев.

Габриак Горчакову.*

Письмо. С.-Петербург, 10 [22] мая 1871 г.
Французское посольство. Понедельник, 10 час. вечера.

Князь,

Продолжая хорошие новости сегодняшнего утра, имею честь передать вашему сиятельству копию только что полученной телеграммы.

«Версаль, 22 мая, 2 час. 20 мин. утра.

Армия в Париже. Мы занимаем Трокадеро, Триумфальную арку, военную школу и главные пункты»[118].

Примите и пр.

Маркиз де Габриак.

---

* Из папки «France».

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [10] 22 мая 1871 г.

Шифром: Князь Горчаков, которого я только что видел, выразил мне свое полное удовлетворение счастливым известием о вступлении наших войск в Париж. Он выразил надежду, что все партии забудут существовавшее между ними разделение и объединятся вокруг правительства, которое сумело восстановить порядок во Франции. Я получил также поздравление от г. Вестмана, который должен руководить министерством во время отсутствия канцлера. Он говорил мне то же самое.

Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку в С.-Петербург.

Версаль, [10] 22 мая 1871 г.

Шифром: Передайте от меня глубокую благодарность канцлеру и г. Вестману. Скажите им то, что является истиной: одобрение со стороны их правительства было для меня весьма ценно, они помогли нам в наших печальных усилиях, и ценность их помощи увеличивается при сравнении, которые я мог сделать в отношении других кабинетов.

Только что я получил новость, что трехцветное знамя развевается (три слова не расшифрованы) Монмартра. Значительная баррикада, которая останавливала нас на бульваре Монпарнас, взята чудесным порывом. Я надеюсь, что благодаря храбрости наших войск завтра утром восстание будет полностью подавлено.

д'Убри Горчакову.

Письмо. Берлин, 10/22 мая 1871 г.

Князь,

. . . . . .

. . . . . .

Событием дня является вступление версальцев в Париж. Это счастливый факт для всех. Мой доклад содержит только те данные, которыми мы на этот счет располагаем. Завтра мы узнаем некоторые подробности. Во всяком случае, уже с сегодняшнего дня позволительно рассматривать окончательный мир как практически осуществленный. Это следует также из нескольких слов, сказанных мне сегодня утром императором-королем.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. П. д'Убри.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [10] 22 мая 1871 г.
5 час. 11 мин. вечера.

Понедельник. С утра армия господствует над кварталами Отейль, Пасси, Триумфальной аркой, предместьем Сент-Оноре и одной частью предместья Сен-Жермен. Слабость сопротивления позволяет надеяться на близкий конец.

Окунев.

Фавр Габриаку.

Телеграмма *. Версаль, [11] 23 мая 1871 г.

Хотя повстанцы еще отстаивают позиции, они опрокинуты во всех пунктах, и наши генералы едва сдерживают наших солдат, которые выполняют свой печальный долг с храбростью, стоящей выше всяких похвал. Генералы Дуэ, Ладмиро, Монтодон с утра атаковали высоты Монмартра, защищенные грозными батареями. В половине третьего все было захвачено, национальное знамя развевалось над мельницей Галетт, войска возвращались через Батиньоль, нагруженные трофеями, которые они захватили штурмом. Квартал Пигаль, площадь Трините, Новая опера заняты со стороны Монпарнаса. Операции ген. Сессэ были не менее существены и решительны. Гигантские баррикады бульваров пали после жестокого сражения, и наши войска смогли соединиться с другими корпусами. У площади Инвалидов и у Законодательного Собрания в наши руки попало более 4 тыс. пленных и 200 пушек. Операции продолжаются с благоразумием, чтобы щадить насколько возможно кровь наших солдат. Но не будет смелостью утверждение об их быстром и полном успехе.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [11] 23 мая 1871 г.
10 час. 20 мин. вечера.

Вторник. Утром Монмартр взят штурмом. Потери чувствительные. Борьба сосредоточилась на площади Согласия, Тюильри и Ратуши. Большинство других кварталов во власти войск.

Окунев.

Окунев Горчакову.

Телеграмма **. Версаль, [12] 24 мая 1871 г.
4 час. 27 мин. пополудни.

Среда. Армия господствует над площадями Вандомской, Согласия, над Тюильри и ратушей. Отступая, повстанцы облили керосином и подожгли Тюильри, ратушу, министерства. Эти здания превращены в пепелище. Надеются спасти Лувр и достигнуть сегодня вечером последних границ восстания [119].

Окунев.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [12] 24 мая 1871 г.

Шифром: Мне не нужно вам говорить, с каким облегчением общественное мнение встретило здесь новость о вступлении наших войск в Париж. Европейское общество чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его в течение двух месяцев. Сейчас оно думает только об одном, о необходимости энергичной репрессии, осо-

---

* Сохранилась в копии среди переписки Габриака с Горчаковым. Сверху канцелярская помета: «Французское сообщение, 12 мая 1871 г.» Датировка самой телеграммы дана копией. Телеграмма была доложена Горчаковым Александру II.

** Доложена Горчаковым Александру II.

бенно по отношению к иностранным заговорщикам, которые запятнали нашу столицу.

Князь Горчаков был тронут сообщением, которое вы уполномочили меня ему сделать. Он сказал мне, что услуги со стороны России были в конечном счете облегчены благоприятным приемом, который ваше превосходительство встретило во Франкфурте у Бисмарка и который проистекал из уважения, испытываемого имперским канцлером к вашему характеру, так же как и от его убеждения, что ныне существующее во Франции правительство искренне желает мира. Г. Тиле так же выразился в разговоре с австрийским министром, который только что проехал через Берлин и вчера повторил мне это. Я просил князя Горчакова когда он поедет через несколько дней в Вильбаден, не отказать поддержать в князе Бисмарке это убеждение и настаивал на быстрой эвакуации нашей территории, как только будет уплачено $1^1/_2$ миллиарда. Канцлер более или менее обещал мне это, и я обратился с тем же ходатайством к одному из его приближенных.

. . . . . .

. . . . . .

Икскуль Горчакову.

Донесение № 43*. Флоренция, 12/24 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Без шифра: Честь имею дополнить свое письмо от сего 27 апреля/9 мая **.

Шифром: Председатель совета министров передал мне записку о разветвлениях Интернационала. Содержащиеся в ней сведения очень незначительны. Министр утверждает, что эта ассоциация отнюдь еще не укрепилась в Италии. Правда, во Флоренции существует общество, именуемое «международной демократией» (democratica internationale), состоящее из полусотни членов, но оно не имеет ни фондов, ни влияния, и ничто не позволяет думать, чтобы оно являлось ответвлением Интернационала. Возможно, что агенты объезжают Италию, но правительству, несмотря на все его розыски, не удалось установить их присутствия. Что касается забастовки рабочих в Милане прошлым летом, правительство не думает, чтобы она была вызвана Интернационалом [120].

Примите и пр.

Икскуль.

Окунев Горчакову.

Телеграмма ***. Версаль, [13] 25 мая 1871 г. 5 час. пополудни.

Четверг. Восстание продолжается в Бельвиле и Сент-Антуанском предместьи. Обнаружились новые пожары. Пале-Рояль горит. Граната пролетела через второй этаж нашего посольства. Разрушения незначительны. Форты Монруж, Бисетр, От-Брюер взяты.

Окунев.

---

* Помета рукой Икскуля: «Копия отослана графу П. Шувалову».
** Письмо не сохранилось.
*** Доложена Горчаковым Александру II.

Окунев Горчакову.

Донесение № 85. Версаль, 13/25 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Последовательными телеграммами я имел честь доводить до сведения императорского министерства сообщения о главных военных событиях, приведших к сдаче Парижа и закончившихся потрясающими бедствиями.

Спешу сегодня представить вашей светлости краткий отчет об этих событиях, известных здесь еще далеко не во всей своей полноте.

Установленные в Булонском лесу батареи, под прикрытием атак с Монтрету, Бельвю и Мулен-Сакэ, только что открыли огонь против окружного городского вала со стороны Point-du-jour, когда произошел совершенно неожиданный случай, облегчивший вступление войск в Париж.

В послеполуденное время 9/21 мая капитан фрегата Тревес, командовавший траншеей против ворот Сен-Клу в Point-du-jour, приблизился к окружному валу, чтобы ознакомиться с состоянием этих ворот. Они обрушились под артиллерийским обстрелом. В это время один национальный гвардеец-инсургент сообщил ему, что эта позиция федератами оставлена. Капитан Тревес не побоялся войти туда с несколькими моряками и выкинуть белый флаг, чтобы тем заставить осаждающих прекратить огонь. За ним немедленно последовали 4 саперные роты, и вскоре после этого армейский корпус ген. Дуэ, находившийся в Булонском лесу, также вступил туда и занял пространство между окружным валом и виадуком д'Отейль, а также и самый виадук, представлявший собой вторую оборонительную позицию, покинутую инсургентами.

В ночь с 9/21 на 10/22 мая корпус ген. Ладмиро также вступил через ворота Пасси и д'Отейль; поутру его войска в количестве 30 тыс. человек заняли почти без всякого сопротивления кварталы того же названия и получили господство над Трокадеро, где находились лишь слабо защищавшиеся баррикады. Генерал Винуа также вступил в город во главе резервного корпуса, перешел по Гренельскому мосту через Сену и присоединился к ген. Сессей, командовавшему 2-м корпусом, который тем временем собирался брать приступом часть вала между фортами Ванв и Исси. Войска ген. Винуа открыли Севрские ворота и дали таким образом ген. Сессей возможность избежать штурма и без всяких затруднений занять значительную часть Сен-Жерменского предместья между вокзалами, Монпарнас и площадью Инвалидов. В то время как ген. Ладмиро направился от Пасси к Триумфальной арке, разрушил сооруженные перед ней баррикады и, зайдя с тылу, завладел воротами Майо, а также и Триумфальной аркой, — ген. Кленшан занял предместье Сент-Оноре и дошел до здания Новой оперы.

Тогда маршал Мак-Магон, находившийся в Елисейских полях, приказал войскам остановиться. Остальная часть дня и наступившая затем ночь были посвящены отдыху. При этом ограничились лишь охраной завоеванных позиций.

Вот каким образом 90 тыс. человек были введены в Париж почти без боя, благодаря чему, к большому удовлетворению г. Тьера, более всего стремившегося предотвратить слишком сильное кровопролитие, удалось избежать штурма, к которому все уже было подготовлено и который должен был начаться к концу недели.

Инсургенты, видимо захваченные врасплох этим стратегическим приемом, неожиданностью атаки и протяженностью той линии, на которой она происходила, оказали лишь слабое сопротивление. Ввиду этого можно было надеяться на то, что столица будет сдана в ближайшее время без нанесения армии каких-либо чувствительных потерь.

11/23 мая ген. Кленшан, овладев Новой оперой и пристанью Сен-Лазар, отправился в Батиньоль, разрушил баррикады в Клиши и расположился у подножья укрепленной на Монмартре позиции. Генерал Ладмиро обошел, с своей стороны, эту важную в стратегическом отношении позицию; оба корпуса мужественным и решительным штурмом овладели Монмартром, штыковой атакой сразив защиту. Со своей стороны, ген. Монтодон взял Нейи, Левалуа Перре, Клиши и атаковал Сент-Уэн. Тем временем ген. Сессей окончательно захватил предместье Сен-Жермен и левый берег. Генералы Дуэ и Винуа окружили Тюильри, Лувр и Вандомскую площадь, чтобы отсюда двинуться на ратушу.

Сражение этого дня было более кровопролитным. По мере того как инсургенты теряли одну за другой свои позиции, сопротивление их более и более возрастало. Произошло несколько ожесточенных боев, между прочим у церкви св. Троицы — на правом берегу, и у церкви св. Клотильды — на левом. Однако ничто еще не предвещало тех бедствий, которыми должно было завершиться это страшное восстание.

Вечером укрепленные позиции площади Согласия подверглись обстрелу артиллерии, установленной в Елисейских полях и в садах отелей на улице Габриэль.

Немного позже начались пожары, и в течение ночи с 11/23 на 12/24 мая, так же как и вчера утром, Тюильри, Пале-Рояль, ратуша, министерство финансов, счетный двор, Государственный совет, сберегательная касса, а также огромное число частных домов были объяты пламенем и рушились одни за другими. По последним сведениям, Французский банк удалось спасти; маршал Мак-Магон надеялся также спасти Лувр и содержащиеся в нем произведения искусства, для чего приказал войскам вырыть ров между этими зданиями и Тюильри.

Инсургенты, видя себя окончательно разбитыми, зажгли все эти дома при помощи керосина. По мере их отступления, женщины, которым еще ранее было поручено произвести поджоги, приступали к выполнению этого чудовищного задания.

Кажется, еще задолго до этих событий члены Коммуны подготовили все для осуществления своих хладнокровно задуманных планов [121].

До настоящего времени еще неизвестны размеры убытков как государственных, так и понесенных частными лицами.

Как я уже имел честь сообщить вашей светлости по телеграфу, здание императорского посольства, несмотря на то, что оно было окружено огромным количеством горевших зданий, к счастью, не пострадало. Пролетевший через комнату во втором этаже снаряд причинил лишь незначительное и легко поправимое повреждение.

Так как сообщение между отдельными парижскими кварталами прервано, я еще не имею сведений о судьбе нашей церкви. Однако ввиду того, что в этой части города не замечалось пожаров и что квартал, где расположена церковь, был занят войсками с первого же дня их вступления, можно надеяться, что это здание уцелело.

В течение вчерашнего дня войска с громадным воодушевлением, среди бушующего кругом огня, завладели Вандомской площадью, площадью Согласия, Тюильри, Ратушей, всеми чудовищными укреплениями, окружавшими эти позиции.

Кажется, это последнее сражение было чрезвычайно горячо, инсургенты понесли очень большие потери убитыми и ранеными. Солдаты, возбужденные сражением, расстреляли на месте большую часть попавших к ним в руки федератов. Тем не менее в Версаль беспрерывно прибывают партии пленных, среди коих находятся женщины, взятые с оружием в руках, и даже дети.

С своей стороны, инсургенты обстреливали войска из подвалов, из окон, с крыш, а также разбрасывали во всех направлениях зажигательные бомбы. В течение всего времени, пока армия двигалась к кварталам, расположенным по ту сторону ратуши, чтобы достичь последних пределов еще занятой инсургентами территории, обстрел этот не прекращался ни на одну минуту, — даже в тех частях города, которые уже были заняты войсками. За исключением арестованных Асси и Жоаннара и некоего Бильоре, убитого в сражении, до сих пор еще неизвестно, кто из главарей восстания захвачен или убит [122]. До настоящего времени также ничего неизвестно о судьбе задержанных Коммуной заложников.

Что касается потерь, понесенных армией, то они, кажется, относительно не столь велики.

Окунев.

Примите и пр.

Окунев Горчакову.

Донесение № 86. Версаль, 13/25 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Третьего дня, в заседании Национального собрания г. Тьер заявил, что виновники парижского восстания будут преданы неумолимому суду, но суд этот будет производиться с соблюдением всех норм закона; что население столицы будет разоружено; что прежняя муниципальная администрация, избранная во время войны, будет восстановлена лишь на время; наконец, он отрицал то обстоятельство, что правительство приняло услуги батальонов национальной гвардии порядка, предложивших ему свою помощь, чтобы сражаться наряду с армией при вступлении ее в столицу.

Заявления эти до некоторой степени смягчили недовольство правой партии по адресу главы исполнительной власти. Благодаря этому в порядок дня не было внесено мотивированное обвинение г. Тьера, к которому, кажется, решили прибегнуть правые в случае, если бы они нашли неудовлетворительными разъяснения председателя совета.

Уверение, что инсургенты будут наказаны по всей строгости закона, было встречено с чувством подлинного удовлетворения не только правыми, но и громадным большинством Собрания. С неменьшим удовлетворением обещание это будет встречено всей французской консервативной партией и в особенности армией, которая настойчиво требует быстрой и примерной расправы с виновниками всех бедствий, постигших Париж.

Недоверие депутатов правой к г. Тьеру было вызвано переговорами, ведшимися г. Тьером за последнее время с различными парижскими де-

легатами, и его обещаниями сохранить жизнь тем из инсургентов, которые сложили бы оружие. При выходе из палаты г. Тьер объяснил депутатам, что его предшествующие обещания были вызваны лишь желанием не отягощать участи заложников; поскольку же восстание подавлено, он без колебаний готов во всеуслышание заявить о своем твердом намерении предоставить все решению суда.

Что же касается обещания главы исполнительной власти восстановить прежнюю муниципальную администрацию Парижа лишь на некоторое время, — то оно совершенно не удовлетворило правых.

Г-н Жюль Ферри, назначенный правительством Национальной обороны мэром Парижа, а также и окружные мэры, избранные во время осады, совершенно справедливо не пользуются никаким весом, несмотря на похвалы, расточаемые г. Ферри председателем совета. Большинство окружных мэров принадлежит к крайней радикальной партии. Некоторые из них симпатизируют Коммуне. Ввиду этого депутаты правой хотели бы, чтобы выбор правительства падал отныне на магистратов, более достойных доверия. Тем не менее, считаясь с местными трудностями, на которые указывал г. Тьер, они решили воздержаться от предъявления каких-либо немедленных и настойчивых требований, чтобы дать правительству время, необходимое для реорганизации административного аппарата столицы.

Разоружение всей национальной гвардии, включая и гвардию партии порядка, кажется, не входило в намерения председателя совета, хотевшего сохранить избранное ядро городской милиции, чтобы при его участии облегчить войскам поддержание порядка в Париже. Но ему пришлось отказаться от этого плана, ввиду решительной позиции, занятой в этом вопросе большинством Собрания. Одновременно с этим он отдал распоряжение маршалу Мак-Магону отклонить помощь национальных гвардейцев, которые явились со своими знаменами в квартал Пасси, хотя всем было известно, что он первоначально вошел в соглашение с начальниками укрывшихся в Версале батальонов о вооружении большого количества рот.

Одним словом, заявления г. Тьера не внесли никаких изменений в его отношения с правой, — ни с той, ни с другой стороны не произошло никакого сближения.

Примите и пр. Окунев.

д'Убри Горчакову.

Письмо. Берлин, 14/26 мая 1871 г.
Конфиденциально.

Князь,

Пользуясь любезностью г. Штааля, передаю вашему сиятельству некоторые дополнительные подробности, касающиеся пребывания князя Бисмарка во Франкфурте.

Он вернулся оттуда весьма удовлетворенный и повидимому успокоившийся относительно предполагаемой длительности версальского правительства. Это последнее черпает новые силы во взятии Парижа и низвержении Коммуны, которая доживает свои дни.

Я не распространяюсь в моих письмах об ужасных подробностях гражданской войны, угнетающей Францию. Наши сведения еще неполны,

и я предполагаю, что Окунев держит вас в курсе перипетий этой мрачной драмы.

В конце концов взятие Парижа представляется законченным или накануне своего окончания. Поэтому тут ускорили возвращение войск. Согласно последним распоряжениям их возвращение в Берлин фиксировано на 4/16 июня.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. П. д'Убри.

Габриак Горчакову.*

Письмо.

Французское посольство. С.-Петербург, 14/26 мая 1871 г.

Князь,

. . . . . .

. . . . . .

Позволите ли мне, князь, закончить просьбой. Нет праздника без похмелья и нет радости без желания разделить ее. Граф Мейрибель является артиллерийским полковником; только что я узнал, что он вступил в Париж во главе своего полка. Таким образом он вместе со всей нашей храброй армией содействовал подавлению восстания, которое угрожало всему европейскому обществу в целом. Его императорское величество знал и ценил его, когда он был здесь военным атташе. Он часто оказывал ему честь беседовать с ним. Я убежден, что этот момент хорошо бы подходил для того, чтобы просить его величество отметить храброго офицера нашей армии в тот момент, когда она снова подняла свою честь в глазах Франции и всего мира. Это произвело бы наилучшее впечатление здесь и повсюду. Для меня это было бы знаком монаршего благоволения, которое меня глубоко тронуло бы.

Примите и пр. Маркиз де Габриак.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [15] 27 мая 1871 г.

Шифром: Я получил от одного лица, пользующегося полным доверием князя Горчакова, следующую записку: (одно слово не расшифровано) конец коммуны (два слова не расшифрованы) ее временное действие, но я не жалею. Чем больше выявляют себя разрушители общества, тем больше можно надеяться, что общество энергично приступит к лечению. Если оно получится полным и законченным, Франция не должна сожалеть об ужасном испытании, которое временно выпало на ее долю, потому что без этого худа добро не было бы так велико.

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [15] 27 мая 1871 г.
5 час. 20 мин. вечера.

Суббота. Сент-Антуанское предместье занято после сильного сопротивления. Войска кончают окружение Бельвиля и Бютт-Шомон, последнего оплота восстания. Окунев.

---

* Из папки „France".

Окунев Горчакову.

Телеграмма. Версаль, [16] 28 мая 1871 г.
10 час. 25 мин. вечера.

Воскресенье. Взяты Бютт-Шомон и Бельвиль, что кладет конец парижскому восстанию [123].

Окунев.

Окунев Горчакову.

Донесение № 89. Версаль, 18/30 мая 1871 г.

Г-н канцлер,

Со времени моего донесения от 13/25 мая * войска, которым было поручено после взятия ратуши достигнуть последнего оплота парижских повстанцев, мужественно продолжали свои военные операции.

Покинув ратушу, ген. Винуа отправился вдоль Сены к Бастилии, где инсургентами было воздвигнуто множество оборонительных сооружений. После захвата площади Бастилии генерал овладел Сент-Антуанским предместьем до ограды Трон и захватил также позиции на восточных высотах Бельвиля и холмах Шомон. Как раз в этом-то квартале укрылась Коммуна и ее последние приверженцы. Со своей стороны, ген. Дуэ, Кленшан и Ладмиро, оставив сильные резервы в уже отвоеванных частях города, сконцентрировались вокруг этого квартала, чтобы со всех сторон окружить его.

В ночь с 15/27 на 16/28 мая происходила генеральная атака. На следующее утро войска ген. Ладмиро пошли на приступ и овладели Бельвилем и холмами Шомон, в то время как ген. Винуа захватил кладбище Пэр-Лашез.

Итак, это ужасное восстание сегодня окончательно подавлено.

Последние бои, кажется, были чрезвычайно кровопролитны. Видя свою неминуемую гибель, инсургенты оказали войскам яростное сопротивление и понесли значительные потери. Большая часть их была расстреляна на месте. Захваченных в плен повстанцев отводили в учрежденный в квартале Ратуши в театре Шателэ превотальный суд и тут же во время заседания производилась над ними короткая расправа.

Относительно небольшая группа пленных была отправлена в Версаль. Пока еще нельзя подсчитать общую цифру уничтоженных таким образом мятежников, но цифра эта велика [124].

В условиях царящего в Париже хаоса еще до сих пор невозможно выяснить судьбу всех главарей Коммуны. Однако установлено, что Делеклюз и Милльер были убиты во время сражения [125]. Их имена должны быть присоединены к упомянутым мною в моем донесении от 13/25 мая **. Что касается задержанных Коммуной заложников, то правительство только вчера получило официальные сведения о них. Архиепископ парижский и большая часть заключенного с ним духовенства были расстреляны в тюрьме Рокетт [126].

Кажется, приписываемый Коммуне проект взорвать столицу был не лишен основания. Было найдено множество бомб и бочек с порохом; провода, связывавшие между собой наиболее угрожаемые места, были

---

* См. донесение № 85, стр. 160.
** См. донесение № 85, стр. 162.

уже перерезаны. Много парижских улиц и целые кварталы должны были взлететь на воздух, и, кажется, лишь недостаток времени помешал инсургентам привести в исполнение свой план.

К разоружению парижского населения приступлено третьего дня. Операция эта производится до настоящего времени, не вызывая никакого сопротивления.

Заканчивая свое донесение, я счастлив тем, что могу сообщить вашей светлости, что церковь императорского посольства нимало не пострадала, и зданию этому не было причинено никаких повреждений *.

Примите и пр. Окунев.

Гирс заместителю министра иностранных дел Вестману.

Донесение № 18. Берн, 18/30 мая 1871 г.

Г-н сенатор,

Принятое бельгийским правительством решение не рассматривать парижских повстанцев, которые явятся искать убежища в Бельгии, как простых политических эмигрантов, и выдавать их Франции как обычных преступников, было сообщено бельгийским поверенным в делах федеральному совету, с предложением присоединиться к этой мере, совершенно оправдываемой отвратительными эксцессами, совершенными в Париже при режиме Коммуны.

Несмотря на глубокое негодование, которое эти акты дикости внушают федеральному совету, он, к сожалению, не счел себя в праве принять в Швейцарии аналогичные меры **. Он ограничивается сохранением за собой права исследовать в каждом специальном случае, должен ли данный субъект быть рассматриваем как общеуголовный преступник или нет, в соответствии с этим совет и будет действовать, строго следуя правилам о выдаче, предусмотренным конвенцией между Францией и Швейцарией.

Поскольку это решение уже было передано бельгийскому поверенному в делах, я сомневаюсь, чтобы его изменило новое выступление, которое должен сейчас предпринять представитель Франции. Федеральный совет будет следовать в этом вопросе примеру английского правительства, которое также не сочло себя в праве принять общую меру в данных обстоятельствах, какой бы чрезвычайный и исключительный характер они ни имели.

Всячески сожалея об отказе федерального совета действовать более решительно против парижских преступников, нельзя все-таки отрицать, что вечные перемены, совершающиеся в правительственном режиме Франции, предписывают Швейцарии большую осторожность в вопросах выдачи. Принужденная вследствие своей близости принимать всех французских эмигрантов всех оттенков, Швейцария часто оказывается вынужденной отвечать на требования о выдаче, истинный мотив которых возбужден только политическими страстями. Чтобы не искать далеко соответствующего примера, я укажу на случай с имперским сановником г. Жанвье де ля Мотт, относительно которого было предъявлено требование о вы-

* Помета Александра II: *«Очень этому рад»*.
** Помета Александра II: *«Этого и надо было ожидать»*.

даче и который находился больше месяца в заточении в Женеве. Поскольку требование о выдаче, предъявленное французским правительством, только в расплывчатых чертах передавало факты, в силу которых было возбуждено требование о выдаче, федеральный совет ограничился тем, что арестовал этого эмигранта, запросив более точных разъяснений относительно этих фактов. До сих пор по крайней мере на это не последовало из Версаля никакого ответа, но из другого источника здесь узнали, что факты, инкриминируемые г. Жанвье де ля Мотту, являются фактами чисто административного характера и были якобы одобрены компетентными учреждениями.

Примите и пр. Гирс.

Барон д'Анельгана графу Дудзееле в С.-Петербург.

Брюссель, [20 мая] 1 июня 1871 г.

Шифром: Поздравляло ли правительство Версаль (два слова не расшифрованы) с подавлением восстания? Отвечайте телеграфно.

Граф Дудзееле барону д'Анельгану в Брюссель.

С.-Петербург [21 мая] 2 июня 1871 г.

Шифром: Русское правительство ограничилось поздравлением французского поверенного в делах с подавлением восстания. Генерал Лефло принят царем России в качестве представителя Франции.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [21 мая] 2 июня 1871 г.

Шифром: Император Александр оказал мне честь дать сегодня утром аудиенцию перед отъездом. Аудиенция длилась около получаса и была проникнута характером сердечности и благожелательности, что глубоко меня тронуло. У его величества я нашел только симпатию к нашим несчастиям и настоящее стремление способствовать во всем, что его касается, облегчению их горечи.

Воздав дань восхищения нашей армии, дух и дисциплина которой представляются ему снова превосходными, император сказал мне, что он имеет только одно искреннее желание — видеть правительство укрепившимся и дающим наконец солидные гарантии поддержанию порядка. «Франция не может на меня жаловаться, — сказал мне его величество, — с тех пор, как она имеет нормальное правительство. У меня только одно желание — поддерживать с ним наилучшие отношения. В г. Тьере я уважаю личность великого гражданина, который с мужеством, стоящим выше всяких похвал, отдался задаче спасения своей страны. То, что сделало только что его правительство для подавления парижского восстания, обеспечивает ему мои симпатии, так же как и симпатии всех порядочных людей. С теми средствами, которыми они располагали, они не могли действовать быстрее. Это все должны признать».

Я горячо поблагодарил императора за его слова и не мог сделать ничего лучшего, как просить у него разрешения прочесть ему телеграмму вашего превосходительства от 30 мая, опустив слишком благожелательную часть,

лично ко мне относящуюся. Его величество разрешил мне это и соизволил с удовлетворением принять содержащиеся в ней заверения. Я прибавил, что каково бы ни было будущее (одно слово не расшифровано) страны, я думаю, что я могу гарантировать, что во всяком случае это будущее будет честным. Личная порядочность будет впредь, как и сейчас, главной заслугой в глазах нации для должностных лиц и нашей силой по отношению к иностранцам, потому что только этим путем мы сумеем внушить доверие, в котором мы нуждаемся для завершения дела нашего внутреннего освобождения.

Его величество полностью одобрил мои слова. Я попросил, между прочим, императора помочь нам по отношению к Пруссии в трудностях по выполнению мирного договора. Его величество сказал мне, что князь Бисмарк только что при проезде русской императрицы через Берлин выражал ей свои чувства в примирительных выражениях, очень любезных по отношению к вашему превосходительству, что является добрым предзнаменованием для будущих отношений между двумя странами. Император прибавил, что по дороге в Эмс он будет говорить с императором Германии, поддерживая эти добрые расположения, и он соблаговолил сказать, что он не сомневается в хорошем приеме, который я найду в Берлине.

. . . . . .

. . . . . .

Резюмирую. Эта беседа укрепила меня в том впечатлении, которое я неоднократно уже высказывал, а именно, что энергия, с которой правительство действовало против восстания, завоевала ему симпатии императора. Это — весьма важное свидетельство и ценное наблюдение о позиции русского правительства по отношению к Франции, и я счастлив снова его констатировать *.

Посол в Вене Вестману.

Донесение № 77. Вена, 22 мая/3 июня 1871 г.

Милостивый государь,

Циркуляр, адресованный французским правительством соседним государствам, с предложением отказать в распространении права убежища парижским бунтовщиков, дал повод к обмену объяснениями между австро-венгерским канцлером и новым послом Франции при венском дворе.

На запрос графа Бейста маркизу Баннвилю, получил ли он из Версаля аналогичное сообщение для австрийского правительства, маркиз Баннвиль ответил, что он не имеет еще означенного циркуляра, но только телеграмму, резюмирующую его содержание. Согласно этой телеграмме версальский кабинет рассматривает всех беглецов Коммуны как преступников, нарушивших общеуголовное право и следовательно не принадлежащих к категории политических эмигрантов. Не делая из этого спешного вопроса и надеясь, что это выступление останется чисто теоретическим ввиду того, что территории не соприкасаются, — посол счел себя таким образом уполномоченным просить австро-венгерский кабинет в случае, если парижские бунтовщики покажутся на границе, подвергнуть их временному аресту в ожидании уточнения тех обвинений, которые против них

* Помета Александра II: «*Это довольно точно*».

возбуждены и которые позволят французскому правительству потребовать их выдачи.

Граф Бейст ответил, что все правительства могут только быть солидарны в защите принципов социального порядка * и что в этом случае правительство г. Тьера защищает порядок и предлагает меру, полное применение которой в Австро-Венгрии имело бы тем большую выгоду, что освободило бы эту страну от беспокойных пришельцев; но он должен прежде всего согласовать свой ответ с существующими законами и следовательно поставить этот вопрос на обсуждение председателей цислейтанского и венгерского советов.

Сообщая мне эти подробности, канцлер прибавил, что ему представляется невозможным распространить такую меру на всех парижских эмигрантов и что право выдачи, по его мнению, может быть применено только по отношению к тем из них, преступления которых будут констатированы судебными обвинительными актами.

Князь Меттерних, до сих пор находившийся в отпуску в Вене, вернулся на свой пост в Версаль. Оттуда он телеграфирует, что в Париже восстановился порядок, что г. Тьер с трудом сопротивляется монархическому нетерпению Собрания и что он имеет намерение сдать власть только по осуществлении двойной задачи: реорганизации страны и армии.

Примите и пр. Новиков.

Маркиз Габриак г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [25 мая] 6 июня 1871 г.

Шифром: Император Александр выезжает сегодня утром в Эмс и проедет через Берлин. Перед своим отъездом его величество постарался не оставить никаких сомнений в своем намерении поддержать наилучшие отношения с Францией и ее правительством, которое подавлением парижского восстания оказало выдающуюся услугу делу порядка в Европе.

С этой целью император передал князю Рейсу основные пункты той беседы, которой он меня удостоил в пятницу, и просил заранее передать его намерения дяде-императору. Я получил эти конфиденциальные (одно слово не расшифровано) от австрийского полномочного министра, которого князь только что посвятил в них. С другой стороны, г. Вестман мне сказал, что император ему также рассказал о нашей беседе, и дал мне понять, что он получил приказ говорить в том же духе дипломатическому корпусу во время отсутствия императора, — конечно при том условии, что во Франции не вспыхнет никакого нового революционного движения.

Посланник в Дрездене[127] *Александру II.*

Донесение № 17 ** Дрезден, 25 мая/6 июня 1871 г.

Ваше величество,

В прошлом году в это же время я имел счастье повергнуть к стопам вашего величества подробный доклад о происках в Германии Интернационала и вообще политических партий.

---

* Слова, «могут быть солидарны», подчеркнуты Александром II, и на полях его помета: «*Конечно*».

** Сверху помета: «Сообщено графу Левашеву».

С тех пор можно отметить только прогрессирование зла, и довольно значительное: число республиканцев, как тех, кто открыто проявляет себя, так и скрытых, увеличилось; статистика выборов в берлинский рейхстаг доказала этот факт; относительно Саксонии я имею перед глазами официальные данные; для остальной Германии я почерпаю из газет многозначительные цифры.

Я слышу, как со всех сторон повторяют, будто кровавые события в Париже надолго парализовали пагубные действия демократов-социалистов всех оттенков, открыв глаза большинству их сторонников на конечные следствия той доктрины, которую им проповедуют. Я не могу убедиться в истинности этого предположения.* В одном смысле парижские сражения произвели благотворный эффект, — правительства, которые еще с довольно большой легкостью судили об опасностях, угрожающих им со стороны Интернационала и его приверженцев, увидели на деле, на что способны эти враги порядка, и нужно надеяться, что они сделают вывод из этого опыта**. Но сами крайние партии потеряют только незначительное число своих приверженцев, и это число быть может к ним возвратится, как только сгладится первое впечатление. Рабочие редко читают другие газеты кроме тех, которые рекомендованы им их вожаками, а там уже с сегодняшнего дня прилагают все старания, чтобы оправдать Коммуну. Подожгла Париж не она, подожгли версальские бомбы; все, что оскорбляет красное знамя, является просто ложью и клеветой. Массовые казни, учиненные победителями, представят еще один аргумент в пользу относительной мягкости Коммуны и остановят многих лиц, готовых дезертировать из социалистического лагеря.

Итак, я констатирую, что в течение уже последнего года организация партий, образующих вместе опасную часть населения, сильно окрепла, и, если ныне в прессе и на народных собраниях они с уверенностью говорят о своем победоносном будущем, нужно признать, что общее состояние Европы способствует их предвидениям.

Прежде всего двери республиканским влияниям открывает национальный вопрос. Всякое национальное движение есть движение демократическое.

. . . . . .

. . . . . .

Религиозный вопрос также может стать пособником крайне левых политических партий.

. . . . . .

. . . . . .

Не думаю, чтобы ошибались, выискивая в непосредственных следствиях франко-германской войны третье обстоятельство, усугубляющее тяжесть положения. Немецкого солдата рассматривают как совершенно надежный элемент, пока он носит мундир; но раньше чем вступить в ряды армии, он был бюргером, и, выходя из армии, он снова возвращается в свою обычную среду и к своим политическим взглядам, которые он только отложил на время своего пребывания под ружьем. Это можно установить с особенной убедительностью по отношению к тем, кто возвращается в

---

* Последняя фраза подчеркнута Александром II, и на полях его помета: «*И я также*».

** Конец фразы подчеркнут Александром II, и на полях его помета: «*Да, надо надеяться*».

свое прежнее положение рабочего и оказывается под влиянием социалистических вожаков рабочего класса. Сегодня солдат возвращается к родному очагу после восьмимесячной войны, которая научила его проливать кровь и согреваться огнем пожаров; он недоволен; он находит, что он недостаточно вознагражден за свои труды; его понятия о праве собственности пришли в смятение; его нравственность потерпела извращения, которые после снятия с него военной дисциплины доставят много забот гражданским властям. Саксонское правительство не без некоторого беспокойства представляет себе это обстоятельство и готовится к тщательному наблюдению за теми элементами беспорядка, которые мир сейчас принесет, особенно в промышленные округа. И оно будет иметь большие основания для такого наблюдения: согласно статистической таблице, которая лежит у меня перед глазами, только округа Глаухау и Цвикау заключают около 100 тыс. фабричных рабочих.

Я убежден, что эти три причины — национальная агитация, борьба религиозных воззрений и поврежденная нравственность значительной части возвращающихся военных — достаточны для принятия правительствами мер по усилению наблюдения. Но я настаиваю на точке зрения, выраженной мною уже в предшествующих докладах: поскольку толчок от какого-нибудь яркого успеха красной республики в каком-нибудь пункте Европы не укрепит позиции вожаков, они будут колебаться итти на организацию массового восстания. Мы видим, что в Бельгии и Германии, несмотря на обилие стачек и на весьма значительное число рабочих, принимающих в них участие, порядок нигде серьезно не нарушается. Эти стачки являются только стратегическими маневрами — хотят подсчитать своих сторонников и испытать степень их повиновения. Вутке, один из республиканских столпов в Саксонии, сказал недавно достаточно громко, чтобы быть услышанным в Дрездене: «Через 5 лет не останется больше князей». Он, значит, не рассматривает настоящий момент как момент, подходящий для действия, и соглашается еще на 5 лет отдыха. Слова Вутке не выражают личного и изолированного мнения, и я их отмечаю.

Каковы могут быть мотивы этой терпеливости, несмотря на сильную армию возможной революции? На последних народных собраниях в Саксонии этот секрет не был прямо выболтан, но был полураскрыт — это отношения, существующие между Россией и Германией. Ругательства некоторых ораторов по адресу России достаточно показывают, какой страх она им внушает. Они с презрением говорят обо всех остальных странах; Англия почти не входит в их счет, — она едва ли будет затронута общей борьбой и не станет вмешиваться в затруднения континента; Австрия колеблется под натиском партий всех цветов; религия присоединяется к политике, чтобы сделать Италию не слишком грозной. Но Россия в своем величественном спокойствии представляет силу, силу непобедимую, если она протягивает руку Германии. Только одно обстоятельство могло бы рассеять страх демагогов: престиж нашего отечества был бы подорван, если бы оно было втянуто в какую-нибудь войну на Востоке или вообще где угодно. Война на Востоке была бы началом нескончаемых несчастий для Европы, я в этом глубоко уверен. Левые газеты хорошо это чувствуют; отсюда те выражения ненависти, которыми они сопровождают всякое известие, указывающее на сближение между Россией и Турцией: все, что отдаляет катастрофу, отдаляет в то же время

реализацию их преступных надежд. Итак, республиканские вожаки в Германии, откладывая на несколько лет практическое осуществление своих разрушительных идей, имеют в виду одно из двух: полное ухудшение отношений, существующих к счастью между Россией и Германской конфедерацией, или же быстрое распространение их доктрины в границах самой России [128].

Таковым мне представляется в данный момент характер ситуации.

Пребываю и пр.

Коцебу.

Окунев Александру II.

Донесение № 92. Париж, 29 мая/10 июня 1871 г.

Ваше величество,

Национальное собрание только что утвердило огромным большинством голосов избрание принцев Орлеанских и отменило законоположения от 10 апреля 1832 г и 26 мая 1843 г., запрещающие принцам Бурбонского дома вступление на французскую территорию.

Акт этот, который является одним из наиболее важных постановлений палаты, принятых со времени ее созыва и который может оказать значительное влияние на будущие судьбы Франции, чуть было не вызвал внутреннего кризиса, но теперь его удалось предотвратить путем взаимных уступок со стороны большинства Собрания и главы исполнительной власти

Необходимость высказаться об избрании герцога Омальского департаментом Уазы и принца Жуанвильского в Ламанше и на Верхней Марне создалась для палаты с того дня, как был решен вопрос о дополнительных выборах. Прежде чем приступить к этим выборам, следовало знать, должны ли были быть созваны вновь те избирательные коллегии, в которых прошли принцы Орлеанские; последнее должно было состояться в том случае, если бы избрание принцев не было признано. Но правительство надеялось, что голосование палаты не приведет ни к каким затруднениям и что вопрос этот, который по существу своему мог вызвать раскол среди существующих во Франции партий, будет разрешен дружно, с общего согласия. Действительно, между г. Тьером и главными монархическими депутатами было условлено, что на рассмотрение Собрания будет внесено единственно лишь предложение об утверждении; что не будет и речи об отмене закона об изгнании, направленного против двух ответвлений Бурбонского дома; что, напротив, законы эти будут выдвинуты как препятствие к утверждению, но при этом будет изыскан выход, при коем избрание принцев сможет получить санкцию, без посягательства на упомянутые законы; наконец тотчас же по вступлении в Собрание принцы подадут в отставку и не будут более фигурировать на выборах.

Предложение, внесенное крайней левой с явной целью вызвать разногласия, не позволило осуществить эту предрешенную уже программу. Депутат этой партии, г. Брюнэ, предложил на заседании от 2 июня отменить все изданные во Франции законы об изгнании и ссылке. Тогда правая сочла себя вынужденной последовать в этом вопросе за своими противниками и воспользоваться их предложением, истолковав его в другом смысле. Она сделала это через депутата Волинье, который предложил отменить лишь закон об изгнании династии Бурбонов.

Результатом этого последнего предложения явилось явное расхождение г. Тьера с большинством Собрания.

До того как было приступлено к обсуждению этих двух законопроектов в публичном заседании, между главой исполнительной власти и главными монархическими депутатами начались предварительные переговоры. Г-н Тьер заявил им, что положение момента не благоприятствует проведению их намерений; что хотя революция и подверглась разоружению в Париже, но она еще не побеждена ни в столице, ни в остальной части Франции; что все провинциальные города, за исключением Марселя и двух кварталов в Лионе, еще вооружены, и армия не будет в состоянии восстановить порядок в случае нарушения его политическими раздорами; что Собрание, подчеркивая свое предпочтение монархии, вызвало бы резкое сопротивление со стороны республиканской партии; что следствием этого явилась бы гражданская война, подрыв французского кредита и лишнее продление иностранной оккупации.

В заключение г. Тьер просил, чтобы предложение об отмене закона об изгнании династии Бурбонов было снято, угрожая в противном случае сложением своих полномочий. В первый раз такая угроза не поколебала ни депутатов, ни комиссию, коей был поручен доклад в связи с упомянутым предложением. Комиссия почти единодушно высказалась за его принятие. Г-н Тьер пошел тогда на уступки и предложил принять отмену закона при условии, что Национальным собранием будет проведен закон, воспрещающий членам семейств царствовавших во Франции династий занимать общественные должности. Со своей стороны, депутаты левой предложили, в виде мировой сделки, продление на двухлетний срок полномочий г. Тьера (для предотвращения всех соискательств). Ни то, ни другое предложение комиссией палаты не было принято.

В конце концов вопрос разрешился. Герцог Омальский и принц Жуанвиль заявили г. Тьеру, что они не покажутся в Собрании и приняли на себя обязательство держаться в стороне от какого бы то ни было политического движения.

Эта двойная декларация, как г. Тьер заявил в заседании Национального собрания от 8 июня, была им принята как дающая достаточную гарантию против страшившей его опасности. Тогда он решил согласиться на отмену законов об изгнании и на утверждение избрания обоих принцев, оставив за собой право принятия против них тех мер, какие он нашел бы нужными, в случае если бы Франции, по его мнению, грозила какая-нибудь опасность в будущем или в настоящем.

Так как эта примирительная формула была принята также и комиссией палаты, то тем самым разрешился и этот серьезный конфликт.

Оставаясь у власти, г. Тьер, — как он утверждал это в палате, — лишь сделал уступку перед лицом общественной опасности, могущей, по его мнению, возникнуть в связи с переменой правительства. Законы об изгнании были отменены собранием в заседании от 8 июня большинством 472 против 97. Избрание принцев было утверждено в том же заседании 448 голосами против 113.

Палата по соглашению с комиссией отложила вопрос о выработке конституции и воздержалась от какой-либо декларации, могущей так или иначе предвосхитить разрешение этого вопроса; однако нет никаких сомнений в том, что большинство склонялось к принятию монархического строя.

С другой стороны, г. Тьер в прекрасной речи подтвердил свое твердое намерение остаться верным условиям заключенного в Бордо перемирия и предоставить будущему разрешить вопрос об окончательной форме правления для Франции.

Возможно, что большинство собрания, в случае сложения г. Тьером своих полномочий, предполагало избрать главой исполнительной власти герцога Омальского.

Пребываю и пр. Окунев.

Окунев Александру II.

Донесение № 93. Париж, 29 мая/10 июня 1871 г.

Ваше величество,

В донесении от 18/30 сего мая * я обязался довести до сведения министерства иностранных дел вашего императорского величества те соображения, которые должны были побудить г. Тьера приступить к частичной реорганизации правительства.

Реорганизация эта только что совершилась.

Ген. Лефло, назначенный на должность посла при дворе вашего императорского величества, был заменен в военном министерстве ген. Сессей.

Г-н Ламбрехт, министр земледелия и торговли, назначен министром внутренних дел взамен г. Пикара.

Г-н Лефран, член Национального собрания, назначен министром земледелия и торговли взамен г. Ламбрехта.

Указанные перемены не вполне удовлетворили большинство палаты, которое хотело бы, чтобы три члена бывшего правительства национальной обороны, — г. Жюль Фавр, Пикар и Жюль Симон одновременно вышли бы из кабинета.

Хотя гг. Жюль Фавр и Симон потеряли доверие Национального собрания почти в той же мере, как и г. Пикар, который смещен, — глава исполнительной власти не согласился расстаться с нынешним министром иностранных дел и министром народного образования, так как их послушный характер и полное отсутствие инициативы представляются г. Тьеру весьма ценными.

В разговоре с наиболее видными депутатами г. Тьер заявил, что он намерен остаться верным принятой в Бордо программе, и прибавил, что по этой программе все фракции палаты должны иметь равное представительство в кабинете, что и было сделано. Действительно, ген. Сессей, новый военный министр, г. Ларси, министр общественных работ, и г. Ламбрехт, новый министр внутренних дел, — принадлежат к монархической партии; г. Дюфор, министр юстиции, адмирал Потюо, морской министр и г. Пуйе-Люертье, министр финансов, не принадлежа ни к какой партии, являются представителями той части палаты, которую г. Тьер назвал безразличной, т. е. такой, которая состоит из сторонников порядка без какой-либо определенной окраски. Наконец г. Жюль Фавр, министр иностранных дел, Жюль Симон, министр народного просвещения, и Лефран, новый министр земледелия и торговли, являются представителями республиканской партии. «Таким образом палата, — сказал

* Упоминаемое донесение не вошло в настоящий сборник.

г. Тьер, — не может мне сделать никакого упрека, так как достигнуто полное равновесие между всеми фракциями».

Однако вполне сознавая необходимость отвести представителям существующих в Собрании различных взглядов равное количество мест в кабинете, большинство все же хотело бы, чтобы республиканская партия была представлена в министерстве какими угодно другими лицами, только не Жюлем Фавром и Жюлем Симоном, которые как бывшие члены правительства национальной обороны никогда не пользовались симпатиями палаты.

Тем не менее монархическая партия признательна председателю совета за то, что главный политический портфель — а именно, министра внутренних дел — он вручил г. Ламбрехту — легитимисту. Она надеется, что последний окажет благое влияние на предстоящие дополнительные выборы, которые, как того опасались, могли бы под давлением его предшественника г. Пикара дать исключительный перевес партии республиканцев. Монархическая партия также надеется, что новый министр внутренних дел вызовет движение и среди префектуры, в связи с чем из департаментов будет удалено большинство республиканских префектов, назначенных г. Пикаром, и что он вообще придаст административному аппарату характер, более соответствующий чаяниям монархистов.

Заканчивая это краткое донесение, я считаю долгом добавить, что замена ген. Лефло ген. Сессей вызвана одной лишь необходимостью поставить во главе военного министерства талантливого и опытного администратора; по общему мнению, этими-то свойствами и обладает ген. Сессей, на долю коего выпадает задача реорганизовать французскую армию. Что же касается ген. Лефло, пользующегося заслуженным признанием во Франции и державшегося неизменно в стороне от политического движения при правительстве национальной обороны, членом которого он был, то, как кажется, он не обладает теми военными данными, которые отвечали бы упомянутым требованиям.

Пребываю и пр. Окунев.

Вестман Александру II.

Доклад. С.-Петербург, 30 мая [11 июня] 1871 г.

Приложение.

Французский поверенный в делах по распоряжению своего правительства сообщил мне циркуляр г. Ж. Фавра, который появился впрочем во всех газетах, о выдаче Франции эмигрантов Парижской коммуны.

Г-н Габриак спрашивал меня, какой ответ он может передать своему правительству.

Я ему ответил, что официально я должен ограничиться составлением акта о получении его сообщения, но что поскольку его императорское величество отсутствует, я не могу ничего прибавить к этому простому устному подтверждению получения.

Что касается меня лично, я счел возможным сказать ему, что по всей видимости мы почти не будем иметь случая заняться этим вопросом *. Нужно думать, что члены Коммуны французы не отправятся укрываться в Россию **; еще меньше этого можно ожидать от поляков, — по отно-

* Помета Александра II: *«Напротив»*.
** Помета Александра II: *«Как знать!»*

шению к которым однако мое правительство имело бы первенство при сведении счетов.

Я полагаю, что этот вопрос не будет больше подниматься *.

Вестман.

Приложение.

Циркуляр Фавра о выдаче Франции коммунаров-эмигрантов **.

Министр иностранных дел, по сообщению официальной газеты, передал сегодня по телеграфу следующую инструкцию представителям Франции за границей:

Версаль, 26 *** мая.

Милостивый государь,

Гнусное дело злодеев, которые падают под героическим напором нашей армии, не может быть смешиваемо с политическим актом. Оно принадлежит к разряду злодеяний, предусмотренных и наказуемых по законам всех цивилизованных народов. Убийства, воровство, пожары, систематически организованные и подготовленные с адским искусством, могут оставить их авторам и их сообщникам только одно убежище — законное искупление. Никакая нация не может покрыть их иммунитетом, и на всякой почве их присутствие было бы позором и опасностью. Если таким образом вы узнаете, что какой-нибудь субъект, замешанный в парижских преступлениях, пересек границу той страны, при правительстве которой вы аккредитованы, предлагаю вам ходатайствовать перед местными властями о немедленном его аресте и тотчас сообщить мне, чтобы я мог урегулировать это положение просьбой о выдаче.

Примите и пр.

Жюль Фавр.

Гирс Вестману.

Донесение № 19. Берн, 30 мая/11 июня 1871 г.

Г-н сенатор,

Федеральное правительство до сих пор не имело случая применить на практике те меры, которые оно решило принять против членов и сторонников Парижской коммуны, которые явились бы искать убежища на швейцарской территории. При известии, что Феликс Пиа и Груссе находятся в Женеве, правительство поспешило потребовать у федерального совета выдачи этих субъектов, и приказ арестовать их немедленно был дан местным властям, но скоро узнали, что ни один, ни другой из этих революционеров не находятся в Швейцарии.

Согласно тому, что мне сказал президент конференции, французский министр иностранных дел сам признал ошибочность первой информации, объяснив это наличием в Женеве матери и жены Феликса Пиа. Он затем предпринял демарши, чтобы добиться по крайней мере выдачи этих двух дам. Но федеральный совет счел невозможным согласиться на это требование и ограничился тем, что поставил их под надзор полиции.

Я считаю долгом передать эти детали императорскому министерству,

---

* Резолюция Александра II: «*Я рассматриваю этот вопрос как вопрос самой большой важности для будущего всех правительств. По моему приказу, министр юстиции составил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине императору-королю, желая чтобы инициатива исходила не от меня, а от Пруссии. Теперь я ожидаю результатов*» [129].

** Вырезка из газеты «L'Indépendance» от 30 мая 1871 г.

*** Так в подлиннике. Ср. донесение Окунева за № 99, стр. 186.

чтобы предупредить его против ложных сведений, распространяемых газетами, о трудностях, которые встречает здесь вопрос о выдаче.

Как я уже имел честь говорить в моем предшествовавшем докладе, швейцарское правительство твердо решило строго применять в нынешних обстоятельствах все условия договора с Францией о выдаче. Сверх того оно решило отказывать в убежище всякому лицу, скомпрометированному в парижских событиях. Эта позиция, одобряемая здесь большинством, с полным основанием вызывает неудовольствие приверженцев Интернационала, которые находятся, к сожалению, в довольно большом количестве в Швейцарии и не стыдятся открыто прославлять жестокости, совершенные их собратьями во французской столице.

Примите и пр. Гирс.

Новиков Александру II.

Донесение № 80. Вена, 1/13 июня 1871 г.

Ваше величество,

Рабочие в Австрии, державшиеся после прошлогоднего процесса против их вожаков, Обервиндера и прочих, если исключить несколько стачек, достаточно спокойно, начинают снова подавать признаки жизни.

Так в Граце правительство принуждено было распустить рабочую ассоциацию под фирмой «Vorwärts», потому что дело кончились тем, что социалистические тенденции этой ассоциации стали захватывать и политическую область. Ассоциация в одном из своих последних собраний приняла предложение включить в свой устав упражнения в тире, «чтобы научиться метко стрелять», а в телеграмме, адресованной другой ассоциации рабочих, в Каринтии, приглашала их «объединяться под красным знаменем».

Раздраженные закрытием помещения для своих собраний, рабочие бросились в шумные демонстрации. Два следующих дня они ходили по улицам в количестве нескольких сотен, распевая марсельезу и выкрикивая угрозы и ругательства по адресу властей. Муниципальная полиция оказалась неспособной их образумить, и потребовалось никак не меньше как вмешательство кавалерийского эскадрона, чтобы произвести аресты и восстановить спокойствие.

Также имели место волнения в мало обеспеченных окрестностях и предместьях Вены. Тамошние рабочие собрались в самой Вене, чтобы объявить — одни, что они не одобряют действий Парижской коммуны, но находят их извинительными, другие, что Коммуна проявила еще слишком много умеренности по отношению к сторонникам версальского правительства, и, наконец, третьи, чтобы составить адрес, требующий расширения их политических прав и некоторых социальных льгот, заимствованных из злокозненных теорий Лассаля.

Трудно закрывать глаза на связь, существующую между этими симптомами и событиями в Париже. Если они не входят в заранее намеченный общий план действий, они тем не менее носят печать сродства, которое ставит их вместе под общее знамя пресловутого Интернационала.

В компетентных кругах Вены, правда, рассматривают социалистические демонстрации, имевшие место в Австрии, как блуждающие огоньки, в данный момент довольно безобидные. Обращают внимание, что рабочие

не вооружены; что коммунистические сообщества в конце концов существуют только в больших мануфактурных центрах и, по странной случайности, только среди нескольких профессий, как среди портных, ткачей и оружейников, в то время как другие корпорации, например кузнечная, совершенно от них свободны; наконец, что в сельском населении влияние духовенства накладывает спасительную узду на эти выступления.

Однако если рассудить, что Интернационал насчитывает уже от $2^1/_2$ до 3 млн. членов в Европе; что депутат Бебель имел смелость провозглашать с трибуны немецкого рейхстага свою ужасную поговорку: «война дворцам, мир хижинам» [130]; что пролетариат, не довольствуясь благосостоянием, стремится еще к управлению; если принять в расчет особенно те огромные шаги, которые он сделал после 1848 г. по пути атеизма и в отрицании всякой морали, вытекающей из божественного права, — станет понятно, насколько заинтересованы все правительства в объединении своих усилий, чтобы воспрепятствовать росту значения социального вопроса *.

Пребываю и пр. Евгений Новиков.

Новиков Александру II.

Донесение № 81. Вена, 1/13 июня 1871 г.

Ваше величество,

Французский посланник сообщил австро-венгерскому канцлеру циркуляр г. Жюля Фавра, который требует предварительного заключения беглецов Парижской коммуны, в ожидании, пока французское правительство сможет формулировать просьбу об их выдаче.

Председатели цислейтанского и венгерского советов, которым передал это требование граф Бейст, не вынесли еще своего окончательного решения; но согласно тем разъяснениям, которые я получил в государственном канцлерстве, вот процедура, которую хотят принять как в Вене, так и в Будапеште.

Для удовлетворения требования о выдаче будет поставлено условием, чтобы нота французского правительства в каждом отдельном случае сопровождалась обвинительным актом, облеченным в законные судебные формы и устанавливающим виновность обвиняемых. Затем будет приступлено к исследованию, подходят ли обвинения к правонарушениям, предусмотренным трактатом о выдаче, и в случае удовлетворительного решения обвиняемое лицо будет выдано — без того, чтобы обвинительный акт, составленный французским судом, подвергся местной судебной ревизии, как это практикуется в Англии.

Основное состоит в том, чтобы знать, будут ли гнусные эксцессы, совершенные в Париже, исследоваться в Австрии независимо от тех движущих сил, которые могли руководить их виновниками или нет. В первом случае виновные будут очевидно рассматриваться как общеуголовные преступники, подлежащие выдаче; во втором случае нет ничего легче, как подвести их под категорию тех «несчастненьких», которым современное публичное право гарантирует безнаказанность и чуть ли не покровительство закона, квалифицируя их как политических эмигрантов.

* Помета Александра II: *«Конечно»*.

К этому камню преткновения, проистекающему от истолкования, присоединяется трудность исполнения. Предварительное заключение не может быть гарантировано правительством, особенно в Венгрии, потому что полиция находится там в руках муниципальных властей. Можно будет сколько угодно предписывать арест, подлежащие аресту всегда смогут ускользнуть от этого приказа под благовидными предлогами.

Пребываю и пр.

Евгений Новиков.

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Несколько дней в Париже. Наблюдения и размышления».

Льеж, [8] 20 июня 1871 г.

. . . . . .

. . . . . .

Правительство г. Тьера держится потому, что оно неопределенное, оно не живет, а прозябает, не внушая большого недоверия партиям, которые за его спиной свободно обсуждают вопрос о власти и о будущей форме правления. Однако то, что его поддерживает и укрепляет еще сильнее, это боязнь нового выступления на улицу партии крамольников и зажигательного возвращения Коммуны. Но недостаток авторитета и силы, двусмысленное прошлое бо́льшинства его членов и сподвижников, его политика, вольно или невольно пристрастная и реакционная, ограниченность его полномочий и наконец слабая личность его дряхлого председателя приводят к тому результату, что это самое правительство, не обладая счастьем ни в делах, ни в людях, не сможет поднять страну, последовательно и успешно переделать и реорганизовать ее и еще меньше ее умиротворить. Таким образом у него хватит сил только кое-как перебиваться со дня на день и самое большое — гарантировать кое-как материальный порядок, который всегда останется неустойчивым, ненадежным, хрупким, без поддержки порядка морального.

Одна внешняя война не могла бы воспрепятствовать новому жульничеству в пользу монархии; что в настоящий момент поддерживает и охраняет «третью республику» от падения, это призрак новой гражданской войны, ужасающее воспоминание о Коммуне с ее красным террором, перед которым бледнеет белый террор версальских псевдо-законодателей.

. . . . . .

. . . . . .

Реакционное версальское Собрание, трусливая и индиферентная буржуазия, которая не сражается больше, которая не выбирала этого Собрания и в нем не представлена, наконец глава исполнительной власти со своей ложной оценкой эпохи, слабостью своего характера и вечными колебаниями, — вместе несут тяжелую ответственность за гражданскую войну и злополучия Парижа. Беспристрастная история, которая с помощью времени разъяснит себе все сама собой, когда-нибудь поставит с полной ясностью этот приговор перед потомством. Сейчас неспособное, бесцветное, но полное мелочного злопамятства Собрание вместо того, чтобы

заниматься делами страны, теряет время в ретроспективной политике и предписывает следствие по делу 4 сентября и относительно деятельности правительства национальной обороны. Из этого следствия хлынет много грязи и скандалов, но мало истины и справедливости.

. . . . . .

. . . . . .

В Париже существует только одно мнение о беспримерной храбрости и бесстрашном сопротивлении коммунаров. Они и их главари пали смертью героев, как умирают только за то дело, которое считают хорошим и справедливым, — все равно правильно или ошибочно. Обычные и слабые времена никогда не поймут этой кровавой трагедии социального фанатизма. Никогда не видели столько средств разрушения, приведенных в действие, и никогда не видели так мало забот о своей жизни и о будущем людей, которые постоянно стояли одной ногой на краю могилы и которых смерть подстерегала и застигала в тысяче неожиданных форм. Женщины никогда не были так сильны, так фанатичны, так жестоки. Они собирались массами, подбодряли друг друга, возбуждали все вокруг себя, сражались, как ветераны, и потом с насмешками шли на расстрел. Существование этих людей, мужчин и женщин, было, если можно так выразиться, мимолетным. Ничего устойчивого, все, как флюид — и вот оно улетучивается!

А рядом с этими ужасными бойнями и мрачными сценами происходят оргии отвратительной и разнузданной проституции и обнажение пола, на этот раз не за трагическими решетками мрачной Консьержери и других отвратительных тюрем, где, как в 94 году, ночь и смерть охраняли тайну, но на улицах, на людных бульварах. Как будто старались вызвать сожаление о том, что скоро должна была похитить смерть. И это чувство удовольствия, дикое человекоубийственное чувство вылилось в страсть разрушения [131]. Страшно и грустно сказать: низкие и пустые натуры именно в разрушении чувствуют себя богами. Чем беднее и чем более ограничена радостями природа человека, тем больше своих радостей она требует в смерти и в горе. Составляя планы поджогов Парижа, главари и сектанты Коммуны удовлетворяли не только своему чувству мести против богатых и высших классов, но в то же время вкушали от наслаждений разрушения и праздновали то, что они называли своим празднеством химии. С этой целью они наняли 20 тыс. поджигательниц, жалких созданий, последние подонки опустившихся людей; Коммуна платила им по 10 франков в день. Сверх того она распорядилась сфабриковать сотни тысяч молочных ящиков, в которых эти женщины разносили керосин для поджогов [132]. У барьера Киши версальцы затратили 7 часов, чтобы взять баррикаду. В течение этой ожесточенной битвы толпа амазонок-поджигательниц в продолжение 2 часов стреляла по войскам и мужественно держалась против них в этой опаснейшей позиции.

В Париже я снова увидел г. Сенара [133], который некогда был советником и сотрудником генерала Кавеньяка, как сейчас является советником г. Тьера, у которого он в Версале завсегдатаем. Несмотря на свои 70 лет, он еще очень свеж и будет несомненно занимать очень высокое положение в магистратуре. Мне кажется, что именно он после князя Бисмарка больше всех влияет на Тьера в смысле сохранения на своем

посту г. Жюля Фавра, близким другом которого он является уже в продолжение более сорока лет. Жюль Фавр, несмотря на свое высокое официальное положение, изолирован решительно от всех. Во время погребения архиепископа парижского он был как бы парием, вокруг него образовалась пустота, и он со своей кислой миной и расстроенным здоровьем имел такой вид, как будто присутствовал на собственных похоронах.

Я спросил г. Сенара, что он думает о нынешней ситуации, на что он мне ответил: «Мы сидим на острие ножа; все это еще не совсем замирено и не совсем кончено. Мы расстреливали и будем еще расстреливать, мы будем ссылать в Каледонию, в Кайенну и в Алжир массы повстанцев, поджигателей и поджигательниц; значительное число главарей восстания убиты или попали в наши руки, и, несмотря на это, имеется с полсотни их главных вожаков, которых мы не сумели еще захватить и которые вероятно находятся в безопасности за границей. Эти люди далеки от того, чтобы считать свою игру проигранной, низшие классы общества воодушевлены самыми гнусными принципами и самыми губительными страстями. Вследствие этого перед нами остается ужасная перспектива: если мы и покончили с ними и покончим с их отцами и матерями, останутся их дети, и через десять лет нам придется иметь дело с ними».

Вестман Горчакову.

Доклад. С.-Петербург, 9[21] июня 1871 г.

Пользуюсь отъездом г. Штааля, чтобы доставить вашему сиятельству папку литографированных документов. Они почти не представляют интереса, но оказия слишком ценна, чтобы ею не воспользоваться.

Среди бумаг ваше сиятельство найдет мой доклад императору о демарше французского поверенного в делах *. Судя по замечаниям императора, я не сумел полностью предугадать намерения его величества. Что касается меня, я имел особенно в виду только не связывать свободу мнений своего правительства. Дело шло о том, чтобы ничего не обещать и ни в чем не отказывать.

Что касается докладной записки министра юстиции, я узнал о ее существовании только из замечаний императора. После этого я узнал от г. Эссена, заместителя графа Палена, что это очень короткая заметка, которая высказывается в пользу выдачи политических преступников и против выдачи простых политических эмигрантов. Это весьма логичная теория, которую очень легко изложить на бумаге, но которую будет бесконечно трудно приложить к людям, организовавшим последние события в Париже. Все-таки я продолжаю надеяться, что мы не будем принуждены заниматься этим вопросом.

Я стремился дать вам, князь, отчет об этом инциденте ввиду вашего ожидающегося прибытия в Фридрихсгафен, где император возможно будет вам говорить об этом.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Вестман.

* Копия доклада Вестмана Александру II от 30 мая [11 июня] с наложенной на нем этим последним резолюцией (стр. 175—176).

Г-н де Монтебелло г. Жюлю Фавру в Версаль.

С.-Петербург, [10] 22 июня 1871 г.

Шифром: Некий Тиссье, проживающий в С.-Петербурге, которому консул счел долгом отказать в паспорте вследствие его прошлого и неистовых политических убеждений, выезжает сегодня с намерением постараться добыть (одно слово не расшифровано) в Брюсселе или перейти границу без паспорта. Консул считает полезным указать на этого субъекта и скорее известить о нем наше посольство в Брюсселе [134].

Окунев Александру II.

Донесение № 95. Париж, 11/23 июня 1871 г.

Ваше величество,

Принцы Орлеанские, верные своим обещаниям, не заняли своих мест в палате после подтверждения их выборов национальным представительством.

На следующий день после голосования, утвердившего их принятие в члены Собрания, герцог Омальский и принц Жуанвильский явились в Версаль, где все монархические депутаты обеих фракций устремились к ним, свидетельствуя свою верность долгу. Они нанесли два визита г. Тьеру. При этих свиданиях принцы снова повторили главе исполнительной власти, что они не дадут никаких поводов для опасений, которые внушило правительству принятие их в палату. Они выказали себя воодушевленными лишь одним желанием: устроиться во Франции и жить частной жизнью, держась в стороне от политического движения.

Рассказывая мне о возвращении Орлеанских принцев, г. Тьер выразил твердое намерение не уклоняться от решения, возвещенного им в заседании Национального собрания от 27 мая/8 июня, т. е. от решения заботиться, чтобы общественный мир во Франции не был нарушен спорами (о престолонаследии), которые он считает преждевременными. Поскольку принцы, вернувшиеся или могущие еще вернуться в результате отмены законов об изгнании, будут держаться в рамках программы, обусловленной соглашением главы исполнительной власти с руководящими монархическими депутатами, воздерживаясь от всякого вмешательства в борьбу политических партий, постольку он, в свою очередь, ограничится наблюдательным положением. Если же, наоборот, это соглашение принцами будет нарушено, он, со своей стороны, сочтет себя вынужденным принять меры, требуемые спасением страны. Эта позиция, сказал он, вменяется ему как хранителю порядка во Франции, его строго понимаемым долгом. Он считает восстановление монархии во Франции, в данный момент невозможным. Не предрешая вопроса о будущем, он констатирует, что сегодня большинство страны настроено республикански. То же ему приходится сказать и об армии. Если среди генералов имеются многие, исповедующие монархические принципы, то солдаты и младшие офицеры — откровенные республиканцы. Сверх того, республиканская партия, объединившая, как доказали последние муниципальные выборы, почти все города, является единственной активной партией, которой можно бояться. Монархическая партия инертна и находится в меньшинстве. Таким обра-

зом попытка монархической реставрации необходимо вызвала бы гражданскую войну — он в этом убежден. Этой гражданской войне он должен помешать. Дополнительные выборы в Национальное собрание доставили новые доказательства республиканских настроений страны. По словам г. Тьера, они были окрашены преимущественно в этот цвет.

Я позволил себе заметить председателю совета, что большинство Национального собрания мне представляется роялистским. Не доказывает ли этот факт, который мне представляется доказанным, — сказал я г. Тьеру, — что избиратели этих депутатов исповедуют те же идеи.

Не отрицая, что большинство депутатов принадлежит к роялистской партии, глава исполнительной власти возразил, будто ничто не доказывает, что те же самые депутаты высказались бы за немедленную перемену режима, если бы вопрос о монархии был поставлен в настоящий момент. Многие из них вероятно сошлись бы на продолжении нынешнего временного режима. Впрочем выборы 8 февраля производились не на платформе конституционного вопроса. Доказательства тому — изложение кандидатами своих политических взглядов. Их циркуляры не высказывались ни за, ни против республики или монархии. Назначая бордоское собрание, избиратели голосовали будто бы только за мир или за войну, за или против диктатуры Гамбетты. Если в палату было послано больше роялистов, чем республиканцев, то отсюда можно только заключить, что к монархическим воззрениям примыкало большинство мирно настроенных кандидатов.

Эта теза, развернутая г. Тьером, только воспроизводит аргументы, которые старается сейчас провести республиканская партия, чтобы отказать Собранию в учредительной власти. Эта теза находится в открытом противоречии с точкой зрения правой Собрания, утверждающей, что Собрание суверенно и что только ему одному принадлежит право решать, хочет ли оно быть Учредительным собранием или нет.

Продолжая беседу, глава исполнительной власти рассказал мне о действиях бонапартистской партии, составляющих предмет всеподданнейшего доклада, который я имел счастье повергнуть на рассмотрение вашего императорского величества 29 мая/10 июня, № 94 [135]. Г-н Тьер мне рассказал, что в связи с предстоящими выборами эта партия очень волнуется, тщась получить несколько мест в Национальном собрании. Многие лица, выделившиеся во время империи, вернулись; перед избирателями предстанут, как уверяют, г. Робер и принц Наполеон. Что касается Робера, то он настолько дискредитирован перед общественным мнением, что его присутствие в палате не может возбудить никаких опасений. Он (Тьер) не хотел бы проявлять чрезмерной суровости по отношению к свергнутому режиму, и, поскольку бонапартисты не представят поводов для обоснованных подозрений, он не станет их беспокоить, тем более что их усилия будут совершенно бесплодны ввиду явной враждебности Национального собрания и общественного мнения вообще.

Я позволил себе заметить, что деревня кажется еще крепко привязанной к империи.

Г-н Тьер с этим согласился, присовокупив, что после возвращения военнопленных из Германии настроения сельского населения сильно изменились. Солдаты Седана и Меца, вернувшиеся к своим очагам, проявляют крайнюю враждебность к императору. Их рассказы о поражениях, о лишениях, испытанных ими во время кампании, о недостатках коман-

дования произвели в деревнях сильное впечатление, и теперь в деревенских настроениях констатируют ежедневно усиливающуюся перемену.

Заканчивая беседу, г. Тьер сказал, что в случае избрания принца Наполеона (в чем он впрочем сомневается), правительству придется заняться вопросом, не следует ли принять исключительную меру, которая конечно была бы оправдана предшествующим поведением этого принца и которая запрещала бы ему появление на французской территории, хотя и нет никакого закона, предусматривающего изгнание семьи Бонапартов.

Пребываю и пр.

Окунев.

Окунев Александру II.

Донесение № 98. Париж, 11/23 июня 1871 г.

Ваше величество,

Не считая вотирования займа и назначения комиссии для рассмотрения совместно с главой исполнительной власти прошений о помиловании, посылаемых парижскими инсургентами, Национальное собрание посвятило эти дни только ретроспективным дискуссиям. Предметом последовательных обсуждений палаты было расследование о турской и бордоской делегации, о парижском правительстве и вопрос о пересмотре его декретов.

Хотя большинство Собрания является решительным врагом империи, оно не питает никакого пристрастия и к тем, кто ее низверг. Эти неприязненные чувства к людям 4 сентября проявляются при всяком случае. Достаточно сделать выпад против правительства национальной обороны, чтобы вызвать самое горячее сочувствие палаты.

Так предложение г. Лоржриль, депутата крайней правой, о назначении комиссии из 30 членов для расследования актов правительственной делегации в Туре и Бордо было принято с истинным удовлетворением и вотировано почти без дискуссий после речи автора предложения. Г-н Лоржриль напомнил акты произвола со стороны г. Гамбетты, его всеми проклинаемую диктатуру, его наглость в вопросах ведения войны и бесчисленные страдания сельских классов, оторванных от своих полей в большинстве не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы оказаться брошенными в импровизированные лагери, где их часто размещали без пищи, без одежды, без амуниции и оружия.

Возвращаясь к действиям правительства национальной обороны, общественное мнение Франции отличает от турской и бордоской диктатуры тех людей, которые несут ответственность за осаду Парижа. Наиболее непопулярна конечно первая. Парижское правительство находит еще защитников во всех партиях, считающихся с двойной опасностью, которой его подвергали, с одной стороны — вражеское нашествие и, с другой стороны, — социалистическое движение.

Тем не менее необходимость расследования первой осады Парижа также была признана. Это расследование было поручено комиссии, уже получившей полномочия на расследование актов делегации Тура и Бордо.

Эти решения палаты позволили ген. Трошю сделать исторический обзор осады Парижа. В двух длинных речах он показал причину ослабления французской армии, происхождение ее поражений на Рейне, главные факты, относящиеся к революции 4 сентября, и наконец осаду Парижа.

Если целью ген. Трошю было представить оправдание своего собствен-

ного поведения, я должен констатировать, что он потерпел в этом полное поражение.

Палата слушала его со вниманием, но не была убеждена.

Генерал заявил, что вопреки обвинениям его хулителей, он имел твердо выработанный военный план. Этот план якобы состоял в том, чтобы не ожидать прихода вспомогательной армии, а устремиться к ней навстречу, прорвав германский фронт со стороны Жаннвилье и бросив 50 тыс. человек в Нормандию. Как утверждает ген. Трошю, неудача этого плана должна быть приписана г. Гамбетте.

Ни в палате, ни вне палаты никто не дал себе отчета в практической полезности этой стратегической комбинации, даже в том случае, если бы она увенчалась полным успехом. Можно спросить себя, какое влияние этот корпус в 50 тыс. человек мог оказать на осадные операции в целом?

Генерал утверждал сверх того, что он никогда не верил в успех обороны Парижа и что, по его убеждению, столица была заранее осуждена на сдачу врагу. Более того, он признал, что 25 тыс. уголовных рецидивистов и 6 тыс. фанатиков Коммуны (sectaires), способных на все ради свержения социального порядка, были вооружены парижским муниципалитетом на глазах правительства национальной обороны.

Эти признания вызвали настоящее возмущение в общественном мнении. Никто не может простить генералу тот факт, что он сомневался в успехе обороны Парижа и тем не менее совместно с г. Жюлем Фавром отверг перемирие без снабжения провиантом, предложенное г. Бисмарком в конце сентября и изо всех сил поддержанное Тьером. Также ему не прощают его крайней слабости, которую он проявил, позволив вооружить уголовных рецидивистов и фанатиков, сформировавших затем, по его словам, основное ядро Парижской коммуны [136].

Если ген. Трошю не преуспел в своих попытках оправдания, то и речь, произнесенная г. Жюлем Фавром в ответ на интерпелляцию депутата Валона (Valon), была встречена не более благоприятно. Г-н Валон обвинял г. Жюля Фавра в том, что он отверг в сентябре во время свидания в Ферьере предложение г. Бисмарка заключить мир ценой уступки только Страсбурга и его пригородов. Министр иностранных дел согласился, что такое предложение было ему сделано федеральным канцлером, и что он счел своим долгом его отклонить. Он изложил мотивы этого решения, утверждая, что в эту эпоху во Франции никто не согласился бы на территориальные уступки. Но его оправдание не только не было сочтено достаточным, но даже как будто увеличило неприязненное чувство к нему со стороны большинства Собрания.

Как бы сильна ни была моральная поддержка, которую г. Тьер оказывает своему министру иностранных дел, сомнительно, чтобы он устоял перед непрестанными атаками палаты и смог еще долго оставаться у власти.

Собрание закончило эти ретроспективные дискуссии, вотировав назначение комиссии для пересмотра декретов правительства национальной обороны и для указания тех декретов, которые было бы необходимо отменить.

Поскольку г. Гамбетта издал в течение своего управления большое число распоряжений, носящих законодательный характер и проникнутых разрушительным духом, было необходимо в порядке спешности признать их недействительными.

Принятая палатой мера должна разрешить эту задачу легальным способом.

Назначение комиссии, уполномоченной, совместно с главой исполнительной власти, осуществлять право помилования, явилось следствием требования г. Тьера [137]. Тем не менее эта комиссия является актом недоверия по отношению к последнему. Хотя председатель исполнительного совета объявил в Собрании, что к парижским мятежникам будет применен беспощадный суд, правая часть собрания тем не менее испытывает сомнение, как бы республиканские влияния, действующие вокруг г. Тьера, не толкнули его к примиренчеству. Таким образом правая сторона требовала осуществления контроля над прошениями о помиловании, которые могли быть представлены повстанцами, осужденными военнополевыми судами. Глава исполнительной власти счел своим долгом пойти навстречу этим выражениям недоверия, которые не остались для него безызвестны. Вследствие этого он предложил назначить комиссию, о которой идет речь.

Комиссия только что избрана палатой и состоит в большинстве из депутатов правой.

Однако ничто не указывает, что действия этой комиссии направлены к усилению строгости, потому что все время депутаты всех партий обращаются к г. Тьеру с ходатайствами за тех повстанцев, которые являются уроженцами представляемых ими департаментов.

Пребываю и пр.

Окунев.

Окунев Александру II.

Донесение № 99. Париж, 11/23 июня 1871 г.

Ваше величество,

25 мая/6 июня г. Жюль Фавр разослал французским агентам за границей циркуляр, чтобы привлечь внимание Европы к опасным тенденциям «Международного товарищества рабочих» и чтобы побудить правительства к исследованию фактов, относящихся к развитию и средствам действия этого общества.

В одной из моих последних бесед с министром иностранных дел я воспользовался текстом этого циркуляра, чтобы заметить, что французское правительство, которому в результате последних событий в Париже удалось задержать множество приверженцев этого общества, окажется быть может в состоянии, произведя тщательное расследование, собрать полезные сведения, могущие помочь и всем другим правительствам осветить деятельность Интернационала *. Что до меня, то я с истинным рвением получал бы официальную информацию, которой министр счел бы возможным меня снабжать.

Г-н Жюль Фавр мне ответил, что военно-полевые суды, призванные судить парижских мятежников, продолжают вести следствие. Как только это расследование будет закончено, правительство объединит в одном отчете относящиеся к Интернационалу факты, открытые в течение следствия, и, наверно, не преминет сообщить этот документ иностранным правительствам. Все же уже можно сказать, что членов Интернационала среди повстанцев, арестованных в Париже, оказалось меньше, чем обычно думают [138].

* Помета Александра II: «*Конечно*».

Министр прибавил, что иностранные кабинеты оказали наилучший прием его циркуляру, упомянутому выше. В частности, князь Бисмарк полностью одобрил его содержание и заявил, что, со своей стороны, он вполне готов содействовать расследованиям, которые предлагаются французским правительством. Он передал эти уверения через графа Вальдерзее, германского поверенного в делах.

Г-н Жюль Фавр поведал мне по этому случаю свое намерение составить новый циркуляр, целью которого является создать соглашение между державами для подавления «Международного общества». Он предложит правительствам взять на себя обязательство не допускать на своей территории собраний этой ассоциации, преследовать ее приверженцев и препятствовать опубликованию ее программ. Особенно министр имеет в виду, как он мне сказал, Англию, Швейцарию, Бельгию и Испанию, где комитеты Интернационала свободно функционировали до сих пор [139].

Пребываю и пр.

Окунев.

Вестман Александру II.

Доклад. С.-Петербург, 16 [28] июня 1871 г.

Князь Рейс по распоряжению своего правительства дал мне прочесть депеши, адресованные князем Бисмарком некоторым прусским представительствам, чтобы привлечь внимание правительств к растущему влиянию социалистических идей и к тяжелым опасностям, которые должны произойти в недалеком будущем вследствие такого положения вещей.

Основная депеша адресована ген. Швейницу в Вену. Она имеет дату 26 мая/7 июня. Другие депеши, которые менее пространны и которые составлены в результате аудиенции, данной вашим императорским величеством имперскому канцлеру Германии, написаны посольствам в Брюссель, во Флоренцию, в Дрезден и Лондон.

Инструкция ген. Швейницу начинает с установления того факта, что последние события в Париже осветили ярким светом те опасности, которым оказывается подверженным социальный порядок европейских государств.

В Германии констатируется влияние коммунистических рабочих ассоциаций в больших промышленных центрах, и депутат Бебель, поддерживаемый ганноверским королем, открыто объявил в парламенте о преступных намерениях тех людей, мнения которых он разделяет [140].

Некоторые симптомы указывают, что и в Австрии, особенно в Вене, агитация среди рабочих завоевывает почву.

В случае, если австро-венгерское правительство признает необходимость сопротивления этим губительным стремлениям, князь Бисмарк предписывает ген. Швейницу войти с венским кабинетом в конфиденциальные переговоры, чтобы договориться о путях и средствах действия.

По его мнению, первое, что надо было бы сделать, это приступить к обмену информациями о развитии и направлении социалистической организации, а также признать следующий принцип: социалистические угрозы против жизни и собственности, подобные тем, которые имели место в Париже, входят в категорию общеуголовных преступлений, а не преступлений политических.

Заканчивая, князь Рейс известил меня, что в ответ на циркуляр г. Ж. Фавра от 6 июня, в котором французский министр указывает европейским

правительствам на опасности Интернационала, князь Бисмарк адресовал в Париж депешу, заявляя, что он разделяет опасения г. Ж. Фавра, что их мнения совпадают и что он готов действовать совместно *.

Вестман.

Поверенный в делах России в Вене Александру II.

Донесение № 87. Вена, 16/28 июня 1871 г.

Ваше величество,

Граф Бейст любезно подтвердил мне, что венский и будапештский кабинеты согласились на удовлетворение желания, формулированного в циркуляре г. Жюля Фавра о беглецах Парижской коммуны. Мерой, относительно которой пришли к соглашению, будет немедленный арест всякого обвиняемого, указанного нотой французского посольства в Вене. Предварительное заключение, которое конечно не должно превышать срока, положенного австрийским и венгерским кодексами, даст таким образом время республиканскому правительству сопроводить свое извещение быстрым сообщением материалов судебного следствия. Получивши эти материалы, обычные суды произведут следствие и выскажутся, должна ли иметь место выдача или освобождение обвиняемого.

Пребываю и пр. Н. Васильчиков.

Вестман Горчакову **.*

Доклад. С.-Петербург, 21 июня [3 июля] 1871 г.

Отъезд Фредерикса представляет для меня превосходную оказию, которой я спешу воспользоваться, чтобы доставить вашему сиятельству вторую папку документов ***. Первая была передана со Штаалем.

Там я присовокуплял копии моих докладов императору о французских военнопленных и о сообщении, сделанном мне князем Рейсом по поводу тех опасностей, которым подвержен социальный порядок европейских государств вследствие устрашающего развития социалистических идей.

Этот последний доклад еще не вернулся из Эмса.

Граф Шувалов по приказу императора прислал мне докладную записку министра юстиции о политической выдаче. Это совсем не короткая заметка, как уверял меня заместитель графа Палена, но весьма пространная докладная записка. Она устанавливает различие, — вполне рациональное конечно, — между политическими преступниками, как те, кто проявил себя недавно в Париже, и простыми политическими эмигрантами, эмигрировавшими вследствие своих мнений или попытки произвести перемены в правлении. Первые, коих следует причислить к категории общеуголовных преступников, могут быть выданы; вторые продолжают пользоваться правом убежища.

Эти принципы должны были бы быть облечены в форму интернационального акта ****.

---

* Помета Александра II: *«Надеюсь, это не останется без результатов»*.

** На черновике помета: «Вильбаден».

*** Упоминаемых в докладе приложений в деле нет.

**** В скобках по-русски: «международное соглашение».

Привести европейские государства к подписанию международного акта такого рода было бы, мне кажется, иллюзией. Не потому, что какое-нибудь государство посмело бы открыто отвергнуть столь справедливые и столь рациональные принципы, но потому, что было бы почти невозможно наметить демаркационную линию между двумя категориями политических преступлений.

Возвращая графу Шувалову докладную записку, я сопроводил ее частным письмом, копию которого позволяю себе приложить при сем *. Я адресовал ему это письмо потому, что докладную записку я получил от него, и потому, что бумаги, переданные мною на рассмотрение императора, мне возвращены от шефа жандармов ** и, наконец потому, что политическая выдача является вопросом, особо интересующим III отделение.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Вестман.

Вестман Окуневу.

Письмо. С.-Петербург, 26 июня/8 июля 1871 г.

Доверительно.

Чиновник азиатского департамента г. Базилевский отправляется в отпуск в Париж. Я пользуюсь этим, дорогой Окунев, чтобы передать вам довольно обширную папку дипломатических документов. Особенно рекомендую вам доклады наших агентов о развитии социалистических идей и об устрашающем прогрессе рабочего вопроса.

Среди этих докладов доклад Гамбурга (который был мною уже переслан при последней передаче) является наиболее практичным, потому что он старается по крайней мере указать если не радикальные средства исцеления, то по крайней мере достаточно серьезные паллиативы. Если вы сочтете возможным почерпнуть там некоторую новую информацию, полезную для французского правительства, передайте ему, чтобы продемонстрировать наше доброжелательство и особенно чтобы побудить его к взаимности.

Ваш Вестман.

д'Убри Вестману.

Письмо. Берлин, 29 июня/11 июля 1871 г.

Конфиденциально.

Дорогой друг,

. . . . . .

. . . . . .

Граф Шувалов говорил мне здесь во время своего проезда с императором о докладной записке, выработанной министром юстиции. Он беседовал об этом с князем Бисмарком и остался доволен тем, как была принята эта записка.

. . . . . .

. . . . . .

Галау сказал мне: «Я думаю, что для того, чтобы достигнуть практических результатов, не следует требовать слишком многого. Например

* В деле ее нет.

** «От шефа жандармов» написано по-русски.

было бы трудно, если не невозможно, определить, что подразумевают под политическим преступлением. Предпочтительнее было бы объявить, что преступления, аналогичные тем, которые совершались Парижской коммуной, не могут быть рассматриваемы как преступления политические. Таким образом негативно достигнут этого определения и желательной цели».

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. П. д'Убри.

Бруннов Александру II.

Доклад № 1*. Дармштадт, 8/20 июля 1871 г.

Его императорскому величеству.

Накануне моего отъезда из Лондона я просил лорда Гренвиля дать мне возможность сдать отчет императору о том суждении, которое правительство ее величества королевы британской имеет относительно вопроса общего интереса, касающегося не только одной Англии, но всех вообще регулярно организованных государств. Этот вопрос, по моему мнению, господствует над положением всей Европы. Он состоит в том, чтобы серьезно исследовать, что должны делать и могут делать государства, желающие поддержать порядок и мир, чтобы предохранить цивилизованный мир от опасности пропаганды социалистических и коммунистических доктрин, составляющих поистине несчастие и позор нашей эпохи.

Я сказал, что, запрашивая конфиденциально по этому поводу без прямых инструкций моего кабинета, я нисколько не собираюсь начинать преждевременное обсуждение, но что мне очень хочется получить возможность точно передать императору мнение британского правительства по вопросу общего интереса, который отныне будет влиять на общий покой всех стран.

Первый государственный секретарь, оценив дружеские намерения, продиктовавшие мои слова, ответил мне, что он без всяких колебаний сам приглашает меня непосредственно передать императору изложение тех фактов, о которых я имею честь дать вашему величеству отчет.

Положение Англии затруднительно. Оно требует оглядок, необходимость которых должна чувствовать всякая отрасль управления. Прежде всего необходимо, чтобы правительство, какое бы оно ни было, сумело замкнуться в строгие рамки легальности. Никакое министерство не может осуществлять актов власти вне процедур, предписанных законом. Более того, всякая администрация должна считаться с общественным мнением и, признаемся, с предрассудками страны. Одной из наиболее вкоренившихся в национальное сознание Англии идей является идея о ненарушимости права убежища, которым пользуется иностранец, как только он вступил на английскую почву.

Однако закон предвидит случаи, когда преступление, совершенное за пределами этой страны, дает полномочия на выдачу преступника. Эти случаи предусмотрены договорами между некоторыми государствами. Англия связана с Францией взаимными обязательствами.

* Доклад № 1 и ниже печатаемый доклад № 2 являются приложениями к письму Бруннова Александру II из Дармштадта от 9/21 июля 1871 г.

Правительство ее величества королевы британской будет готово выполнить те обязательства, которые следуют из договоров.

Лондонский кабинет уже высказался в этом духе в ответ на представления нынешнего французского правительства.

При нынешних обстоятельствах всякий английский магистрат будет итти так далеко, как это окажется возможным по закону, чтобы провести выдачу какого-нибудь субъекта, виновного в соучастии в преступных актах, театром которых к несчастию сделалась Франция. Убийцы и поджигатели тщетно будут требовать по отношению к себе неприкосновенности по праву убежища.

С этой точки зрения, ужасные сцены, которые недавно залили кровью парижские улицы, произвели в Англии спасительное впечатление, потому что здравый смысл, существующий еще среди широких масс этой страны, подсказывает англичанину, что не следует оставлять безнаказанными преступления, подвергающие опасности человеческую жизнь или неприкосновенность собственности.

Таким образом страдания Франции стали страшным поучением для Англии!

Этот факт был только что констатирован в одной замечательной работе, которую министр внутренних дел представил кабинету в эти дни.

По просьбе главы кабинета достопочтенный мистер Брюс (Bruce) предпринял специальное исследование, как сильно коммунистические доктрины континента повлияли на рабочий класс столицы и промышленных районов Англии.

Результат этого исследования представляется утешительным.

Вне всякого сомнения между английскими рабочими существуют соглашения для поддержания стачек, направленных к увеличению заработной платы и к уменьшению рабочего дня. Но до сих пор союзы, заключаемые между рабочими, преследуют только материальный интерес. В этом движении нет ничего политического. Французские агитаторы не произвели никакого действия на широкие массы этой страны. До сегодняшнего дня Англия испытывает внутренне присущее ей отвращение к иностранцам, — это и составляет ее охрану! Особенно французы не нравятся англичанам.

Агитаторы, являющиеся из Германии, — вот кто заслуживает наибольшего внимания со стороны полиции [141].

Таковы оценки исследования министра внутренних дел, только что сообщенные мне лордом Гренвилем в своих основных чертах.

Тут я не преминул передать первому государственному секретарю одно соображение, которым я был ему обязан в обмен на его доверительное сообщение.

Я сказал ему без обиняков, что английскому кабинету грозят большие неприятности, если он будет слишком спокоен за свое положение и если сознание собственной безопасности сделает его безучастным к тем беспокойствам, которые испытывают континентальные государства.

«Вы недостаточно знаете, — сказал я лорду Гренвилю, — какое зло причиняет вам ваше безразличие, за которое вас повсюду упрекают, к вопросам, касающимся общего спокойствия и социального порядка в Европе!»

Лорд Гренвиль высказал мне свою признательность за ту искренность, с которой я поделился с ним этой мыслью.

Он понял ее истинность! Лично ему не нравится та моральная изоляция, в которую все более и более попадает Англия по своей собственной вине! Он хотел бы искупить этот упрек — по крайней мере до некоторой степени — любезностью формы.

«Не думайте, — сказал он мне, — что намерением правительства ее величества королевы Британии является отклонять всякие дружеские сообщения об опасностях, которые могут последовать из пропаганды социалистических доктрин. Напротив, вы всегда найдете меня расположенным к обмену с вами наших идей и наших информаций по такому поводу, который может представить для обоих наших кабинетов взаимный интерес. Так я действовал и по отношению к послу Германии. Такого же поведения я буду держаться и с герцогом Брольи. Единственно чего я не могу сделать, это обещать сделать больше, чем то, что я смогу выполнить.

Наша администрация бессильна против всякого лица иностранного происхождения, пока оно не даст повода к жалобе, совершив акт, противный закону.

Некогда, когда был в силе закон об иностранцах (Alien bill) [142], мы имели право выслать из пределов королевства нежелательного иностранца под нашу министерскую ответственность. Но сейчас предположите, что французское правительство сообщит нам об опасениях, которые внушает ему присутствие императора Наполеона в Чизлхорсте, мы не будем в состоянии удовлетворить требование, которое может быть нам направлено, чтобы положить конец его пребыванию в Англии, если бы даже оно стало беспокойным для Франции и неудобным для нас».

Бруннов.

Бруннов Александру II.

Доклад № 2*. Дармштадт, 8/20 июля 1871 г.

Его императорскому величеству.

Герцог Брольи по возвращении на свой пост выразил желание побеседовать со мною о положении вещей во Франции и об информации, которая могла бы представить некоторый интерес для вашего императорского величества.

Прежде всего этот посол выразил мне в изысканных выражениях то чувство признательности, которое испытывает глава нынешней исполнительной власти вследствие интереса, проявляемого к нему в С.-Петербурге.

Г-н Тьер живо чувствует цену моральной поддержки, следующей из того одобрения, которое имперский кабинет выражает его личным усилиям, направленным к восстановлению порядка в самых трудных и тяжелых обстоятельствах. Он будет продолжать выполнение этой задачи так же энергично и мужественно.

Его поведение было благожелательно встречено в Петербурге, в то время как его часто плохо ценили в Англии. Этот контраст целиком идет на пользу России. Г-н Тьер признает и помнит это.

. . . . . .

. . . . . .

* См. примечание на стр. 190.

Закончив нашу беседу о положении вещей во Франции, я счел полезным поставить в известность герцога Брольи о тех объяснениях между мною и лордом Гренвилем, о которых дает отчет мой предыдущий доклад.

Резюме, которое я только что довел до сведения вашего императорского величества, находится в полном согласии с личными впечатлениями посла Франции. Он отдает должное благожелательству первого государственного секретаря ее величества королевы британской. Он (Брольи) ценит любезность, которую этот министр умеет соблюсти в своих речах. Но он весьма мало рассчитывает на практический эффект английского образа мысли в вопросе о выдаче. Он не предвидит здесь никакого положительного результата.

По мнению моего французского коллеги, нынешняя администрация Англии нуждалась бы в восстановлении старого закона о выдаче, чтобы быть в состоянии действовать с достаточным успехом против вожаков пропаганды с континента. Но для того чтобы добиться восстановления старого закона, ныне потерявшего силу, английские министры должны были бы приготовиться к парламентской борьбе, которую они однако не имеют сил предпринять с надеждой на успех.

При нынешнем состоянии дезорганизации палаты общин было бы немыслимо ожидать от кабинета Гладстона такого шага, который совершенно ему не по силам.

Герцог Брольи разделяет на этот счет убеждения, сложившиеся у г. Тьера во время его пребывания в Англии.

Личные оценки моего французского коллеги могут быть резюмированы в двух строках. По его мнению, Гладстон, это — мечтатель. Гренвиль, пользуясь выражением Брольи, это только любезный министр.

Говоря по правде, герцог Брольи сохраняет недоброе чувство по отношению к одному и другому министру, потому что они не поддержали более решительно интересов Франции!

Это воспоминание не скоро изгладится из памяти государственных людей, которые стоят сейчас во главе дел в Париже.

Сердечное согласие кончилось. Это один из наиболее решительных результатов 1870 г.

Со своей стороны, Россия конечно не может жаловаться на то, что эта система западного альянса сокрушилась под влиянием событий.

Бруннов.

Коцебу Александру II.

Донесение № 20. Дрезден, 12/24 июля 1871 г.

Ваше величество,

Вопрос об Интернационале должен как будто вступить в новую фазу.

Правительства начинают принимать его всерьез. Они убедились, что если даже не принять возможности конечной победы злоумышленников, самое их существование представляет ненормальное состояние вследствие постоянной угрозы беспорядков.

Князь Бисмарк пригласил дрезденский кабинет предложить меры, которые следовало бы принять совместно, чтобы противопоставить серь-

езное препятствие проискам международной ассоциации, но саксонский министр иностранных дел признался мне, что он не нашел достаточно действительных мер и что он отчаялся в возможности их найти, по крайней мере если не удастся ввести соответствующие изменения в законодательство.

Новый немецкий уголовный кодекс карает преступления государственной измены только в том случае, когда имеется начало осуществления; подготовительные акты для него недостаточны. Ну, отделить «начало осуществления» от кровавой идеи трудно; в большинстве случаев такой закон не предупредит преступления.

Более того, нужно рассматривать как препятствие энергичным мерам законы о праве собраний и учреждение присяжных для политических преступлений и правонарушений. Бьющие в глаза примеры доказали — по крайней мере что касается Саксонии, — что правительство никогда не может добиться осуждения. Присяжные, вышедшие из класса безобидной буржуазии, должны были бы как будто бояться за свой покой и осуждать тех, кто ему угрожает; но угроза может еще не сопровождаться исполнением, и тогда нет опасности ощутимой и видимой, тогда как за обвинительным вердиктом немедленно последует месть, притом месть, поражающая лично всех, кто вынес обвинительный вердикт. Вот основа зла. Они предпочитают ожидать общей опасности, чем лично ей подвергаться. Более того, барон Фризен утверждает, что в рейхстаге с трудом можно будет добиться изменения законодательства по этому поводу. Было бы невозможно принимать специальные законы против Интернационала, такие законы нужно обобщить. А обобщая эти законы, можешь поставить под угрозу все передовые партии; значит, эти партии будут остерегаться ковать оружие против себя самих.

В ожидании саксонское правительство приняло такую систему, которая снабжает его на некоторое время паллиативом. Местные полицейские управления по собственному почину запрещают социалистические собрания, а министерство остается глухо к протестам их организаторов против незаконности таких запрещений. Такой способ действия является благом на данный момент, но только для того, чтобы увеличить зло в будущее время, возбуждая отвагу ассоциации. Она уже созвала на середину августа большой социалистический конгресс, который должен собраться в Дрездене перед глазами самого министерства, и вожаки открыто заявляют, что они нарушат запрещение. Интернационал принимает борьбу, о чем быть может не нужно жалеть: правительства лишний раз увидят, с какого сорта людьми им приходится иметь дело, и объединятся несколько раньше на тех строгих мерах, которые следует принять.

Чтобы дополнить свой всеподданнейший доклад, мне остается отметить два симптома: один, угрожающий, это — недавняя организация в Австрии сельских ассоциаций, с помощью которых социалисты надеются провести свое влияние в деревенское население, другой симптом, отрадного характера, проявляется в прессе: после Парижской коммуны немецкие газеты, даже органы «прогрессивной партии» *, заполняют свои

* Написано по-немецки: «Fortschrittspartei».

столбцы статьями против Интернационала, который они раньше презирали или делали вид, что презирают. Это настоящий крестовый поход, за которым нельзя отрицать некоторой доли влияния на умы.

Пребываю и пр.

Коцебу.

Окунев Вестману.

Донесение № 116. Париж, 16/28 июля 1871 г.

Г-н сенатор,

Национальное собрание предполагает в конце августа разойтись на вакации. Они продолжатся один-полтора месяца.

Кроме необходимости отдыха, которую испытывают депутаты после сессии, исполненной трудов и волнений, прервать заседания палаты предписывает необходимость вернуться в департаменты для присутствия при выборах в генеральные советы.

Но раньше чем разойтись, Собрание должно будет еще продискутировать несколько важных законопроектов.

Между прочим оно должно будет заслушать в третьем чтении закон о департаментах, который только что был вотирован в первом и во втором чтениях.

Этот закон, автором которого является назначенная палатой комиссия децентрализации, дает удовлетворение тем требованиям реформы, которые давно уже распространены в общественном мнении.

Закон имеет целью положить конец чрезмерной централизации французского управления, передав часть атрибутов власти префекта комиссии, избираемой генеральными советами.

Эти комиссии, в которых председательствовать будет один из их членов, не будут иметь права выражать политические мнения, но должны будут осуществлять над префектами активный контроль.

Тенденция к децентрализации, которую выражают депутаты правой, находит ныне решительных противников в республиканской партии, во время империи защищавшей эту самую тенденцию. Мотивом изменения позиции является убеждение сторонников этой партии, что республика окончательно укрепилась во Франции. Вследствие этого они стремятся гарантировать себя заранее от возможных захватнических стремлений со стороны генеральных советов, составленных по большей части из крупных земельных собственников, принадлежащих к монархической партии.

Собрание должно будет также продискутировать, раньше чем разойтись на вакации, вопрос о разоружении национальной гвардии в провинции.

В палату была представлена петиция за подписью 160 депутатов правой с требованием немедленного разоружения всей гражданской милиции во Франции.

Я уже передавал в одном из предшествовавших докладов, что г. Тьер, боясь конфликтов, могущих явиться следствием разоружения, выразил мнение, что нужно найти средство, которое позволило бы произвести разоружение, не прибегая к насильственным мероприятиям. По его мнению, проект закона о реорганизации армии предоставляет легальное и тем самым более легкое решение этой проблемы. Действительно, этот проект, выдвигая принцип обязательной службы всех французов, отнимает

у национальной гвардии смысл ее существования. Мнение г. Тьера как будто одержало верх в президиуме. Но поскольку доклад о реорганизации армии еще далеко не закончен, а, с другой стороны, палата не желает разойтись, не разрешив вопроса о разоружении, было решено выделить из проекта закона некоторые статьи и между прочим те, которые устанавливают обязательную службу. Их вотируют отдельно, для того чтобы быть в состоянии решить в то же время вопрос о роспуске национальной гвардии.

Этот роспуск национальной гвардии настойчиво требуется не только большинством Национального собрания, но равно и консервативным общественным мнением. Впрочем нельзя не согласиться, что эта мера вынуждается обстоятельствами. Действительно, радикальная партия, временно побежденная в Париже, не отреклась от себя в провинции. Пожары дворца в Нанси и архиепископств в Бурже и в Периго, вспыхнувшие почти одновременно, могут быть приписаны только коммунарам [143], чем доказывается, что с их стороны можно бояться всего и что общее разоружение необходимо для восстановления общественного мира. Остается узнать, располагает ли правительство достаточными для этой операции войсками и представляет ли армия необходимые гарантии.

Третий законопроект, по которому должна будет высказаться палата, носит черты нового налога, предложенного правительством для заполнения дефицита исправленного бюджета, представленного министром финансов. Представляется, что бюджетная дискуссия будет перенесена на следующую сессию Собрания; но новые налоги должны быть вотированы сейчас же. Они являются предметом полного расхождения между г. Тьером и финансовой комиссией палаты, которая особенно отказывается принять налоги на сырье, предложенные председателем совета, но г. Тьер как будто уверен, что он сумеет победить ее сопротивление.

Таковы главные предметы дискуссии, которую можно предвидеть до роспуска Собрания.

Правая часть Собрания хотела бы разрешить еще один вопрос, именно — об окончательном пребывании министерств в Версале. Имеются два проекта: один исходит от г. Равинеля, члена крайней правой, и требует перевода центральной администрации в нынешнюю резиденцию Национального собрания; другой исходит от г. Воловского, нового депутата Парижа, и предлагает палате немедленно вернуться в столицу [144].

Но, по требованию г. Тьера, эта дискуссия, разделяющая Собрание на два диаметрально противоположных лагеря, отложена. Председатель совета, как и все министры, очень хочет убедить Собрание вернуться в Париж по тем мотивам, которые я имел честь привести в своем докладе императорскому министерству еще из Бордо, когда вопрос о лишении Парижа звания столицы был поставлен в первый раз. Министр поддерживается всей республиканской партией, в то время как правая противится этому вследствие тех соображений, которые я равно изложил в том же докладе. Г-н Тьер надеется, что, перенеся дискуссию на зимнюю часть сезона, когда пребывание в Версале станет почти нестерпимым, он найдет менее упорное сопротивление, и ему будет легче одержать верх.

Примите и пр.

Окунев.

Окунев Вестману.

Донесение № 118. Париж, 16/28 июля 1871 г.

Господин сенатор,

Военный суд, долженствующий судить членов Парижской коммуны, арестованных при вступлении войск в столицу и содержащихся в версальских тюрьмах, еще не имел возможности начать свои заседания. По желанию правительства должен быть составлен общий обвинительный акт, куда будут включены все главные виновники. В силу этого возникает необходимость отложить суд над теми из обвиняемых, следствие о коих уже закончено, до того времени, пока будут собраны материалы по всему процессу вообще. В то же время и по мере того как производится следствие, обнаруживаются новые преступники, и беспрестанно происходят все новые и новые аресты. Таким образом следствие все более и более расширяется и еще не может быть закончено, вопреки всем стараниям военного суда, в помощь коему были приданы органы гражданской магистратуры.

Правительство убеждено, что несколько главарей Коммуны, в том числе Клюзере и Феликс Пиа, находятся еще в Париже.

Оно убеждено, что они там скрываются и что им удалось до настоящего времени укрыться от самых тщательных розысков. Последние еще продолжаются, и здесь еще надеются, что этих двух корифеев революции все же удастся захватить. Депутаты крайней правой Национального собрания, ища повода для новых нападок по адресу главы исполнительной власти, приписывают задержку в открытии деятельности военного суда тайному желанию г. Тьера дать улечься злобным настроениям, чтобы общественное мнение сделалось более доступным голосу милосердия. Кажется однако обвинение это лишено всякого основания, и, если верить разъяснениям, данным мне г. Жюлем Фавром, эта вызывающая неудовольствие задержка не имеет иных причин, кроме указанных [145].

Примите и пр. Окунев.

Поверенному в делах России в Париже.

Записка *. Париж, [21 июля] 2 августа 1871 г.

Эти списки неполны. Они содержат приблизительно только 5 тыс. имен, имеется же 13 600 заключенных в Бресте, около 4 тыс. в Шербурге и всего 27 тыс. в морских портах [146].

Так в этих списках не фигурируют: ген. Валигорский, Ланецкий и Зубровский, посланные в Брест, так же как эмигранты Орловский, Матушевич, Козуховский, Михаловский, Лукасинский, Пашковский, Повятовский, Юлиан Бабинский, Луковский, Ширма, Прушинский, Ландовский, Мельницкий, Вильковский, Вогутский, Подбереский, Моравский, Костржевский, Бабинский и другие, все арестованные на месте преступления.

Мне известно, что 65 поляков были захвачены с оружием в руках и пойдут под суд, 6 находятся в бегах (я говорю о тех, которые коман-

* Помета карандашом другой рукой: «Копию на бумагу для депеши». Записка представляет собою очевидно донесение секретного осведомителя парижского посольства, приложенное к депеше Окунева Вестману за № 276 от 29 июля/10 августа.

довали батальонами), 7 умерли от ран, в том числе Бонольди, 33 расстреляны. Эти данные плохо согласуются с отчетом комитета. Что будет, когда будут получены все списки? *

Подпись: Z.

Икскуль Вестману.

Депеша. Флоренция, 25 июля/6 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Шифром: Некий Бнинский, принадлежащий к Интернационалу, сделал мне разоблачение относительно беспорядков, которые, по его словам, должны произойти в Варшаве. Я дал телеграфный отчет об этом графам Бергу и Шувалову. В подтверждение своих сообщений Бнинский продал мне четыре прилагаемых при сем документа **. Три из них относятся к посылке в Варшаву взрывчатых веществ, четвертый содержит фамилии членов польского комитета. Я заплатил Бнинскому 400 франков, отнесенных мною за счет чрезвычайных расходов. Ваше превосходительство сочтет быть может полезным сообщить эти документы графу Шувалову.

Примите и пр.

Икскуль.

Поверенный в делах России в Берне Вестману.

Донесение № 29. Берн, 30 июля/11 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Своим докладом от 18/30 мая за № 18 *** г. Гирс имел честь информировать ваше превосходительство, что федеральное правительство, принужденное высказаться по поводу своей линии поведения, в случаях, если члены Парижской коммуны, укрывшиеся в Швейцарии, будут потребованы французским правительством, оставило за собой право исследовать в каждом отдельном случае, должен ли данный субъект быть рассматриваем как общеуголовный преступник или нет.

Сейчас представился случай, предусмотренный этой декларацией.

Маркиз Шаторенар, представитель Франции в Берне, адресовал по распоряжению своего правительства федеральному совету требование о выдаче множества членов и приверженцев Парижской коммуны, укрывшихся в Женеве. Он предъявил в подтверждение своей просьбы, согласно условиям договора о выдаче, заключенного в 1869 г. между Францией и Швейцарией, законно изданные приказы об аресте соответствующими инстанциями. Федеральный совет немедленно распорядился арестовать обвиняемых, но схватить удалось только некоего Разуа (Razoua) [147], бывшего зуава и журналиста, который, будучи всего только простым солдатом, был произведен Коммуной в чин подполковника и назначен командовать военной школой. Этот субъект обвиняется в активнейшем участии в жестокостях Коммуны; утверждают даже, что он публично хвастался в Женеве тем, что он поджигал парижский ломбард. Однако

---

* Последние две фразы зачеркнуты.

** В деле этих приложений нет. На полях депеши помета: «Приложения остались у графа Шувалова с копией этой депеши».

*** См. стр. 166.

его язык совершенно изменился после ареста. Он уверяет, что никогда не участвовал в Коммуне и ограничивался выполнением своих функций как начальник военной школы.

Федеральный совет, следуя той линии поведения, которую он себе заранее наметил, и пользуясь правами, которые обеспечены ему договором о выдаче, попросил у французского правительства объяснений о природе правонарушений или преступлений, вменяемых этому Разуа.

В данный момент дело находится в этой стадии, но радикальная швейцарская пресса, нимало не озабоченная теми объяснениями, которые должны быть здесь получены через некоторое время, требует немедленного освобождения заключенного и утверждает, что его выдача была бы нарушением права убежища. Федеральному совету адресуются петиции в том же духе.

Можно опасаться, как бы шум, поднятый прессой, и возбуждение, царящее среди рабочего населения Женевы, обрабатываемого Интернационалом, не повлияли на решение правительства. В хорошо осведомленных кругах полагают, что выдача будет решена только в случае представления французским правительством документов за подписью самого Разуа, констатирующих неопровержимым образом его участие в преступлениях Коммуны. Ну, а подобные доказательства едва ли могут быть представлены, поскольку Разуа, как утверждают, озаботился уничтожить все документы, которые устанавливали бы его виновность. С другой стороны, почти невозможно верить в его невиновность, и даже те, кто вступается за него, не стараются его оправдывать, но только представляют его акты как действия чисто политические, не имеющие отношения к уголовному праву.

Ввиду того значения, которое радикалы этой страны придают разрешению этого дела, отказ в выдаче со стороны федерального правительства было бы явлением очень печальным, потому что это послужило бы к ободрению тех людей без рода и племени, деклассированных элементов со всего света, которые находятся в Швейцарии и особенно в Женеве, занимаются революционной пропагандой и открыто провозглашают свое одобрение преступлениям Парижской коммуны.

Я почту своим долгом довести до сведения вашего превосходительства о решении, которое примет федеральный совет относительно выдачи Разуа [151].

Примите и пр. А. Давыдов.

Икскуль Вестману.

Письмо. Ливорно, 1/13 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Секретной депешей, которую я имел честь адресовать вашему превосходительству, я передавал несколько документов, проданных мне неким Бнинским, который именует себя членом Интернационала. Эти документы касаются подробностей так называемого проекта поджечь некоторые кварталы Варшавы.

Признаюсь, что разоблачения подобного рода внушают мне только очень ограниченное доверие; тем не менее я счел своим долгом дать о них отчет императорскому министерству, чтобы поставить его в возможность судить о значении этих данных.

Сейчас я почти уверен, что был введен в заблуждение, и могу только сожалеть, что поддался в минуту сомнения.

В течение нескольких дней во Флоренции и в Риме распространяется куча документов, приобрести которые предлагалось последовательно многим моим коллегам*.

. . . . . .

. . . . . .

Приобрести несколько документов, исходящих от Интернационала и от разных комитетов этой ассоциации, было предложено посольствам Англии и Бельгии.

. . . . . .

. . . . . .

Никто из этих субъектов не оставляет своего адреса, но я имею основания думать, что лицо, именуемое Бнинским, участвует в этой банде торговцев фальшивками.

Отсутствие всякой администрации в этот момент переезда [148] благоприятствует этому роду спекуляции. Прямо-таки не знаешь, к кому адресоваться, чтобы положить конец этой эксплоатации**.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Икскуль.

Икскуль Вестману.

Телеграмма***. Ливорно, [2] 14 августа 1871 г.

Имею основание думать, что документы****, переданные вам в последний раз шифрованным докладом, поддельны. Подробности письмом.

Икскуль.

Поверенный в делах России в Мадриде Вестману.

Донесение № 17. Мадрид, 7/19 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Некий Лафарг, член Интернационала, изгнанный из долины Андорры, куда он сумел проникнуть, скрываясь от преследования властей Нижних Пиринеев, только что арестован в Гуэске и передан в распоряжение французского правительства, которое повидимому придает большое значение захвату этого опасного и влиятельного лица [149].

Примите и пр. Сидорович.

Икскуль Вестману.

Донесение № 66. Флоренция, 15/27 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Ваше превосходительство соблаговолит быть может вспомнить, что министр внутренних дел приказал неаполитанской префектуре распустить комитет Интернационала.

---

* Последний абзац очеркнут карандашом.

** Последний абзац очеркнут карандашом.

*** Подлинник озаглавлен: «Копия секретной телеграммы барона Икскуля г. Вестману, из Ливорно от 2/14 августа 1871 г.» Внизу помета: «Направлено в архив».

**** Помета Александра II: *«Какие документы?»*

В силу этого министерского декрета полицейские и судебные власти произвели 20 сего месяца обыск в бывшем монастыре Сен-Северо Пендино, где помещался этот комитет, и одновременно в домах у некоторых членов этой ассоциации.

Меня уверяют, что не было открыто ничего существенного ни в монастыре Сен-Северо, ни в доме г. Джустиниани, председателя этого комитета.

Представляется однако, что домашний обыск у некоего г. Кафиеро доставил в руки правосудия несколько писем от главарей Интернационала, живущих в Лондоне.

Не премину попросить по этому поводу разъяснений у г. председателя совета министров.

Примите и пр. Икскуль.

Сидорович Вестману.

Донесение № 19. Мадрид, 16/28 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Французский посол не сомневался, что он оказывает большую услугу своему правительству арестом, произведенным в Гуэске под его влиянием, Поля Лафарга, зятя Карла Маркса, одного из известнейших главарей Интернационала. Но к его великому изумлению, французское правительство известило его, что, поскольку в его руках не оказалось ни одного судебного акта, который бы констатировал предполагаемое преступление этого лица, оно не считает возможным требовать его выдачи. Тем не менее маркиз Буйе уполномочен благодарить испанское правительство за его любезную готовность, проявленную им в этом деле. Вследствие чего г. Лафарг был немедленно освобожден и, как утверждают, предполагает в скором времени обосноваться в Мадриде.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр. Сидорович.

Вестман Александру II.

Доклад. С.-Петербург, 16 [28] августа 1871 г.

Германский поверенный в делах по распоряжению своего правительства сделал мне устное сообщение о свидании в Гаштейне. Он сказал мне, что там не подписали никаких обязательств и что это впрочем никогда и не входило в намерения. Основой беседы служили дела Интернационала и социализма. Беседа должна была установить и укрепить добрососедские отношения между двумя империями и сгладить воспоминания 1866 г. Была дана взаимная гарантия о невмешательстве во внутренние дела друг друга. 6 сентября нового стиля император Германии будет в Зальцбурге, где он снова встретится с императором Францем Иосифом [150].

Вестман.

Васильчиков Вестману.

Донесение № 107. Вена, 18/30 августа 1871 г.

Г-н сенатор,

Больше месяца назад лорд Блумфильд сообщил мне, что он передал графу Бейсту обширную записку лорда Гренвиля об Интернационале с

приглашением сообщить о соображениях австро-венгерского правительства по рабочему вопросу.

Вскоре после этого представитель Германии сделал аналогичное заявление австро-венгерскому канцлеру; но ген. Швейниц поведал мне, что он нашел графа Бейста довольно индиферентным и бездеятельным по отношению к этому предмету.

Когда мне представился редкий случай встретиться с председателем цислейтанского совета министров графом Гогенвартом, он мне сказал: «Я считаю возможным утверждать, что Интернационал еще не пустил у нас корней; впрочем я наблюдаю за его вожаками».

Барон Альденбург, вернувшийся из отпуска, чтобы заместить барона Орши, сказал мне вчера, что князь Бисмарк в разговоре с графом Бейстом вернулся к важному вопросу о разрушительной ассоциации и что в результате этой беседы комитет, составленный на ad hoc в Вене из представителей всех компетентных министерств, получил распоряжение ускорить свои работы. Результаты этих работ будут немедленно переданы к сведению всех европейских держав, равно заинтересованных в том, чтобы остановить развитие современного социального бича.

Примите и пр.

Н. Васильчиков.

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

Париж, [18] 30 августа 1871 г.

Правительству г. Тьера нехватает прежде всего престижа и уважения. Зато новая республиканская идея не имеет недостатка ни в силе, ни в доверии. Коммуна не сумела поколебать этой идеи, и если завтра объявят всеобщие выборы, народ подтвердит и санкционирует республику. Монархические партии и буржуазная аристократия знают это слишком хорошо, вот почему они всеми силами сопротивляются роспуску Собрания.

. . . . . .

. . . . . .

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Различные сведения».

Париж, [20 августа] 1 сентября 1871 г.

. . . . . .

. . . . . .

Сейчас больше 20 тыс. рабочих портных и больше 20 тыс. рабочих сапожников арестованы и сидят на понтонах или в других местах. После того как кончится сессия (la jugerie) военно-полевого суда 1-й военной дивизии, заседающей в Версале, недельки через две начнется очередь второй партии обвиняемых, заключенных в Венсенском форте, в полицейской префектуре и в других местах; общее их число насчитывают примерно, в 12 тыс. Никогда не видели большей гнусности и большей ошибки как в смысле судебных преследований, так и в смысле политического

расчета. Это напоминает драгонады Людовика XIV, когда Франция обливалась кровью, предавая смерти или посылая в изгнание и на галеры своих протестантских подданных и тем лишая себя самым неблагоразумным образом лучших своих живительных соков и убивая одним ударом весь свой национальный труд и все богатства своей промышленности и торговли. В этом случае версальской Франции недостает гения плавных переходов, высшего чутья обстоятельств; она не видит того, что требуется положением, и свирепствует среди нации, для которой ненависть является пыткой, а примирение всех классов общества — национальным инстинктом и самой настоятельной необходимостью.

В Париже нехватает рабочих всех профессий, производство «Articles Paris» испытывает большие затруднения из-за отсутствия рабочих рук. Поэтому среди промышленного и торгового классов недовольство является всеобщим. К весне предвидят крупные несчастья, если этот недостаток рабочих рук продлится. Военному министру абсолютно нехватает рабочих, для того чтобы одеть и обуть войска. Не нужно большой проницательности, чтобы предвидеть, что подобное положение вещей не сможет разогнать тяжелые тучи, непрерывно собирающиеся между Парижем и Версалем[151]. Но есть ли время у Собрания подумать о стране? Главное его занятие — это поддержать и расширить свои привилегии, а занятие его членов — борьба друг с другом для достижения власти! Вот почему парламентаризм, в том виде как он обычно осуществляется, никогда не мог пустить корни в народной душе.

Г-н Тьер работает совместно с г. Ремюза-отцом над редакцией благодарственного послания, которое очевидно еще сегодня будет представлено Собранию.

Давыдов Вестману.

Донесение № 34. Берн, 24 августа/5 сентября 1871 г.

Г-н сенатор,

Своим докладом от 30 июля/11 августа за № 29* я имел честь довести до сведения вашего превосходительства, что по требованию французского правительства некий Разуа, назначенный Парижской коммуной на пост начальника военной школы, был арестован в Женеве, и федеральный совет запросил объяснений о природе тех преступлений, в которых его обвиняют.

После того требуемые объяснения были представлены, но, поскольку их нашли находящимися в противоречии с ордером на арест, на который опирается требование о выдаче, они были признаны недостаточными. Г-н Шенк заявил тогда французскому представителю, что если до 29 августа не представят сведений, устанавливающих виновность Разуа и совпадающих с положениями приказа об аресте, он будет освобожден ввиду невозможности продолжать до бесконечности его заключение.

То ли потому, что французское правительство не может представить затребованных объяснений, то ли потому, что оно побоялось получить отказ в выдаче заключенного, если даже его виновность будет удостоверена, требование о выдаче было взято назад г. Шаторенаром от имени своего правительства накануне дня, установленного для освобождения Разуа.

---

* См. стр. 198.

Можно очень пожалеть, что это дело получило такую развязку, потому что радикальная швейцарская пресса уже хвастает, что она принудила федеральное правительство освободить Разуа, и торжественно объявляет, что она не потерпит нарушения права убежища в Швейцарии. Объяснения, которыми г. Шаторенар снабдил взятие назад требования о выдаче, подвергнуты осмеянию во всей прессе, которая обращает внимание, что французское правительство отказалось от своих претензий только тогда, когда ему больше ничего не оставалось делать.

Недавнее выступление французского представителя перед федеральным советом, предпринятое, чтобы добиться ареста Феликса Пиа в Базеле, где, по сведениям агентов французской полиции, он якобы в последнее время укрывался, имело не больше успеха. Вице-президент Вельти, с которым я имел случай беседовать по этому поводу, утверждал, что Пиа никогда не был в Базеле и что сведения, имеющиеся во французском представительстве, совершенно не соответствуют действительности. Между тем г. Шаторенар был информирован, что Феликс Пиа позавчера покинул Базель в компании с Разуа и что они рассчитывают отправиться в Антверпен, чтобы оттуда добраться до Англии и затем до Америки. Бельгийское правительство было извещено об этом по телеграфу, и, если сведения агентов французской полиции верны, мы повидимому вскоре узнаем об аресте неуловимого Феликса Пиа.

Примите и пр. А. Давыдов.

Секретное донесение через брюссельское посольство — без обращения и без подписи.

«Ситуация»: Париж, [31 августа] 12 сентября 1871 г.

Национальное собрание имеет только одну идею, идею контрреволюции, которая стремится повернуть учреждения и общественное мнение на попятный путь традиций, предрассудков, несправедливостей и пороков прошлого. Оно не измеряет реальности вещей, но только свою репрессивную силу. Однако всегда ли эта сила будет служить контрреволюции? Контрреволюция злоупотребляет своей победой над Коммуной и столицей, использует усталость данного момента и боязливое настроение оппозиции, громит и сдерживает массы, — но до каких пор партии будут откладывать свои планы и свои надежды и на сколько времени страна стушуется перед случайным парламентским большинством, перед Собранием непредусмотрительным, бездарным и безжалостным, составленным только из обломков старых режимов — от цветов лилии до грязнобелого, истинного цвета орлеанизма и квази-легитимизма, как называл его Шатобриан? Как долго наконец страна будет молчать перед тем Собранием, которое бессильно вследствие своего разделения на четыре непримиримых политических лагеря и лишено всякой способности создать лучший порядок вещей?

. . . . . .

. . . . . .

Наконец система таможенных и торговых обложений также требует коренной реформы в духе справедливого распределения общественных тягот, в духе здоровых доктрин нашей эпохи. Но на какое спасительное вмешательство можно рассчитывать в этих жизненных вопросах полити-

ческой экономии со стороны того главы государства, который является протекционистом по принципу и который по вздорным мотивам отвергает прямой налог на прибыли? И однако наиболее серьезным вопросом дня является вопрос об отношениях гражданина и рабочего, капитала и труда. Ну так вот: в Версале о нем никто даже не думает, никто не имеет ни малейшего представления о нынешнем моменте и о будущем. Собрание забавляется бесплодными стараниями возвратить прошлое, хотя оно сделало бы лучше, если бы предоставило это прошлое забвению. Взбешенное и столь же слепое, как и трусливое, оно хотело бы покончить, чего бы то ни стоило, с социализмом и с Интернационалом, но для этого оно не употребляет никаких средств кроме репрессий. Эта теория не нова, она была теорией первой империи, теорией реставрации 1815 г., королевской власти 9 августа и Второй республики; все эти режимы скончались от этой эмпирической медицины. После кровавой борьбы 24 июня Кавеньяки и Сенары на парижских улицах дали первый урок пролетариату, но к чему это привело после относительно короткого интервала в 22 года? К социалистическому потрясению 18 марта и к узурпации Коммуны! И тем не менее этот достаточно красноречивый прецедент не помешал г. Тьеру и Собранию сделать новую, еще более широкую и исполненную произвола попытку действовать по этому драконовскому пути, потому что если опыт является единственным пророчеством для мудрых, то большинство государственных людей история, к сожалению, не обучает ничему. Улицы столицы пустынны, но, вырывая плевелы, привели к тому, что и доброе зерно исчезло в то же время. Рабочие перебиты или находятся на понтонах и на каторге, или скрываются из страха, или не выходят на работу из ненависти к режиму и к буржуазии. Ну, промышленность тем более терпит от их отсутствия, что ей пришлось благодарить немецких рабочих. Отсюда легко понять, что национальное производство не сумеет возродиться, все глохнет и останавливается. Беспокойство является всеобщим, и недовольство проявляется повсюду. Собрание не слишком этим занято. Оно предало Париж проклятию и при каждом случае извергает на этот великий город слишком обильные запасы своей желчи и, чтобы доказать окончательно, что им владеет мужество страха, продолжает настаивать на лишении его звания столицы. Это неблагоразумное и детское решение нанесет самый серьезный ущерб престижу и процветанию столицы и выроет глубокую пропасть и быть может даже новую пропасть несчастий между Парижем и Версалем. Это будет как будто нарочно подготовленная для новых потрясений почва!

Все чувствуют, что Собрание не является народом, что оно не действует в общих интересах страны, что оно занято только спорами о влиянии и о власти и что не из Версаля придет разрешение и исцеление. Поэтому все рассчитывают на контр-удар, на заговор, на реакцию со стороны народа. Указаний на это достаточно, так же как и преступных надежд. Уже давно по утрам на углах парижских улиц читают слова: «Все идет хорошо!» Это знак связи или ободрения демагогов, чтобы ускорить пришествие нового переворота.

. . . . . .

. . . . . .

Я заранее слышу крики осуждения, которые поднимаются за границей

против Франции из-за этого нового конвульсивного движения, которое сейчас подготовляется. За границей, — особенно в Пруссии, где однако старые учреждения в один прекрасный день распадутся в свою очередь, — в этом увидят подтверждение факту упадка французского народа. Решительно он умирает, скажут там, потому что он молодеет. Это слышали в начале первой французской революции, когда погибала абсолютная монархия; это слышали, когда вырождался феодализм, это слышали при падении теократии; это слышат сейчас, после Седана и революции 4 сентября, которая принесла с собой революцию 18 марта.

Но это ошибка. Периоды жизни народов так же медленны, как революция человеческого разума. Франция стара по своей истории, но она еще молода сердцем. Она будет иметь еще много режимов и много форм правления, она пройдет через множество кризисов, раньше чем исчерпает здоровую интеллектуальную силу, которой одарил господь ее расу. Есть верное средство не ошибаться в характере этих кризисов — это выяснить, какая стихия преобладает в революции. Если революции являются продуктом моральной идеи, разума, логики, надежд, стремлений, хотя бы несвоевременных и политически ложных, к лучшему порядку в государстве и обществе, — как это имело место в революции 4 сентября, — такие революции даже в своих катастрофах и в своих временных заблуждениях свидетельствуют о такой свежести и такой жизненности, которая нисколько не указывает на умирание человеческой расы. И даже потрясение 18 марта, несмотря на все свои бесчинства и разрушения, не было ли оно только логическим продолжением февральской революции (1848 г.) и новой вспышкой стремлений к осуществлению прав и интересов масс в обществе и государстве. Больше восьмидесяти лет тому назад в двери старого общества ломилось третье сословие, теперь очередь четвертого сословия, которое стремится в них проникнуть. Горе тем современным государственным людям, которые захотели бы оспаривать этот неоспоримый демократический феномен, который в данный момент волнует душу и возбуждает упование масс во всей Европе!...

Новиков Вестману.

Донесение № 112. Вена, 2/14 сентября 1871 г.

Милостивый государь,

Как уже имел честь сообщать вашему превосходительству г. Васильчиков в своем докладе 18/30 августа за № 107 *, князь Бисмарк пригласил графа Бейста ускорить работы Венского комитета по изучению рабочего вопроса в Европе.

В результате австро-венгерский канцлер передал в Зальцбург докладную записку об Интернационале, составленную в канцеляриях цислейтанского совета министров. Согласно тому, что он мне сам рассказал, эта докладная записка трактует вопрос с двух точек зрения: репрессивной и превентивной. Она рекомендует, с одной стороны, пересмотр и усиление уголовных законов, содержащихся в разных законодательствах Европы против правонарушителей, с другой стороны — одновременное изучение рабочего вопроса, так же как и изыскание международных средств, которые можно было бы противопоставить развитию социализма. В числе этих мер докладная

* См. стр. 201.

записка приводит своевременность организации ассоциаций капиталистов и промышленников, предназначенных уравновесить крупную революционную ассоциацию [152]. Вся работа проникнута одной основной идеей, что интересом частных лиц является оказать активное содействие правительству в этом важном вопросе, а не полагаться исключительно на недостаточные ресурсы властей.

Австрийская записка встретила, как говорят, одобрение князя Бисмарка, но ее выводы признаны недостаточно практичными, чтобы теперь же быть переданными на обсуждение иностранных правительств. Таким образом будет установлена смешанная комиссия, чтобы дополнить полученные результаты [156].

Примите и пр. Новиков.

Посланник в Мадриде Вестману.

Письмо. Париж, 9/21 сентября 1871 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Я воспользовался недолгим пребыванием в Париже, чтобы побеседовать о делах Испании с испанским послом Олозага, который председательствовал в законодательном собрании Мадрида со времени вступления на престол короля до последних перемен министерства в июле.

. . . . . .

. . . . . .

Единственно, что может озабочивать в отношении спокойствия Испании, — сказал он мне, — это непрекращающаяся работа Интернационала. Нужно было бы, чтобы все правительства объединились против его махинаций. Единственное среди них, которое не хочет вступить в общее соглашение о репрессии, это — правительство Англии. Г-н Гладстон в интересах своей популярности слишком заинтересован в поддержке рабочих организаций, чтобы преследовать разрушительные планы их главарей. Г-н Олозага думает, что это сознательное воздержание британского правительства не должно служить препятствием для всех остальных правительств согласовать свои оборонительные меры, которые необходимо принять против этой злосчастной лиги, стремящейся нарушать спокойствие всех стран. Судя по тому, что сказал мне об этом посол Испании, его страна горячо желает вступить в соглашение по этому поводу с остальной Европой.

. . . . . .

. . . . . .

Примите и пр.

Кудрявский.

Поверенный в делах России в Брюсселе Вестману.

Донесение № 18. Брюссель, 15/27 сентября 1871 г.

Г-н сенатор,

. . . . . .

. . . . . .

Влияние его величества может особенно проявиться в сношениях с иностранными дворами. Ваше превосходительство несомненно уже заметило

в недавнее время симптом подобного влияния, хотя и неточный, в слухах, относящихся к тем сообщениям, которые Бельгия будто бы сделала в Лондоне. Дело идет о целой сети революций, которые проектируются в Англии, совершаются здесь, разглашаются там. В этот момент бельгийский король был с визитом на острове Уайте. Можно отвлечься от всего, что в подобном совпадении может быть случайного, а также от всех преувеличений, которые должны примешиваться к подобным слухам, особенно когда они относятся к Интернационалу. И однако здесь можно увидеть тенденции общественного мнения: друзья порядка рассчитывают на возможную помощь именно Бельгии; они проявляют доверие к тем заботам, которые Бельгия прилагает для получения информации, и к ее интимным сношениям с Великобританией. Тревоги и происшествия 1870 и 1871 гг. укрепили эти связи, и даже поражение парижской резолюции послужило более тесной связи посредством новой общности интересов. Изгнанный из Франции Интернационал перенес свои центры в Швейцарию, в Англию и Бельгию, т. е. в наиболее богатые и наиболее свободные страны, как дурная трава (разрастается) на лучших землях с особенной (буйностью). Естественно, что болезнь распространяется и там. Но чтобы предохранить себя от этой скрытой опасности, Бельгия обладает всем необходимым.

При активном наблюдении, со своим обилием капиталов, которые позволяют входить в соглашения с трудом, избегать конфликтов и удовлетворять обоснованные притязания, не боясь за себя и не имея дурных намерений против других, Бельгия долго еще сможет сопротивляться заговорам Интернационала. Дамоклов меч находится скорее в деснице наследника Бенедетти.

Примите и пр. Мейендорф.

Окунев Вестману.

Париж, 20 сентября/2 октября 1871 г.

Донесение № 345 *.
Его пр-ву В. И.
2 приложения.

Милостивый государь, Владимир Ильич,

В дополнение к предыдущим моим донесениям имею честь представить при сем на благоусмотрение в. п-ва сообщенные мне французским правительством новые два списка польских выходцев, задержанных войсками при вступлении в Париж.

В первом списке помещены те лица, которые по следствию оказались непричастными восстанию **, — а во втором те из них, которые содержатся еще в заключении до получения о них дополнительных сведений.

Вместе с тем долгом считаю приложить у сего записку с собранными о сих личностях данными.

С совершенным почтением.

[Окунев.]

---

* Черновик отпуска из папки «Арестованные русские подданные», на русском языке, помечен 21 сентября 12 октября. Дата по ст. ст. ошибочна очевидно.

** Упоминаемого в донесении списка освобожденных в деле нет.

Приложение 1.*

Г-ну Окуневу, поверенному в делах России в Париже.

Милостивый государь, Версаль, [7] 19 сентября 1871 г.

Ген. Аппер мне сообщает, и я имею честь сообщить вам, что некий Иосиф Руенский, русский подданный, арестованный в связи с парижским восстанием, был задержан до получения дополнительных сведений.

Примите и пр. Подпись (неразборчиво).

*Приложение 2**.*

Записка. Париж, [13] 25 сентября 1871 г.

Фейнберг Самуил, Зильберберг Яков и Вайнштейн Лазарь, относительно которых последовал приказ об освобождении, являются варшавскими евреями, которые эмигрировали в 1863 г. и которые все трое служили для провоза в королевство оружия, закупленного для восстания.

Бернавский Жозеф служил в кавалерии Коммуны. Именно он навербовал наибольшее число польских эмигрантов на службу Коммуне. У него очень скверная репутация.

Кострже вский Андрей — член польского демократического общества в Париже, известный завсегдатай клуба Бланки, где он однажды выступил с речью. Это рабочий, который находится в большой дружбе с ген. Мирославским.

Лицо, обозначенное под именем Имульского Антона, называется Смульский. Он работал на вокзале в Лионе как рабочий механик. Это совершенно маленький человек.

Моравский Жозеф — эмигрант [18] 63 г., по специальности типограф, всегда занимался политикой, принимал участие во всех манифестациях 1867 и следующих годов. Выдавал себя за родственника Березовского. Этот субъект принадлежит к демократическому обществу.

Пощобут Жозеф (а не Пограбут) — также эмигрант 1863 г., рабочий-типограф-член демократического общества. Этот субъект всегда выделялся своими крайними взглядами.

Згорский Эдмонд — вполне порядочный человек, принадлежащий к богатой фамилии королевства, оставившей ему 6 тыс. франков ежегодной ренты. Он не занимается политикой.

Орловский Валентин — рабочий-портной, подозреваемый в принадлежности к Интернационалу.

Рабинский Юлий
Барщевский Иван } совершенно неизвестны.
Гарномский Наполеон

Борецкий Максимилиан — неизвестен.

Горский Владислав — служил в республиканской кавалерии во время первой осады, и нельзя думать, чтобы он служил Коммуне. Рабочий.

Михаловский Казимир — чиновник Северной железной дороги. Очень опасный человек, всегда занимающийся политикой. Связан со всеми европейскими вожаками. Постоянно посещал радикальные клубы во время первой осады и, как говорят, способствовал бегству многих служащих Коммуны.

Перкс Игнат (а не Перс) — субъект наихудшего сорта, принадлежит к банде торговцев фальшивыми драгоценностями, которая часто уже имела дело с правосудием. Это не политический коновод.

Руенский Жозеф — рабочий, лейтенант в войске коммунаров, участвовал в разграблении Ордена почетного легиона.

Околович Фердинанд — сын эмигранта, прибыл с понтонов вместе со своим братом Эдуардом. Эти два субъекта незначительны и не занимаются польскими делами.

---

* Помета по-русски: «№ 345 Вестману».

** Сбоку помета по-русски: «№ 345. Его п-ву В. И. Вестману». Красным карандашом отмечены: Бланки, Мирославский, родственник Березовского, Пощобут, Михаловский, Руенский, Подбереский.

Подбереский Фабиан — служащий библиотеки Мицкевича, опасный коновод. Это он долго скрывал Верницкого и Ставинского, расстрелянных позже в Люксембурге. Не переставал участвовать в заговорах с 1864 г. Он женился на русской, Беляевой.

С почтением. Z.

Гирс Вестману.

Донесение № 36. Берн, 22 сентября/4 октября 1871 г.

Г-н сенатор,

Пятый конгресс Лиги мира, собравшийся, как и предыдущий конгресс, в Лозанне, только что разошелся без всякого результата и не проявил себя никаким сколько-нибудь серьезным решением по социальным и политическим вопросам, которые стояли на его повестке.

Сравнивая протоколы заседаний этого собрания с протоколами предшествующего конгресса, о котором я имел честь дать отчет в своем докладе от 10/22 сентября 1869 г. за № 23, я не нахожу в них абсолютно ничего, что не было бы уже раньше сказано этими жалкими реформаторами человеческого рода. Должен прибавить, что отсутствие корифеев этой партии, как Виктор Гюго и др., много уменьшило интерес публики к разглагольствованиям этого собрания. На этот раз дискуссии часто вырождались в личные склоки между защитниками Интернационала и Парижской коммуны, с одной стороны, и теми, кто хотел избавить этот так называемый конгресс от пятна подобного союза, с другой стороны. Следует заметить, что на этом собрании в более значительном числе, чем на прошлом, были женщины, которые прославляли преступления, совершенные в Париже. Они имели посредственный ораторский успех, и должен сказать к чести публики, что она не преминула засвидетельствовать самым резким образом свое глубокое отвращение к этим кровавым заблуждениям. Может быть, именно благодаря этому отношению публики конгресс в своем последнем заседании проявил значительно больше умеренности в своих заключениях, чем то можно было ожидать по началу его дискуссий.

Тем не менее тенденции, проявившиеся во время этого собрания, показались слишком компрометирующими и слишком абсурдными для многих членов этой ассоциации, и они не сочли возможным для своей чести продолжать участвовать в ней. Среди лиц, которые ушли из Лиги, указывают г. Симона де Трев, который играл руководящую роль [153].

Примите и пр. Гирс.

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Свидание с г. Греви» [154].

Париж, [29 сентября] 11 октября 1871 г.

Я нанес визит г. Греви и имел с ним долгую беседу. Давно уже я остановился на этом имени. Г-н Греви — это не человек действия, зато он одарен большой свободой мысли, хорошим характером и спекулятивным полетом, как покойный Ройе-Коллар; вследствие этого его моральный авторитет высок и он повсюду вызывает уважение.

. . . . . .

. . . . . .

Г-н Греви совсем не боится роялистских претендентов, «которые разделены и слабы, — сказал он мне. — Это тени суверенов, которых стремятся реставрировать как людей, не будучи в состоянии переделать их в королей». Он не боится также бонапартистов, покинутых порядочными людьми и народом; Франция не может к ним вернуться, не обесчестив сама себя. Единственно, что заботит председателя Национального собрания, это возможность нового демократического потрясения, возвращения гражданской войны и Парижской коммуны, новые кровавые битвы на улицах больших городов. Предполагая, что status quo продлится, пока будет жить г. Тьер, г. Греви поспешил, однако, прибавить: «Но вы знаете его возраст и заботы о своем здоровьи, поколебленном горестями и тяготами государственных дел». Эта страна находится на вулкане, нет никаких утешительных перспектив, и все остается неизвестным. Она остается беспокойной и не проникается оптимизмом и чувством безопасности, пока государство и общество подвергаются нападениям в самых своих основах. И при наличии всех этих симптомов, из которых одни опаснее других, правая хотела бы отправить нас одним ударом в состояние новой имперской или королевской демократии. Но на сколько времени? Это известно, нас этому научило наше первое Учредительное собрание.

. . . . . .

. . . . . .

Поговорив еще о грандиозной новой борьбе, которую наверно придется вести умеренной национальной республике против красного знамени и ультрасоциальной, террористической партии типа партий Конвента, г. Греви подчеркнул, что республиканская власть, а не монархическая, была бы способна окончательно победить эту анархическую партию.

«Главное возражение, которое делается против республиканской формы правления, — прибавил председатель Собрания, — заключается в том, что время еще не пришло, что мы еще не созрели и наши нравы не являются республиканскими. Слишком верная истина! Ясно, что так и должно всегда быть по выходе из монархии. Монархия не заботится о том, чтобы подготовить к республике. Ее законы и учреждения очевидно не имеют цели хорошо приготовить нравы к противоположному правлению, откуда следует, что всегда будет слишком рано для попыток установить республику и люди навсегда оставались бы в этом порочном кругу: только республиканские законодательство и воспитание могут приготовить человеческие поколения к республике, но для того чтобы пожелать провести эти законы и это воспитание, необходима очевидно сама республика. Но для того чтобы народ решительным актом разорвал этот порочный круг, нужно, чтобы он стал взрослым и облекся в одеяние мужчины».

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Зловещие слухи о лондонском Интернационале и опасные намерения рабочих классов Парижа».

Париж, [29 сентября] 11 октября 1871 г.

С некоторого времени по Парижу ходят самые мрачные слухи. Они относятся к восстанию, к ужасному мятежу, который якобы готовят гла-

вари Интернационала в Лондоне совместно с ирландскими фениями. В подпольных собраниях этой фракции, свирепой по инстинкту и преступной по деятельности, стоит якобы вопрос о том, чтобы свергнуть английскую монархию, провозгласить республику, установить революционное правительство, сжечь и разрушить монументы, дворцы, учреждения, общественные здания и большое количество частных домов и магазинов, заранее намеченных к разрушению современными Геростратами, наконец, превратить Букингемский дворец в мастерскую и низвергнуть колонну герцога Иоркского [155].

Во все времена народы, обитающие по двум сторонам пролива, оказывали друг на друга большое моральное влияние. Они так же подражали друг другу, как и друг с другом сражались. К тому же общие условия разных классов общества в нынешнем веке достаточно сходны, чтобы можно было быть уверенным, что политические и социальные страсти, обнаруженные у одной из этих наций, будут обнаружены почти совершенно подобными у всех других. Поэтому неудивительно, что революция 18 марта с теми злодеяниями, которыми Парижская коммуна отметила свою зловещую агонию, нашла в Англии массу людей, готовых повторить парижскую драму, и что она вызвала глубокое возбуждение, возбуждение даже губительное, среди рабочих классов и обществ. Легко понять, что в подонках населения Лондона, этого огромного города нищеты и порока, праздности и разврата, в безнравственности его кварталов, куда никогда не проникают труд и дисциплина, главари Интернационала и вожаки радикальных клубов нашли под рукой многочисленную армию разрушителей, каторжников и негодяев всякого сорта, которых нетрудно соблазнить, завербовать и повести по собственному желанию на штурм установленного порядка вещей. Утверждают, что они ждут только смерти королевы, чтобы разразиться ужасающим выступлением, подготовлявшимся во мраке уже давно, совершенно как у коммунаров Парижа и Франции, которые, как говорят, отсрочили свою борьбу за власть и свой повстанческий реванш до смерти г. Тьера. Удивительно, что аристократия и высшие классы английского общества, сильно возбужденные против королевы и королевской семьи, ожидают этого дня страшного суда с самым изумительным безразличием и покорностью. Герцогиня Мальборо, проезжая Париж по дороге в По, говорила здесь всем своим знакомым: «Мы каждый день ожидаем, что взлетим на воздух!» [1]

В руках обоих правительств, и английского и французского, есть доказательства, что между главарями и террористическими вожаками обеих стран имеются постоянные связи и переписка, общность идей и проектов. Насыщенность атмосферы должна быть сейчас одинакова в обеих столицах. Слушая устрашающие речи парижских рабочих, особенно тех, которые освобождены по недостатку доказательств и, развращенные тюремными связями, носят в себе дух беспорядка, дыхание тревоги, страсть к хаосу и жажду крови и мщения против версальского собрания и правительства, — можно представить себе, какой ужасный взрыв последует в массах трудового населения Франции при первом известии о подобной катастрофе в столице Англии. Я допускаю, что правительство королевы покончит с восстанием, если оно в конце концов вспыхнет; но

[1] Слова герцогини приведены по-английски.

даже побежденное и раздавленное, оно тем не менее изменит нынешнее состояние людей и вещей в этой стране и послужит прелюдией к крупным радикальным реформам конституции.

В течение нескольких дней крупные ювелиры и торговцы драгоценностями Лондона массами прибывают в Париж, чтобы продать здесь свои камни. Является ли этот инцидент следствием тревоги, которая охватила англичан из-за действий Интернационала? Как бы там ни было, в Париже никогда не восхищались такой блестящей выставкой драгоценностей, как та, которую видят сейчас. Между прочим у Семпера есть бриллиантовое украшение в 800 тыс. франков, одна оправа которого оценивается в 250 тыс. франков. Удивительный контраст роскоши наверху и возбуждения внизу!..

Коцебу Вестману.

Донесение № 28. Дрезден, 13/25 октября 1871 г.
8 приложений [1].

Г-н сенатор,

В одном из моих предшествующих докладов я имел честь указать на серьезное внимание, которое немецкие правительства начали уделять проискам «Международного товарищества рабочих», а также на некоторую тенденцию специально саксонского правительства противопоставить этой ассоциации меры строгости. Мне представлялось, что пораженная неожиданной позицией властей ассоциация сделалась менее смелой в своих публичных выступлениях и, что в поведении социалистического конгресса, имевшего место в Дрездене в середине августа, можно было заметить нечто вроде колебаний.

С тех пор прошло два с половиной месяца. Я больше не слышу, чтобы говорили о правительственных мерах, которые следует принять, а между тем происки снова восприняли свой характер вызывающей наглости и продолжаются почти открыто. Проект общей стачки рабочих угольных шахт, намеченной сначала на октябрь, должен осуществиться 27 ноября, если меня хорошо информировали. Руководящие комитеты Саксонии и Богемии пришли как будто бы к соглашению и усердно работают для осуществления этой адской комбинации, которая, лишив фабрики угля, выбросит на улицу огромное множество рабочих. Единодушие может еще нарушиться, и неудача спасет правительство от весьма серьезных затруднений. Но факт многочисленной пересылки оружия, получаемого как в Саксонии, так и в Богемии, не может быть отрицаем. Саксонский шеф жандармов с большой озабоченностью говорил мне о большом числе вооруженных путешественников, которых якобы видят в стране в продолжение некоторого времени органы общественного надзора.

Если я позволяю себе так часто передавать императорскому министерству об этих опасных происках, так это всегда с задней мыслью привлечь внимание нашего правительства к положению наших русских рабочих. Я не могу похвастаться, что мне знакомо их положение, которое, быть может, не оставляет желать лучшего. Но поскольку я не получу приказа не заниматься больше этим предметом, я буду продолжать собирать мало-помалу средства улучшения, которые мне представятся применимыми у

[1] Помета: «Приложения отосланы в III отделение собственной его величества канцелярии с копией депеши».

нас. В последний раз я указывал на постройку домов, которые должны стать собственностью рабочих посредством удержания из их заработной платы; сейчас я беру на себя смелость передать вашему превосходительству коллекцию уставов сберегательных касс. Все эти кассы принадлежат работникам в каменноугольных шахтах, но их уставы легко могут быть приспособлены и ко всякого рода фабрикам.

Примите и пр.

Коцебу.

Гирс Вестману.

Донесение № 44. Берн, 22 октября/3 ноября 1871 г.

Г-н сенатор,

Г-н Давыдов имел честь информировать императорское министерство своим докладом от 24 августа/5 сентября за № 34[1] о результатах розысков, произведенных здесь французским представительством для обнаружения Феликса Пиа, относительно которого были предположения, что он находится в Швейцарии. Г-н Шаторенар, будучи вполне уверенным, что этот революционер, сопровождаемый Разуа, покинул Базель, чтобы отправиться в Антверпен, известил о том бельгийские власти, и с тех пор больше почти не сомневались в скоро предстоящем аресте этих двух беглецов.

Однако все поиски были бесплодны, и сейчас больше чем когда бы то ни было находятся в неизвестности о месте пребывания Пиа. Французское представительство уверено, что причиной этой неудачи является покровительство, которое оказали якобы Феликсу Пиа немецкие власти при его отъезде из Базеля. Но эта ссылка, которую я привожу только потому, что французы выражают к ней полное доверие, представляется мне столь же невероятной, как и утверждение, будто Пиа нашел убежище у базельских франкмасонов. Как выразился один из членов федерального совета, с таким же основанием можно было бы говорить, что он спрятался у бернских патрициев.

Как бы там ни было, нельзя отрицать, что швейцарские власти, совершенно спокойные за поддержание порядка в своей стране, мало беспокоятся из-за присутствия иностранных революционеров и проявляют часто по отношению к ним чрезмерную терпимость. Так в последнее время они разрешили Интернационалу организовать в Женеве большую публичную манифестацию для празднования годовщины этой ассоциации. На манифестацию были созваны из всех стран рабочие, которые симпатизируют ее принципам. Процессия, насчитывавшая тысячу человек, прошла по главным улицам города с музыкой и со своими знаменами. Зажигательные речи публично произносились против высших классов общества, капиталистов и духовенства. Однако швейцарская пресса, — даже та ее часть, которая является органом правительства, — вместо того чтобы осудить подобную терпимость, опасность которой, по крайней мере для соседних стран, невозможно отрицать, удовольствовалась констатированием с некоторым удовлетворением, что совершенный порядок не переставал господствовать во время демонстрации и что лица, принявшие в ней участие, являются по большей части иностранцами, а не швейцарцами.

Примите и пр.

Гирс.

---

[1] См. стр. 203.

Кудрявский Горчакову.

Донесение № 33. Мадрид, 30 октября/11 ноября 1871 г.

Г-н канцлер,

После того как организация Интернационала потеряла почву во Франции в результате своего поражения в Париже, она перенесла свою деятельность в другие области.

Особенно щедро наделила своими работниками эта ассоциация, низвергающая всякую идею порядка и общественной морали, Испанию. Даже правительство, которым руководил в это время г. Зорилья, — сколь ни пристрастным он проявлял себя по отношению к принципам самой широкой свободы, — должно было этим заняться. Действительно, оно приняло меры доброжелательного наблюдения, когда административная власть перешла в другие руки.

Министерство Малькампо, которому уступило место министерство Зорильи и в котором главным действующим лицом является г. Сагаста, с самого начала своей деятельности было того мнения, что организация Интернационала не должна быть более терпима. Вследствие этого в кортесы было внесено соответствующее предложение. В течение целого месяца палата депутатов обсуждала вопрос о своевременности и законности мер к упразднению этой опасной и гнусной деятельности, для ликвидации которой недостаточны обычные законы. Каждая партия и почти каждое лицо, входящее в состав национального представительства, разглагольствовали по-своему на тему о происхождении и цели этой ассоциации: один — для того, чтобы потребовать для нее неограниченной свободы действий, подлежащей только в своих эксцессах действию уголовного кодекса, другие — чтобы установить и осудить губительные тенденции и опасные результаты. И только после этого правительство получило одобрение своей точке зрения на этот счет путем вотума доверия 191 голосом против 38.

Г-н Зорилья и вся руководимая им ультрарадикальная партия, верные своей доктрине о необходимости самого широкого осуществления личных прав, уклонились от участия в этом голосовании.

Было бы не легко понять, почему относящаяся к Интернационалу дискуссия могла занять целый месяц в ущерб общим интересам страны, если не знать с уверенностью, что в течение этого периода времени некий соглашательский комитет предпринимал попытки примирения между разномыслящими фракциями прогрессивной партии, т. е. между гг. Зорилья и Сагаста.

Примите и пр. Кудрявский.

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Информация № 3».

Париж, [31 октября] 12 ноября 1871 г.

. . . . . .

. . . . . .

В ночь с 8 на 9 ноября на внутренних бульварах имели место скопления, которые полиция однако легко разогнала. В группах кричали: Долой Тьера! Да здравствует республика! И еще сильнее:

Да здравствует император! В числе главных виновников этих волнений находятся лица, выпущенные на свободу и возвратившиеся с понтонов или из других тюрем. Все они охвачены живейшей злобой против версальского правительства и собрания. К несчастью для общественного спокойствия столицы от них нельзя освободиться одним ударом, потому что сейчас они более необходимы, чем когда бы то ни было, для общественных работ и для промышленности, которые и так уже слишком страдают от их недостаточного числа. До сих пор имеется свыше 10 тыс. освобожденных! И однако мы еще очень далеки от окончательного умиротворения.

. . . . . .

. . . . . .

Г-н Роберт Альт, сотрудник комиссии расследования документов империи, опубликовал «Бумаги, спасенные из Тюильри", а г. Жюль Кларти — книгу «Империя, бонапартисты и двор, — новые документы по истории первой и второй империи по неизданным имперским документам».

Согласно утверждению авторов этих двух сборников, из них якобы следует, что существование этих бумаг вероятно и вызвало и подстрекало поджог Тюильри. Эти бумаги сильно компрометируют весьма многих лиц, так что поджог мог быть организован как бонапартистскими агентами, так и некоторыми главарями социализма, продавшимися императору и его правительству [156].

. . . . . .

. . . . . .

Секретное донесение через брюссельское посольство без обращения и без подписи.

«Разные новости».

Париж, [9] 21 ноября 1871 г.

. . . . . .

. . . . . .

Внешность Парижа чрезвычайно печальна и наводит уныние. Рабочие кварталы остаются попрежнему в состоянии возбуждения, повсюду рабочих нехватает, а те, которые возвращаются с понтонов и из тюрем, полны ярости против правительства, работают очень мало и с отвращением.

. . . . . .

. . . . . .

Примечания.

1. Окунев Григорий Николаевич (1823—1883) начал свою служебную карьеру в 1846 г. в канцелярии министерства иностранных дел, окончил ее на посту посланника в Швеции. С 1859 г. был секретарем посольства в Париже. После свержения империи 4 сентября 1870 г. остался там русским поверенным в делах.

2. Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883) — известный русский дипломат; начал свою дипломатическую карьеру в 20-х годах. После крымской войны сменил Нессельроде на посту министра иностранных дел. Единомышленник и личный друг Бисмарка с 1848 г., Горчаков до Берлинского конгресса 1878 г. шел в фарватере его политики. Только революция 18 марта несколько повлияла на его непреклонную пруссофильскую позицию. Крайний реакционер, он не мог не почувствовать симпатии к Тьеру после образования Парижской коммуны.

При Горчакове Россия играла жалкую роль в европейском концерте и после Турецкой кампании 1878 г. на Берлинском конгрессе его дипломатическая система прислужничества Пруссии и Австрии потерпела крах. Горчаков был типичным представителем реакционной европейской дипломатии и идей Священного союза.

3. Шодорди (Chaudordy) Жан-Батист, граф (1826—1899), — монархист-клерикал, начавший свою политическую карьеру с участия в подавлении июньского восстания 1848 г. На дипломатической службе с 1851 г. С 1868 г. управляющий министерством иностранных дел; в этой должности оставлен и радикалом Фавром. Отправленный в Тур, затем в Бордо, фактически являлся министром иностранных дел правительства национальной обороны. Потом в Национальном собрании депутат крайней правой, а в 1881 г. при министерстве Гамбетты — посол в Петербурге.

4. В донесении Окунева от 10/22 декабря за № 230 говорится о поездке Фавра на лондонскую конференцию; эту поездку пруссаки считали нежелательной, опасаясь поднятия вопроса о мире. В этом же документе говорится о тяжелом продовольственном положении осажденного Парижа: «После 15 января в Париже останутся только хлеб, вино и 20 тыс. лошадей в артиллерии и кавалерии».

5. Трошю Луи-Жюль (1815—1896) — французский генерал, попавший в опалу в конце Второй империи, но во время франко-прусской войны назначенный комендантом Парижа. После падения империи был председателем правительства национальной обороны. Имея в своем распоряжении 120 тыс. линейных войск, 80 тыс. мобилей, 330 тыс. национальной гвардии и пользуясь диктаторскими полномочиями, не сумел организовать оборону. Он произвел четыре вылазки, притом так плохо организованные, что левые группы его серьезно подозревали в связи с Бисмарком. Перед подписанием капитуляции Парижа, 22 января 1871 г., сдал комендантскую власть генералу Винуа (см. примечание 33), оставаясь председателем правительства национальной обороны. Был избран в Национальное собрание, где примкнул к правому центру.

6. Гамбетта Леон (1838—1882) — радикально-буржуазный адвокат и журналист, с 1869 г. лидер республиканской оппозиции в законодательном корпусе. После объявления войны голосовал за кредиты из соображений «чистого патриотизма», выступая против всяких революционных попыток, особенно окрашенных

ненавистным ему социализмом (в частности против бланкистской попытки переворота 14 августа 1870 г., так называемого дела Лавилет) одновременно боролись с Ветом, как представителем крупной буржуазии. В правительстве национальной обороны Гамбетта занял пост министра внутренних дел, потом военного министра.

Когда выяснилась недостаточная энергичность правительственной делегации в Туре (см. примечание 7), Гамбетта вылетел из осажденного Парижа на воздушном шаре и из Бордо руководил организацией новых армий и военными действиями против пруссаков. Он пытался не допустить в Национальное собрание приверженцев павшей империи, а когда эта попытка не удалась (об этом подробно в печатаемых здесь документах), ушел в отставку. В Национальное собрание был избран девятью департаментами, голосовал там против ратификации мира, но политической роли не играл вплоть до нового подъема буржуазно-республиканских настроений. С июля 1871 г. до смерти возглавляет республиканскую партию в парламенте. Оставался до конца жизни жестоким врагом социализма и рабочего движения.

7. Еще до полного обложения Парижа оттуда выехали в Тур и потом в Бордо три министра во главе с Кремье (см. примечание 23); позже к ним присоединился Гамбетта. Этот правительственный орган стал центром по организации новых армий, от него исходили неудачные попытки освободить Париж и продолжать войну.

8. Генеральные советы департаментов — выборные органы самоуправления, которому во время Первой и Второй республик была подчинена назначаемая из центра полицейская власть. Правительственная делегация возвращалась к режиму двух империй — сосредоточению власти в руках назначенного из центра префекта.

9. Коммуна в Лионе была собственно провозглашена лишь после победы революции в Париже, 22 марта 1871 г., и продержалась всего несколько дней (см. примечание 50). До того в Лионе имели место попытки восстаний, предпринимавшиеся бакунистами 28 сентября, 4 ноября и 9 декабря 1870 г. Эти попытки были быстро подавлены. Но власть, организованная в Лионе буржуазными республиканцами, сразу после свержения империи приняла «автономистско-коммуналистский характер»; рядом с префектом оказалось «лионское правительство» (при котором префект состоял как «делегат парижского правительства»), а рядом с трехцветным знаменем над ратушей развевалось красное знамя впрочем вполне буржуазных «якобинцев». Его-то и пытался безуспешно снять Гамбетта.

10. Бомбардировка Парижа, т. е. его внутренних укреплений, была начата немцами после долгой осады.

11. Габриак Франсуа, маркиз (1830-1887), — французский дипломат из легитимистского рода, члены которого поочередно служили всем режимам. Состоял посланником в Мексике, пытаясь руководить вассальной монархией Максимилиана, но был отозван еще до крушения последней и получил назначение секретарем посольства в Петербург. С осени 1870 г. до лета 1871 г. состоял там поверенным в делах Франции. После назначения нового посла в Петербург был переведен секретарем посольства в Берлин, потом посланником в Гаагу.

12. Фавр Жюль (1809—1880) — французский адвокат и либерально-буржуазный политический деятель. Выступал в революции 1830 г., во время июльской монархии был членом левой династической оппозиции и сотрудником газеты «National». В знаменитом процессе 1834 г. защищал рабочих, участников лионского восстания, преследуя здесь прежде всего личные цели. После революции 1848 г. состоял секретарем при Ледрю-Роллене, потом был в Учредительном и Законодательном собраниях, где, всячески афишируя свой левый республиканизм, проявил себя однако злобным противником рабочего класса и социализма. Переворот 2 декабря 1851 г. временно прервал политическую карьеру Фавра. До возобновления «либеральных веяний» к концу империи он ограничивался адвокатской деятельностью, не брезгая никакими средствами обогащения; (он совершал при империи подлоги, чтобы получить чужое наследство). Разоблачение этих скандальных подлогов Милльером привело к процессу в сентябре 1871 г.

Политическая карьера Фавра возобновилась с 1858 г. С 1863 г. он сделался лидером оппозиции в законодательном собрании.

После объявления войны Пруссии голосовал против кредитов, а после первых поражений усилил борьбу с императорской властью, так что 4 сентября 1870 г. оказался участником правительства национальной обороны. В качестве министра иностранных дел он сначала вступил в коалицию с Гамбеттой и требовал продолжения войны „до истощения", но с начала декабря, напуганный политическим состоянием Парижа, стал готовить капитуляцию.

13. По парижскому трактату 18 марта 1856 г. Россия в результате крымской войны лишилась права держать военный флот и береговые укрепления на Черном море. Царская дипломатия воспользовалась франко-прусской войной, чтобы объявить об отказе от этой статьи парижского трактата. Поддержка Бисмарка в этом вопросе и была мздой за дружеский нейтралитет России в войне. После депеши Горчакова от 29 октября 1870 г., извещавшей об этом решении, и резкого ответа лорда Гренвиля в январе 1871 г., собралась лондонская конференция великих держав, которая ратифицировала это решение.

Бисмарк соглашался на эту конференцию при условии ограничения ее компетенции вопросом о парижском трактате, французы же стремились превратить ее в средство давления держав на Пруссию.

14. Гренвиль (Granville) Джордж, лорд (1815—1891), — английский государственный деятель, либерал, один из ближайших помощников Гладстона. Начал свою политическую карьеру с 1836 г. в качестве атташе в Париже, затем дважды был министром иностранных дел, трижды — премьер-министром. Консерваторы, отдавая должное дипломатической ловкости Гренвиля, усматривали в его внешней политике излишнюю мягкость.

15. Бисмарк Отто, граф, с марта 1871 г. князь (1815—1898), — министр иностранных дел и канцлер империи. Убежденный монархист и реакционер, он настойчиво проводил политику феодально-юнкерского государства в его сращивании с капиталистической буржуазией. Политическую карьеру Бисмарк начал с участия в подавлении революции 1848 г. в качестве реакционнейшего советника прусского короля: с 1852 г. во Франкфуртском союзном сейме, в 1859 г. — послом в Петербурге, в 1862 г. — послом в Париже, а с 8 октября 1862 г. — министр-президентом и министром иностранных дел Пруссии, — Бисмарк служил прусской монархии в последующие годы, преследуя одну и ту же цель: создание Германской империи и обеспечение в ней прусской гегемонии путем предварительного вытеснения Австрии. Этой цели служили война за Шлезвиг 1864 г., австро-прусская война 1866 г. с последовавшим затем таможенным объединением Германии и, наконец, франко-прусская война, к которой Бисмарк провел большую дипломатическую подготовку, изолировав Францию и спровоцировав объявление ею войны. Результаты этой войны оправдали все ожидания Бисмарка и сделали его в глазах буржуазии и юнкерства непререкаемым вершителем судеб германского народа. В дальнейшем его политика отличалась такой же реакционностью (борьба с рабочим движением и исключительный закон против социалистов 19 октября 1878 г.) и такой же ловкостью. Бисмарк удален был Вильгельмом II в 1890 г.

16. Окунев в упомянутом донесении сообщает о существовании во Франции партии, которая держится того мнения, что продолжение войны после падения столицы подвергнет остальную Францию ужасам вражеского нашествия, доведет страну до полного разорения и отдалит час реванша, и желает заключить мир после взятия Парижа даже ценой отказа от Эльзаса и Лотарингии, откладывая возобновление борьбы с Германией за утраченные провинции до того времени, когда Франция реорганизует армию и заручится помощью союзников.

17. Плебисцит 30 ноября был подачкой, которую бросило парижанам правительство национальной обороны, напуганное попыткой восстания 31 октября 1870 г.; 5 ноября оно разрешило избирательные собрания для выборов районных мэров, а 30 ноября, избегая выборов в „коммуну" (муниципалитет) и повторяя практику империи, провело общее голосование о доверии. За правительство было подано 557 996 голосов, против — 22 638; последние приходились на рабочие кварталы.

18. В Седане 2 сентября 1870 г. немцам сдалась 83-тысячная французская армия, возглавлявшаяся Наполеоном III; известие об этой капитуляции привело к свержению империи в Париже 4 сентября 1870 г. В Меце 29 октября при обстоятельствах, позволяющих подозревать прямую измену, сдал немцам свою

139-тысячную армию генерал Базен; известие об этой капитуляции привело к революционной попытке бланкистов 31 октября 1870 г.

19. Рейс (Reuss) Генрих, князь (1825—1906), — один из мелких немецких владетельных князей, состоявший на прусской дипломатической службе. С 1853 г. был советником посольства в Париже, с 1867 г. — послом в Петербурге. Самостоятельной политики не вел, постоянно оставаясь послушным исполнителем распоряжений Бисмарка. После провозглашения Вильгельма I императором Германии Рейс оставался еще несколько месяцев в Петербурге в качестве прусского посла и новые верительные грамоты получил только 26 апреля 1871 г.

20. Мольтке, Хельмут-Карл-Бернгард, граф (1800—1891), перешел на прусскую службу с датской службы; генерал — с 1856 г., начальник главного штаба — с 1857 г., фельдмаршал — с 1871 г. Руководил победоносными для Пруссии войнами 1864 и 1866 гг., в которых уже выработал свои стратегические планы. С 1857 г. начал разрабатывать план войны с Францией, к весне 1869 г. переработал его и осуществил в войне 1870 г. (особенно по мобилизационной части). Ученик Клаузевица, Мольтке пытался объединить стратегические идеи Наполеона и Фридриха II с учетом опыта войн 1859—1866 гг. Стремясь к достижению тактического успеха простейшим путем, Мольтке предпочитал охваты глубоким обходам, не боялся открытых флангов и сражений с перевернутым фронтом, осуществлял сосредоточение с одновременным движением вперед (по принципу „врозь итти, вместе бить") или даже с сосредоточением на самом поле сражения. В франко-прусской войне выражением его идей явились: общий мобилизационный план, ставивший целью вторжение во Францию тремя параллельно двигающими армиями между Мецом и Седаном с оттеснением всех французских армий к северу и изоляцией Парижа, затем классический марш-маневр главных прусских сил к Мецу с поворотом на север к Седану и др.

С 1867 г. Мольтке заседал в палате депутатов в качестве лидера реакционно-милитаристской группы. Разгром социализма он считал условием величия Германской империи. Присоединение Меца в 1871 г. произошло по его настоянию против желания Бисмарка.

21. Прусский легитимист Мольтке относился к перевороту 4 сентября 1870 г., покончившему со Второй империей, как к бунту и к представителям правительства национальной обороны — как к узурпаторам.

22. Симон Жюль (1814—1896) — Представитель Парижа в Бордо министр внутренних дел в правительстве национальной обороны, профессор философии, умеренный республиканец, либерально-буржуазный политик. В 1848 г. резко выступал против социализма и пролетариата, потом находился в оппозиции к бонапартистскому перевороту 2 декабря 1851 г., возобновил свою политическую деятельность только с началом либеральных веяний 60-х годов. В правительстве национальной обороны стоял на правом фланге, боролся с Гамбеттой и был инициатором аннулирования его декретов о порядке выборов в Национальное собрание. В кабинете Тьера был министром просвещения, принимал активное участие в организации разгрома Коммуны, не теряя при этом случая воспользоваться политическими событиями для личного обогащения. После принятия республиканской конституции стал в 1876 г. премьер-министром и министром внутренних дел Третьей республики, определив свою политическую линию как „глубоко консервативную и глубоко республиканскую". В 1890 г. он был представителем Франции на международной конференции по рабочему законодательству.

23. Кремье (Cremieux) Изак-Монз или Адольф (1796—1880) — адвокат, умеренно-либеральный буржуазный политический деятель. Во время июльской монархии — левый орлеанист, делавший карьеру главным образом на защите в политических процессах. В революции 24 февраля 1848 г. пытался спасти монархию Орлеанов, но потом вступил министром юстиции во Временное правительство. Там поддерживал „среднюю позицию" Ламартина и вышел в отставку 7 июня 1848 г. На президентских выборах поддерживал кандидатуру Луи Бонапарта, однако потом стал к нему в оппозицию. После переворота 2 декабря 1851 г. оказался в числе арестованных. Вскоре освобожденный вернулся к адвокатуре. В 1889 г. прошел в законодательное собрание в качестве представителя левой оппозиции. Революция 4 сентября 1870 г. сделала его министром юстиции правительства национальной обороны (изданная им ограниченная политическая амнистия и послужила очевидно причиной слухов, будто он освободил Березовского), потом он возглавлял турскую делегацию и поддерживал декрет бывшего своего секретаря Гамбетты о порядке

выборов в Национальное собрание. В правительство Тьера не попал из-за „левизны“ и до осени 1871 г. оставался не у дел; позже всегда поддерживал Тьера.

24. Декреты о выборах в Национальное собрание получились взаимнопротиворечивые. Парижское правительство назначило собрание выборщиков на 8 февраля 1871 г. и ограничилось общими указаниями о выборных процедурах на основе бесцензового избирательного права. Турская делегация (правильнее — Гамбетта), приняв эту дату для выборов, лишила пассивного избирательного права всех, занимавших при империи посты министров, сенаторов, членов государственного совета и всех, выступавших на выборах в эпоху империи в качестве так называемых официальных кандидатов. Реакционеры, возмущенные этим нарушением „демократизма“, отменили декрет Гамбетты.

25. Араго Франсуа-Виктор-Эммануэль (1812—1896) — адвокат и политический деятель, происходивший из семьи, давшей Франции несколько буржуазно-республиканских политиков и выдающихся людей, сын знаменитого физика Доминика Франсуа Араго. Был умеренным республиканцем в период июльской монархии, в знаменитом процессе по делу 12 мая 1839 г. защищал Барбеса и Бернара; 26 февраля 1848 г. провозгласил в палате свержение монархии. После бонапартистского переворота не участвовал в политической жизни до 1869 г., занимаясь адвокатурой; в частности защищал Березовского в 1867 г. (см. примечание 31).

В правительство национальной обороны вступил министром юстиции вместо Кремье, когда тот отправился в Тур, потом в министерстве внутренних дел заменил Гамбетту после его отставки. Эта перемена, которая Александру II представлялась лишенной всякого значения, означала однако, поправение официального курса: Араго был много „умереннее“ Гамбетты и всегда поддерживал политику Тьера.

26. Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), — один из самых реакционных и тупых представителей русского самодержавия. С 1859 по 1874 г. состоял при двух царях по полицейской части; подавлял Остзейский край после восстания 1863 г. и с 1867 г. в качестве шефа жандармов и начальника III отделения руководил всем политическим сыском. Назначенный в 1874 г. послом в Лондон, обнаружил полное отсутствие такта и, несмотря на личную дружбу Александра, в 1879 г., после ряда скандальных дипломатических провалов, должен был уйти в отставку.

27. Домбровский Ярослав (1886—1871) — польский революционер, примыкавший в начале 60-х годов к демократической национальной партии так называемых „красных“. Будучи офицером генерального штаба царской армии в Варшаве, принимал участие в подготовке польского восстания, был арестован в 1862 г. и приговорен к 15 годам каторги. После двух лет заключения бежал и в 1865 г. эмигрировал в Париж. Здесь возглавил польскую революционную эмиграцию, подвергаясь преследованиям бонапартистской полиции. После 4 сентября 1870 г. безуспешно предлагал правительству национальной обороны организовать польский легион, затем пробовал пробраться к Гарибальди, но должен был вернуться в Париж, где примкнул к той части революционного рабочего движения, которая руководилась бланкистами.

После победы рабочей революции 18 марта 1871 г. настойчиво предлагал немедленно же наступать на Версаль и разогнать Национальное собрание. Это был бы действительно единственно разумный военный и политический шаг. Маркс, а потом и Ленин неоднократно оценивали как ошибку революции тот факт, что национальная гвардия откладывала поход на Версаль.

Свою службу Коммуне Домбровский начал с командования батальоном, в апреле стал командующим боевого участка Нейи. Великолепная организация обороны этого участка сразу сделала его имя популярным среди рабочих национальных гвардейцев. Несмотря на славянскую фамилию и распространившуюся клевету, будто он не поляк, а русский офицер, Домбровский по настоянию ЦК национальной гвардии был назначен главнокомандующим. В это время (начало мая) Домбровский при всем своем организационном таланте ничего уже не мог сделать. В день вступления версальцев в Париж (21 мая) он был ранен и сдал командование, а через два дня убит при обороне одной из последних баррикад (Орано).

Домбровский был самым выдающимся генералом Коммуны, стойким и самоотверженным революционером.

28. Бруннов Филипп Иванович (1797 — 1875) — барон, с 1871 г. — граф, старый царский дипломат, в 1840 г. посол в Лондоне, второй уполномоченный на Париж-

ском конгрессе 1856 г., с 1858 г. посол в Берлине, а в 1858 по 1874 г. — снова в Лондоне. Пользуясь славой ученика Нессельроде, сохранял влияние на Александра II и проводил самые ответственные дипломатические операции, как лондонскую конференцию 1871 г.

29. Лорд Лайонс; (Lyones), Ричард Бикертон граф (1817—1887). С 1867 г. до смерти был английским послом во Франции. В своей деятельности в течение 20 лет отразил все перипетии английской политики во Франции. Во время франко-прусской войны проводил политику либерального кабинета Гладстона-Гренвиля, в частности поддерживал турскую делегацию, потом версальское правительство против Пруссии (и конечно против Коммуны).

30. Тьер Адольф (1797—1877) — один из наиболее типичных политиков французской буржуазии XIX в., „самое совершенное идейное выражение классовой испорченности" по определению Маркса. Выходец из рядов хищной торговой буржуазии юга, Тьер на протяжении всей своей деятельности проявлял черты, характерные для его класса: беспринципность, ловкость в проведении своей политики и уменье, проводя политику обогащения своего класса, одновременно заботиться о собственном обогащении. Политическую деятельность начал в эпоху реставрации в качестве члена умеренной оппозиции сначала конституционного, потом открыто орлеанистского толка. В 1820 г. Академия отказала ему в премии, найдя в его литературном труде революционные тенденции, но в следующем году он премию получил, переделав ту же работу в крайне антиреволюционном направлении. Редактировал влиятельную газету „National", написал многотомную историю Великой французской революции. „В своих исторических трудах он только и думал, что чистил сапоги Наполеону" (Маркс).

Во время революции 1830 г. Тьер предал революцию, провозгласив 29 июля Луи-Филиппа Орлеанского королем. В течение 18 лет июльской монархии развивал кипучую политическую деятельность, — бывал неоднократно министром и премьером, издавал большую газету „Constitutionnel". В годы своей власти он проявил себя закоренелым врагом антибуржуазных теорий (книга о праве собственности против Прудона и социализма) и отличился свирепым подавлением рабочих восстаний в Лионе и в Париже в 1834 г., преследованием печати, изданием закона против свободы ассоциаций. В 1840 г. растратил казенные деньги. Попав в опалу к концу буржуазной монархии, Тьер был снова призван к власти в самый последний момент ее существования, 24 февраля 1848 г., но уже не мог спасти Орлеанов. Избранный на дополнительных выборах в Учредительное собрание, он прикинулся другом республики. В июльские дни 1848 г. стоял за самое жестокое подавление робочих и за диктатуру Кавеньяка, потом агитировал за кандидатуру Луи Бонапарта в президенты, но в Законодательном собрании снова вернулся в лоно орлеанистского монархизма, так что после переворота 2 декабря 1851 г. был выслан „племянником".

Уже через полгода Тьер смог возвратиться во Францию, но официальной карьеры не делал, оставаясь в течение девятнадцати лет существования Второй империи лидером умеренной оппозиции и с успехом продолжая дело личного обогащения.

После свержения империи Тьер был отправлен правительством национальной обороны обивать пороги кабинетов европейских держав, вымаливать защиту от Пруссии, но ничего не добился.

8 февраля 1871 г. оказался выбранным в Национальное собрание сразу по 26 департаментам, потому что для реакционной буржуазии и крупного крестьянства, не желавших ничего кроме мира, его имя символизировало „умеренный патриотизм". Организовав 17 февраля 1871 г. исполнительную власть, Тьер оставался ее главой вплоть до своего избрания в президенты республики 31 августа 1871 г.; революция 18 марта нашла в нем злейшего врага и кровавого усмирителя. „Майская неделя" была всецело делом рук Тьера. Месть класса, которым руководил Тьер, была также его личной местью: на настроение Тьера не мало повлияло уничтожение во время революции его имущества в Париже. Для морально-политической характеристики этого „отвратительного выродка", „маленького злобного гнома" Маркс собрал довольно большой материал, опубликовать который ему так и не удалось.

31. Березовский Антон Иосифович (1847—1908) — польский революционер, эмигрировавший в Париж после подавления польского восстания 1863 г. Во время пребывания Александра II в Париже произвел на него 25 мая/6 июня 1867 г.

неудачное покушение; бонапартистским судом присяжных, установивших наличие смягчающих вину обстоятельств, приговорен к пожизненной каторте. Правительство национальной обороны в 1870—1871 г. не амнистировало его, несмотря на возбуждавшиеся о том ходатайства. Амнистирован только в 1906 г. радикальным правительством Клемансо.

32. Вот текст этой телеграммы:

„Г-н Жюль Фавр маркизу Габриаку.

Париж, [12] 24 февраля 1871 г.

(В виду задержки лежала 18 часов в Инстербурге).

Шифром: Получили ли пересланное мною вам вчера шифрованное письмо Тьера к князю Горчакову? Известите немедленно".

33. Тюильри — старинный дворец французских королей, помещавшийся в центре Парижа. 10 августа 1792 г. был взят штурмом восставшим народом и превращен в здание революционных парламентов. С 1800 г. сделался опять резиденцией всех сменявших друг друга монархических правительств Франции; в 1871 г., в дни вступления в Париж версальцев, сожжен и уничтожен дотла. Слова Фавра о желании Вильгельма „пообедать в Тюильри" имеют мало смысла: оккупация района Елисейских полей была для немцев стратегической необходимостью и предусматривалась конвенцией, а аллея Елисейских полей упиралась как раз в площадь дворца.

34. „Moniteur" — старейшая и самая крупная официозная газета Франции.

35. Винуа Жозеф (1800—1880) — один из бесцветных французских генералов, типичных для Второй империи. Выдвинулся в африканских войсках, потом в крымскую кампанию, когда получил чин генерала. Участие в франко-прусской войне выразилось в бездарном марше с в помогательным корпусом к Мецу, в излишне поспешном отступлении и в дальнейшем отсиживании в Париже. После отставки Трошю 22 января 1871 г. назначен командующим армией Парижа с целью проведения „безболезненной капитуляции"; с 15 февраля стал номинальным командующим национальной гвардии. После 18 марта руководил сумбурным выводом войск из Парижа, а в Версале по указкам Тьера руководил армией левого берега Сены, действовавшей против Коммуны и вступившей в Париж 23 мая 1871 г.

36. Блудов Андрей Дмитриевич, граф (1817—1881), — сын крупного сановного либерала, занимал второстепенные дипломатические посты, сначала посланника при саксонском, потом, с 1869 г. до смерти, при бельгийском дворе.

37. Существенной помощи восстанию матросы не оказали, да в ней и не было особой нужды, потому что оружие было и у пролетарских батальонов национальной гвардии и у перешедших на их сторону линейных солдат; матросов же в Париже было 300 человек из речной флотилии да еще полтораста-двести человек орудийно-морской прислуги, приведенной во время первой осады Парижа адмиралом Сессей из Бреста и ушедшей потом в большинстве в Версаль. „Общего начальника" не было: отдельные члены ЦК национальной гвардии принимали участие в стычках в разных концах города, но движением в целом не руководили. Только к 11 часам вечера, собравшись к ратуше и найдя ее пустой, они решили конституироваться в орган временной власти. Только тогда был назначен и революционный командующий парижской национальной гвардией, морской офицер Люлье (вместо бонапартистского генерала Орельде Паладина).

38. д'Асси Адольф-Альфонс (1840—1886) был рядовым прудонистом, рабочим-механиком, с 1870 г. состоял членом парижской секции Интернационала, был избран полковником национальной гвардии и членом Коммуны. Арестованный 23 мая 1871 г., был сослан в Новую Каледонию.

39. д'Убри (d'Oubril) Павел Петрович, граф (1820—1896), — царский дипломат, друг и последователь Горчакова. В Берлине был чрезвычайным посланником с 1871 г.; только окончательное охлаждение между Бисмарком и Горчаковым привело в 1879 г. к уходу д'Убри с поста в Берлине.

40. Убийство генералов Леконта и Клемана Тома было единственным фактическим основанием вплоть до последних дней Коммуны (до расстрела заложников) для россказней версальцев, распространявшихся по всему миру, о „зверствах Коммуны". Леконт (Lecomte Клод-Мартен, 1817—1871) был рядовым бри-

гадным генералом; он должен был захватить монмартрские пушки, был арестован собственными солдатами и отведен в комитет одного округа национальной гвардии. Туда же препроводили пойманного на улице генерала Клемана Тома (Thomas, 1809—1871), политикана из военных, бывшего радикала, прославившегося участием в зверском подавлении июньского рабочего восстания 1848 г. Несмотря на сопротивление комитета, они были вытащены солдатской толпой и расстреляны тут же на улице Розье (Rosiers).

41. Шанзи (Chanzy) Альфред (1823—1883), — один из наиболее бездарных и реакционных французских генералов во время войны 1870 г., протеже Гамбетты, оказавшийся не у дел в Париже после подписания перемирия 28 января 1871 г. Задержанный в первые дни Коммуны, он был тотчас же освобожден.

42. Парижская секция Интернационала, составленная почти сплошь из прудонистов, революции 18 марта не предвидела и потом долго еще не решалась оказать ей прямую поддержку. Так на заседаниях федерации 22 и 23 марта предлагалось даже отозвать четырех представителей из ЦК национальной гвардии, потом проповедывалась сдача власти „законным" мэрам из буржуазных радикалов и т. п. В других городах революционное брожение после 18 марта естественно усилилось, но сведения о рассылке Интернационалом своих агентов в „подкомитеты", т. е. о централизованном революционном руководстве, так же, как и сами эти подкомитеты являлись плодом испуганного воображения контрреволюционеров.

43. Радикальные районные мэры при всей их нелюбви к монархическому Национальному собранию сразу пошли к нему на поклон (умоляя только о некоторой муниципальной автономии), признали революцию 18 марта незаконной, 19 марта требовали от ЦК национальной гвардии передачи власти в их руки, а потом призывали к саботажу выборов в Коммуну и организовали контрреволюционные силы буржуазных кварталов. Только твердость ЦК да неожиданная помощь, оказанная тупой неуступчивостью Национального собрания, сломили сопротивление буржуазных радикалов и сделали возможным выборы Коммуны.

44. Декрет об уплате по векселям был издан Национальным собранием 11 марта; мораторий, объявленный 13 августа 1870 г., отменялся, платежи предписывалось произвести в двухнедельный срок. В Париже только за четыре дня оказалось 150 тыс. опротестованных векселей.

45. Сведения об „общем негодовании", якобы охватившем провинцию при известии о революции в Париже, в действительности относятся лишь к господствующим классам. Версальское правительство было сильно обеспокоено поведением промышленных центров, неоднократно пытавшихся восставать, начиная с сентября 1870 г.

46. Манифест депутатов Сены и мэров является одним из трех воззваний, выпущенных радикально-республиканскими соглашателями с единственной целью сорвать объявленные центральным комитетом национальной гвардии выборы в Коммуну. Указанные в воззвании меры, которые авторы обещают вымолить у Национального собрания, были отвергнуты центральным комитетом и конечно не могли быть приняты Национальным собранием, так как заседавшие там дворянские зубры ненавидели сенских депутатов, как слишком „левых". В числе этих депутатов значатся известные имена: Луи Блан (1811—1882), утопический социалист отрицавший необходимость классовой борьбы и революции для рабочего класса, бывший „рабочим" министром при временном правительстве 1848 г., являвшийся классическим представителем соглашательской тактики. В 1871 г. Луи Блан никаким авторитетом не пользовался и отсиживался в Версале. Мартен Бернар (1808—1883), участник тайных обществ 30-х и 40-х годов с Бланки и Барбесом, рабочий-типографщик по профессии, был комиссаром Лиона и членом Учредительного собрания, примыкал к радикально-демократической фракции Ледрю-Роллена; позже тоже не называл себя социалистом. Милльер (1817—1871) — журналист левопрудонистского толка, эволюционировавший к революционному социализму, в марте сложил депутатские полномочия и во время Коммуны продолжал оставаться в Париже, хотя активной роли в событиях не играл; расстрелян версальцами 21 мая (современники-социалисты объяснили это личной местью Фавра, продажность которого Милльер разоблачил на выборах 9 февраля). Из мэров стоит отметить только Клемансо (1841—1929) — реакционера и „спасителя отечества" в период империалистической войны 1914—1918 гг. и левого радикала в молодости, связанного даже с Бланки.

47. Паника в Версале рисуется из этого окуневского донесения совершенно явно. Если бы в эти дни Коммуна перешла в решительное наступление, — которого только и боялись в Версале, — исход гражданской войны мог бы быть иным: в Версале в эти дни господствовали дезорганизация и страх даже перед своим собственным войском. Это констатировал не только находившийся в Версале Окунев, но и все царские осведомители, в том числе Орлов и анонимный информатор из Бельгии.

48. Оптимистическая информация Фавра от 21 марта, совпавшая с панической телеграммой Окунева от того же числа, заставляет заподозрить искренность этого оптимизма. В части, касающейся провинции, сообщение Фавра представляет собой просто дипломатическую ложь, притом неудачную: за большие города в Версале сильно боялись, и уже через день, информируя Горчакова о телеграмме Фавра, Габриак должен был опустить Лион из списка городов, объявивших о своей верности правительству.

49. Манифестация 21 марта была устроена контрреволюционерами, собравшимися у биржи и пропутешествовавшими безрезультатно до Вандомской площади. В двух отношениях характерна ссылка Фавра на мэров: во-первых, их позиция определяется как „сопротивление" революции, и, во-вторых, версальцы поддерживают их „изо всех сил"; сами мэры, радикалы вроде Клемансо, старались представить свою позицию как благожелательную революции и независимую от версальцев.

50. В Лионе после двух попыток восстания, в сентябре и ноябре 1870 г., Коммуна была провозглашена 22 марта 1871 г. В Сент-Этьене — небольшом городе с большими металлургическими и оружейными мастерскими — рабочие захватили власть 24 марта 1871 г. В обоих городах ратуши были захвачены почти без сопротивления вследствие инертности национальной гвардии буржуазных районов и растерянности администрации и военных властей после получения известий о парижской революции. Во главе Коммуны в обоих городах стали даже не бакунисты, а буржуазные радикалы, „революционность" которых выражалась в недовольстве монархическим версальским собранием и была совершенно недостаточна для установления контакта с „безымянным" центральным комитетом национальной гвардии Парижа. Эти радикалы не столько были „подавлены", сколько просто возвратили власть старой администрации: в Лионе—24 марта, в Сент-Этьене—25-го.

В Париже после безрезультатной манифестации 21 марта (см. прим. 49) контрреволюционные буржуа, организованные в батальоны „национальной гвардии порядка" и возглавляемые адмиралом Сессей, 22 марта демонстрировали на Вандомской площади и захватили четыре районные мэрии и ряд стратегических пунктов. Их демонстрация разбежалась после первого ружейного залпа, а мэрии им пришлось без боя сдать через два дня (несмотря на наличие 25 тыс. вооруженных белогвардейцев и легкой артиллерии) вследствие резкого несочувствия парижской мелкой буржуазии, которую сумел привлечь на свою сторону Ц.К., отменивший реакционные декреты версальского собрания.

51. Ранк, Артур (1831—1900) — буржуазный радикал, „якобинец" гамбеттистского толка, получил известность благодаря преследованиям, которым подвергался во время Второй империи за свою журналистскую деятельность. После 4 сентября 1870 г. организовывал полицию в Туре у Гамбетты, и, избранный от Парижа в Национальное собрание, вышел оттуда вместе с Гамбеттой после подписания прелиминарного мира. На выборах 26 марта 1871 г. прошел в Коммуну как гамбеттист и там объединялся по большей части с умеренными прудонистами, а после поражения национальной гвардии в вылазке 3—4 апреля вышел в отставку. В ЦК национальной гвардии он никогда не заседал.

52. Форты Венсенн и Мон-Валерьен — важнейшие участки северо-восточных и южных укреплений, которые Тьер в 1840 г. соорудил вокруг Парижа. Мон-Валерьен был в панике оставлен версальцами 18 марта. ЦК национальной гвардии отправил части для его занятия только к вечеру 20-го, но к этому времени форт уже был укреплен вернувшимися версальцами, это очень тяжело отразилось на обороне Парижа, начиная с вылазки 3 апреля.

53. Мак-Магон и Капробер — два крупнейших бонапартистских генерала. „Герои" Седана и Меца (см. прим. 18). Правительство не сочло возможным воспользоваться их предложением из опасения отрицательного впечатления, какое могло произвести их назначение на солдатскую массу; но уже 10 апреля Окунев

доносит, что услуги Мак-Магона приняты. Мак-Магон (1808—1893) происходил из одного ирландского рода, учился в иезуитской коллегии и в военной Сен-сирской школе. В 1855 г. получил звание сенатора за то, что, командуя дивизией, взял Малахов курган. В мае 1873 г. монархическими партиями проведен в президенты Франции. В ноябре 1873 г. его президентские полномочия были продолжены на 7 лет.

54. Фабрице Георг-Фридрих-Альфред (1818—1891) — саксонский генерал и военный министр, личный друг прусского канцлера. В начале войны генерал-квартирмейстер XII корпуса, а с декабря 1870 г. — главноначальствующий района оккупации и заместитель Бисмарка в сношениях с французским правительством. Пользуясь полным доверием канцлера, он при всем сочувствии версальцам не стеснялся нажимать на них всеми способами, когда начались задержки в уплате контрибуции. Коммунары имели в Фабрице злейшего врага, — он жестоко взыскивал с тех саксонских солдат, которые пытались не препятствовать побегам коммунаров во время „майской недели".

55. Речь идет повидимому о переходе на сторону повстанцев двух артиллерийских полков на Венсенских укреплениях еще 19 марта.

56. Выборы в Коммуну после долгих колебаний были назначены на 26 марта — на основах нормального демократизма, и не без серьезных опасений за судьбы революции Маркс писал, что «ЦК слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне". Революционеры признавали, что в случае неблагоприятного для революции исхода выборов Коммуну следовало бы разогнать. Организационного бойкота выборов со стороны „партии порядка" не было, но сказалось массовое бегство буржуазии из Парижа и запутанность оставшихся контрреволюционеров; в голосовании приняло участие только 47% населения. Из 85 членов в Коммуне оказалось только 21 противник революции 18 марта: 15 революционеров и 6 гамбеттистов; все они более или менее быстро подали в отставку, так что в Коммуне до дополнительных выборов 16 апреля (см. прим.) осталось — за вычетом убитых и неприбывших — 58 человек

В Марселе Коммуна была провозглашена 23 марта (см. прим. 69).

57. Орлов Николай Алексеевич князь (1827—1885) — видный царский генерал и дипломат, представитель старой феодальной знати. Ставший инвалидом в войне 1854 г., Орлов в чине генерала перешел на дипломатическую службу: с 1859 по 1885 г. был посланником в Бельгии и послом в Австрии, Великобритании, Франции и Германии. Во время франко-прусской войны ожидал в Брюсселе назначение в Париж после войны. В имеющемся в Москве личном архиве Александра II сохранилась интимная переписка Орлова с царем или с кем-то из его ближайших родственников, содержащая критику политики Горчакова с франкофильских позиций.

58. Пытаясь объяснить успех „случайного" восстания, Орлов скатывается к вульгарным представлениям о заговоре. В Лондоне никто не мог думать об „использовании" монмартских событий (да еще за три дня до самых событий) для установления „красной республики". Маркс в то время предостерегал парижских рабочих против выступления в условиях прусской оккупации. Никакой „верховный совет в Берне" не мог 17 марта „подтвердить лондонское решение, потому что генеральный совет Интернационала, возглавляемый Марксом, заседал в Лондоне; Орлов спутал Международное товарищество рабочих с тайным союзом бакунистских группок (центр их был однако не в Берне, а в романской Швейцарии).

59. Под „социалистами" Орлов понимает исключительно прудонистских представителей парижской секции Интернационала, в действительности же они были представителями совсем не революционного (и отчасти просто контрреволюционного), внеполитического кооперативного доктринерства. Им Орлов противопоставляет якобинцев и бланкистов. Из них первые вовсе и не заигрывали с социализмом, оставаясь мелкобуржуазными демократами.

60. Вандея в эпоху Великой французской революции являлась центром роялистского движения. Франсуа-Атаназ Шаретт (1763—1796) был одним из виднейших вандейских генералов. Запад и юго-запад Франции (условно объединяемый понятием „Вандея") оставался центром роялистской оппозиции и позже, при всех режимах, в течение всего XIX в. В 1871 г. там было легче всего собрать кадры для борьбы с „красной республикой" и с Парижем. Еще 22 января генерал Трошю воспользовался бретонскими мобилями, чтобы расстрелять револю-

ционную рабочую демонстрацию. В провинции после 4 сентября 1870 г. «патриотические» потомки вандейских вождей собирали под своим руководством войска, пользуясь поддержкой «патриота» Гамбетты (см. прим. 6). Один из этих потомков — упоминаемый Орловым генерал Шаретт Атаназ (1832—1879) командовал папскими войсками в Риме, потом приехал во Францию, организовал с разрешения Гамбеды вандейцев и был произведен в бригадные генералы. После 18 марта пытался подражать своему предку в борьбе с „красной республикой", но существенной роли не сыграл. Военную борьбу с Коммуной решили те военнопленные, которых прислал Тьеру Бисмарк; до этого, как писал Маркс., Тьер не имел помощи из провинции, „кроме кучки шуанов, которые сражались под белым знаменем (Бурбонов) с сердцем христа в ладонке на груди; их боевой клич был: да здравствует король!".

61. Вайян Эдуард (1840—1915) — французский революционер, одно время был бланкистом и работал под непосредственным руководством Бланки, но еще со студенческой скамьи попал под влияние немецкого социализма (учился в Гейдельберге) и затем уже как ученик Маркса способствовал проникновению марксизма во французскую революционно-социалистическую среду; перед смертью, в годы империалистической войны, занял социал-патриотическую позицию. В Коммуне Вайян был в бланкистском большинстве (хотя одновременно имел связь с Интернационалом), был членом исполнительной комиссии и комиссаром просвещения. Печатаемая статья Вайяна не выходит за пределы поверхностно-якобинского „тираноборчества". Герцог Омальский — один из претендентов на престол из представителя французской „династии" палачей XIX в.

62. Лонге Шарль (1833—1903) — французский социалист сначала левопрудонистского толка, потом проводник научного социализма во Франции, работавший под личным руководством Маркса, муж его старшей дочери Дженни. С 18 марта 1871 г. редактор „Правительственного вестника" (Journal officiel) Коммуны, с 16 апреля — один из видных ее членов.

63. Гирс Николай Карлович (1820—1895) начал дипломатическую карьеру на Востоке, закончил ее на посту министра иностранных дел (1882 г.). С 1867 до 1872 г. был чрезвычайным посланником в Берне.

64. Речь может итти только об отколовшейся бакунистской группке романской Швейцарии, так называемой Юрской федерации. Интернациональный характер этому собранию мог придать слет участников заговорщического „альянса социальной демократии", организованного Бакуниным. Неизвестно, кто именно из них отправился в придунайские страны; там в это время назревали революционные события, которым Маркс придавал серьезное значение.

65. Флуранс Гюстав (1838—1871) — революционер-коммунист бланкистского направления, не всегда остающийся образцом революционного мужества и самоотверженности. Сын известного ученого-физиолога, он начал свою карьеру в качестве профессора, быстро сменив ее на деятельность интернационального революционера-профессионала. С 1863 г. эмигрировал из Франции, принимал участие в греческом восстании на о. Крите против турок в 1866 г., вернулся во Францию в 1868 г. и стал активным членом революционной оппозиции, сотрудничая в газете „Марсельеза", писал политические брошюры и книги, организовал революционные выступления в 1869 г. Осужденный по делу Виктора Нуара, снова эмигрировал, жил в Лондоне, поддерживал связи с Марксом; вернулся непосредственно после революции 4 сентября 1870 г., организовал в рабочих кварталах несколько батальонов национальной гвардии, вел агитацию за свержение правительства национальной обороны и 31 октября организовал попытку свержения. Арестованный через несколько дней, Флуранс был освобожден бланкистами только накануне новой попытки бланкистского переворота. Вместе с Бланки заочно приговорен версальцами к смертной казни. Был избран членом Парижской коммуны и членом ее военной комиссии, получил чин полковника национальной гвардии. Против воли принял командование неудачной вылазкой 3—4 апреля (см. прим. 66), мужественно сражался и был зарублен версальскими жандармами; информация Ж. Фавра, будто Флуранс „пал под ударами собственного войска (см. стр. 90) ложна.

66. Вылазка 6 апреля носила стихийный характер. Она была вызвана негодованием национальных гвардейцев против Версаля, осмелившегося начать артиллерийскую стрельбу. Но парижские рабочие не могли противопоставить версальской армии ничего кроме энтузиазма. Время для активных действий было вы-

брано неудачно: версальцы уже оправились от первого испуга, а коммунары еще не успели по-военному организовать рабочих. Показания решительно всех очевидцев, дружественных Коммуне, свидетельствует о крайней неорганизованности вылазки: батальонных командиров было совершенно недостаточно; батальоны были неукомплектованы, составлены случайно и частично не вооружены; объединения действия трех родов оружия не могло быть, пехота вообще почти не видела артиллерии и кавалерии; обозная и санитарная служба налажены не были; общий план отсутствовал или по крайней мере не был известен командирам боевых участков; о маневренной способности войск не могло быть и речи; нападающая армия попадала под обстрел тех парижских фортов, огонь которых должен был прикрывать (Мон-Валерьен), и т. д.

67. „Замечательный порыв" версальских войск проявился значительно больше в артиллерийском огне, чем в штыковых атаках. Следует отметить зверства версальцев, проявившиеся „особенно против дезертиров", т. е. против тех солдат линейных полков, которые после 18 марта остались в Париже и, не снимая формы, сражались в рядах рабочей национальной гвардии.

68. Дюваль Эмиль-Виктор (1841—1871) — революционер-рабочий, близкий к бланкизму, но связанный и с прудонистскими секциями Интернационала. После 4 сентября 1870 г. — полковник национальной гвардии, один из участников попыток переворота 3 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. После революции 18 марта — член Коммуны и генерал национальной гвардии. Был расстрелян версальцами 4 апреля, взятый в плен при разгроме одной из трех колонн, которыми он командовал; о нем упоминает Маркс в „Гражданской войне во Франции", называя его „нашим храбрым другом".

69. Марсельская коммуна была провозглашена рабочими демонстрациями 23 марта (сразу после получения известий о революции в Париже) и держалась дольше всех провинциальных коммун — до 5 апреля. Причиной ее поражения еще в большей степени, чем в Париже, были недостатки руководства. Избранная народным собранием в ратуше правительственная комиссия состояла почти сплошь из буржуазных радикалов и республиканцев (на 15 человек — 2 рабочих), которые умели только призывать к порядку, спокойствию и „возвращению к мирному труду". Реакционеры, наученные опытом Тьера, немедленно выбрались из города, выводя деморализованные войска. Коммуна не припятствовала ни уводу войск, ни их переформированию недалеко от Марселя, в г. Обаи. Оставшаяся без средств Коммуна не только не сумела обеспечить многочисленных и весьма революционно-настроенных портовых и фабричных рабочих, но даже прокормить остатки гарибальдийцев, которые могли бы стать ядром военной обороны. Оборона совершенно не была организована, так что контрреволюция 4—5 апреля смогла овладеть городом малыми силами (6 тыс.) и почти без сопротивления (кроме вокзала, рабочих кварталов и порта). Сведения царского консула о крупных потерях повстанцев следует отнести скорее не за счех боев, а за счет последовавших затем репрессий.

70. Тиле — прусский дипломат, заведывающий восточным отделом прусского (потом германского) министерства иностранных дел.

71. Эта военная неудача не была решительным днем для Коммуны, но результаты ее оказались действительно значительными не только из-за важности потерянной позиции, но и из-за писхологического эффекта. Потери коммунаров были огромны. Артиллерийский обстрел Мон-Валерьена, паническое отступление и зверская расправа версальцев с захваченными в плен привели к тому, что эта вылазка „окончилась настоящей бойней" (Бурже).

72. Изображая Наполеона в качестве „сочувствующего" социализму, Фавр повидимому использовал „наполеоновскую идею", „социальной монархии", т. е. идею заигрывания бонапартизма с рабочими и создание им элементов своеобразной зубатовщины, которую либеральная буржуазия пыталась отождествить с рабочим движением. „Информации" Фавра — клевета: в Лондоне „издавался грязный бонапартистский листок, но его редактор никак не мог быть одним из главных агентов Интернационала".

73. Выборность муниципальных должностных лиц, в частности прямое избрание мэров существовало в течение всех периодов Первой республики в (1789—1799). Но конечно черносотенная буржуазия 1871 г. к этому обычаю возвращаться не могла — здесь явно проявилась недостаточная политическая опытность реакционеров Национального собрания.

74. Груссе Паскаль (1845—1909) — журналист-бланкист, избранный 29 марта в Коммуну. Заведывал „делегацией внешних сношений". Рассылал в посольства безрезультатные обращения, вроде печатаемого здесь, и очень мало занимался интернациональной пропагандой (за весь апрель на пропаганду ассигновано 100 тыс. франков). Был осужден военным судом, сослан. Впоследствии некоторое время Груссе был связан с социалистической партией.

Маркс в письме к профессору Бизли 12 июля 1871 г. упоминает, что он неоднократно указывал парижским революционерам на недостатки некоторых их руководителей, в том числе (кроме Пиа) прежде всего Груссе.

75. 18 января 1871 г. в Версале прусский король был провозглашен германским императором. В связи с этим менялся титул иностранных представителей в Берлине: из посланников в Пруссии они становились послами в Германской империи.

76. В апреле 1871 г. группка народников-революционеров составила адрес-приветствие парижским коммунарам. В тогдашней России это был единственный отклик на события 18 марта. Евреи и их пасха были здесь конечно решительно непричем и приплетены царским министром. Речь идет повидимому о прокламациях Николая Гончарова (см. Базилевский, Государственные преступления в России в XIX в., т. I, стр. 412—413).

77. „Лига республиканского союза" возникла в начале апреля и наряду со многими подобными организациями пыталась примирить непримиримое и играла на руку контрреволюции. Состояла она главным образом из провинциальных республиканцев и возглавлялась „левыми" мэрами, сложившими полномочия парижскими депутатами Национального собрания и т. п. Средство избежать гражданской войны видела в признании Национальным собранием принципа муниципальной автономии и в строгом самоограничении Коммуны рамками муниципальной деятельности. Связаться с Версалем лига пыталась несколько раз, одинаково неуспешно.

78. Огарев Николай Платонович (1813—1877) — друг Герцена, разделявший его взгляды Элпидин Михаил Константинович (1835—1908) — левый народник, член женевской секции Интернационала. Утин Николай Исаакович (1845—1883) — землеволец, член Интернационала, поддерживавший в славянской секции Маркса против Бакунина.

79. Гарибальдийцы, „изгнанные из Франции", — партизаны и легионеры Джузеппе Гарибальди (1807—1882), итальянского революционера XIX в., по своему мировоззрению мелкобуржуазного демократа, который подчинял все специальные задачи делу национального объединения Италии. Состоял членом Интернационала, где поддерживал Маркса против бакунистов. После блестящей вооруженной борьбы 50—60-х годов за освобождение Италии Гарибальди с легионом добровольцев после 4 сентября 1870 г. стал под знамена Гамбетты против монархической Пруссии. После заключения перемирия гарибальдийцы думали пробиться к Парижу и принять участие в обороне Коммуны, а когда не удалось, влились в ряды революционного движения юга Франции. Во время Коммуны в Марселе они были главной ее опорой, пока полное отсутствие поддержки со стороны „правительственной комиссии" не заставило их покинуть город (см. прим. 71). В виду невозможности возвратиться в Италию, где господствовала реакция Виктора-Эммануила, гарибальдийцы перешли границу французской Швейцарии, центр тогдашней эмиграции.

80. Дюкро (Ducrot) Огюст (1817 — 1882) — монархический генерал, позорно командовавший корпусом в 1870 г. и назначенный квартирмейстером в Версале. Черносотенный политикан и заклятый враг „парижского республиканизма", он применил принцип комплектования, важный в эпоху гражданской войны, предпочитал принципиальную однородность войск их численности.

Маркс, в начале войны призывавший парижских рабочих к осторожности, сразу же после революции 18 марта требовал революционной решительности в закреплении победы и усмотрел главную ошибку руководства в его колебаниях и излишней мягкости. Батальоны национальной гвардии буржуазных кварталов, попытавшиеся поднять открытый мятеж через несколько дней после победы Коммуны, не были полностью обезоружены. Еще хуже дело обстояло с буржуазной печатью, которая нагло травила Коммуну и открыто передавала военные сведения в Версаль (см. статью о баррикадах на стр. 143—144). Только 19 апреля комиссия общественной безопасности закрыла 4 газеты (которые впрочем про-

должали выходить, даже не всегда под новыми названиями), а 17 мая еще 10 газет и ввела ограничения для новых изданий. Всего Коммуной было за это время формально закрыто 36 газет и журналов.

82. Речь идет о декрете 6 апреля. Созданная 16 апреля „анкетная комиссия" должна была взять на учет покинутые предприятия, разработать практические мероприятия, необходимые для их передачи „кооперативной ассоциации занятых там рабочих" и, наконец, организовать жюри, которое по возращении бывшего владельца присуждало бы следуемое ему вознаграждение за предприятие, перешедшее в руки рабочих. „Анкетная комиссия" едва успела сорганизоваться и никакой работы не провела, но в ряде случаев имел место пуск предприятий самими рабочими на кооперативных началах.

83. Дополнительные выборы в Коммуну были назначены на 16 апреля вследствие убыли членов Коммуны. Еще 1 апреля было постановлено произвести эти выборы, а через две недели оказалось, что доизбрать предстоит 29 членов. Абсентеизм действительно был большой, но все-таки голосовало не 44 тыс. (как указывает Окунев), а 61 тыс. избирателей (против 146 тыс. на мартовских выборах). Бланкисты были против этих выборов, считая их просто легалистской формальностью, и в этом их вполне поддерживал Маркс. По вопросу об утверждении неполноценных новых выборов выявилось первое разделение в Коммуне на якобинское большинство и социалистическое меньшинство.

84. Декрет о заложниках был принят Коммуной 5 апреля, после того как версальцы стали расстреливать коммунаров, попавших в плен во время вылазки 3—4 апреля. Декрет объявлял заложниками только тех лиц, которые специальным судом будут уличены в связях с Версалем, и грозил расстрелом трех заложников за каждого расстрелянного версальцами коммунара. Арестовано по этому декрету было всего 260 человек, но до самого вступления версальцев в Париж ни один из них не был расстрелян, хотя версальские зверства продолжались почти непрерывно; только в дни майской агонии было расстреляно из числа заложников 64 человека, в том числе и архиепископ Дарбуа, сознательно преданный Тьером на смерть из политического расчета. „Настоящий убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала мену [на Бланки] —... Но, Тьер упорно от этого отказывался. Он знал, что в лице Бланки он дает Коммуне голову, а архиепископ гораздо более будет полезен ему, когда будет... трупом" (Маркс).

85. Бланки Огюст (1805—1881) — великий французкий революционер XIX в., организатор множества попыток революционных восстаний, начиная с 20-х годов. Просидел в тюрьмах в общей сложности 37 лет. Положил основание целому течению революционной теории и практики XIX в. — бланкизму. Оно признает коммунизм целью революции и „городской народ" (т. е. рабочих и интеллигенцию) ее основной движущей силой, но притом сохраняет в себе многие черты классического мелкобуржуазного якобинизма: подчинение социальных задач борьбе за республику, неспособность учитывать объективную обстановку и настроение масс (отсюда вырождение в сектантство и путчизм), неспособность связать свое революционное движение с деревней, узко административное толкование понятия революционной диктатуры. Бланки уехал из Парижа после неудачной попытки переворота 22 января 1871 г. (третьей попытки за 6 месяцев), он был арестован за день до победы революции в Париже и сидел, приговоренный к смертной казни за участие в деле 31 октября 1870 г. (за которое впрочем буржуазные республиканцы обязались никого не преследовать). Коммуна, в которую он был заочно избран, предлагала Тьеру освободить Бланки в обмен на архиепископа Дарбуа, но Тьер отказался, объяснив, что „отдача Бланки восстанию равнялась бы посылке на помощь повстанцам целого армейского корпуса".

86. Марото (Maroteau) Гюстав (1849—1875) — журналист якобинско-бланкистского толка. После 4 сентября 1870 г. сотрудничал в газете Бланки „Отечество в опасности", при Коммуне издавал сначала „Гору", потом „Общественное спасение". Осужден военно-полевым судом 2 октября 1861 г. (в частности за эту статью), умер на каторге в Новой Каледонии.

87. Венсенский форт — одно из сильнейших северо-восточных укреплений Парижа — мог бы оказать коммунарам существенную поддержку в обороне от атак версальцев с северо-запада, но его пришлось разоружить. Вот принятое по этому поводу в секретном заседании Коммуны 24 апреля постановление, опубликованное в „Правительственном вестнике от 25-го:" Поскольку в течение

нескольких дней распространились слухи о неизбежной эвакуации северных и восточных фортов немецкой армией и об их возможной передаче версальским войскам, командир Венсенского замка счел нужным вооружить несколькими пушками укрепления этой крепости. Эта мера предосторожности явилась поводом для следующего инцидента. Вчера к воротам Шарантона явился парламентер, посланный главнокомандующим I корпуса немецкой армии, и потребовал от Коммуны точного соблюдения конвенции 28 января. Военный делегат немедленно выполнил это требование, предписав разоружить венсенские бастионы („Procès verbeaux de la Commune de 1871, t. 1, p. 458).

88. Передав власть выборной Коммуне (слишком поспешно, по мнению Маркса), ЦК национальной гвардии не прекратил своего существования и, хотя признал, что у него теперь „нет никакой политической власти", а только представительство федерации национальных гвардейцев, однако продолжал осуществлять функции власти, особенно в военной области. Это приводило к постоянным столкновениям с Коммуной и конфликтам с ее военной делегацией, так что к середине апреля поднимались даже разговоры об аресте всего состава ЦК. Поражения конца апреля и начала мая однако изменили обстановку, и ЦК мог 3 мая, после ареста Клюзере, потребовать упразднения военной делегации и передачи ее функций в руки штаба ЦК. Этим не были изжиты столкновения, начались распри с Росселем. Так продолжалось до самого разгрома революции.

Клюзере Гюстав-Поль (1823—1900) — тип военного политического авантюриста. Он начал свою карьеру с подавления июньских баррикад 1848 г., продолжал в качестве „левооппозиционного" офицера Второй империи и кончил националистом Третьей республики; 3 апреля 1871 г. был назначен главнокомандующим, а 16 апреля стал членов Коммуны. Он проявил себя бездарным командиром и подал повод к подозрению в измене (см. прим. 102). Клюзере, смещенный после падения форта Исси, был арестован, но судился уже 21 мая (т. е. в день вступления версальцев в Париж), был освобожден и скрылся в Константинополь.

89. Пиа (Pyat) Феликс (1810—1889), — литератор, вождь неоякобинцев, типичный герой революционной фразы, воплощавший в 1848 и в 1871 гг. эпигонство великой Горы 1793 г. Большую часть жизни провел в эмиграции, — в Лондоне, во „французской ветви", боролся с Марксом и с Интернационалом, и в 60-х годах причинял немало хлопот Марксу (в частности своим „смертным приговором", вынесенным Бонапарату). Избранный членом Коммуны, возглавлял там (вместе с Делеклюзом) якобинское большинство и разражался фонтанами революционных фраз, которые снискали ему среди буржуазии громкую славу опасного революционера и от которых сильно отставали дела и даже (в противоположность Делеклюзу) личное мужество. Настаивал на создании Комитета общественного спасения, но избранный туда, ничем себя не проявил. В решительные майские дни бежал из Парижа, эмигрировал в Швейцарию, вернулся после амнистии в 1880 г. и заседал в парламентах Третьей республики на скамьях „левореспубликанской" оппозиции.

90. Речь идет повидимому опять-таки о бакунистской „Юрской федерации". Под женевскими рабочими, не желавшими вмешиваться в чужие революции, подразумевается тот слой более обеспеченных ремесленных рабочих Швейцарии (так называемых ouvriers de la fabrique), который шел под оппортунистическим руководством Куллери. „Много центров действия", организованных Бакуниным, является больше плодом испуганного воображения царских осведомителей.

91. Кроме баррикад, да и то недостаточно хорошо устроенных, для уличных боев ничего приготовлено не было. Но версальцы распространяли по всему миру столько клевет об „адских замыслах" Коммуны, что потом сами с большой опаской продвигались внутри городских стен.

92. Форт Исси — одно из главных пяти укреплений города с юга — 30 апреля оставлен коммунарами, но потом занят снова и пал только 9 мая после героической обороны.

93. Приводим из речи Бисмарка в рейхстаге 2 мая 1871 г. место, касающееся Парижской коммуны: „Если мы посмотрим на нынешнее парижское движение, то станет несомненно, что в нем, как во всяком движении, обладающем некоторой длительностью, рядом с неразумными мотивами, пристающими к нему и повлиявшими на отдельных его представителей, скрыто в основе некоторое здоровое ядро. Иначе никакое движение не может достигнуть той силы, которой сейчас достигло парижское. Я не знаю, как много их людей является привержен-

цами этого здорового течения, но это во всяком случае лучшие и наиболее интеллигентные из тех, кто сражается сейчас со своими соотечественниками. Это здоровое ядро я могу определить одним слоем: это — немецкое городовое положение. Если бы Коммуна его имела, тогда лучшие из ее приверженцев были бы удовлетворены, — я не говорю, что все". По поводу этой речи Маркс писал: „Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему старинному, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничанию в „Кладдерадаче", — только такому человеку могло прийти в голову, что Парижская коммуна в сущности стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское 1791 г., превращающей городские советы во второстепенные колеса прусского государственно-политического механизма" (Маркс, — Гражданская война во Франции 1871 г.).

94. Вот соответствующее место из той же речи Бисмарка в рейхстаге 2 мая 1871 г.: „Милиция насильников состоит главным образом из людей, которым нечего терять. В городе с двухмиллионным населением имеется большое количество так называемых epris de justice (рецидивистов), т. е. людей, которых у нас бы назвали находящимися под надзором полиции. В промежутках между двумя тюремными заключениями эти люди являются в Париж и поэтому постоянно оказываются там в значительном количестве. Повсюду, где имеются беспорядки и грабежи, эти люди готовы принять в них участие. Как раз эти люди придали движению его угрожающий цивилизации характер, который иногда в нем повидимому проявляется, пока не присмотришься ближе к его целям. Этот характер к выгоде человечества, я надеюсь, уже преодолен, но конечно он может еще порой и возвращаться. Рядом с этими отбросами, которых достаточно имеется во всяком большом городе, рассматриваемую мною милицию составляет некоторое количество приверженцев европейской интернациональной республики. Мне называли числа, которыми представлены там другие национальности. Из них я вспоминаю только, что в Париже якобы пребывают для осуществления своих планов 8 тыс. англичан, — я предполагаю, что это по большей части ирландские фении, которых обазначают как англичан, — и затем большое количество бельгийцев, поляков, гарибальдийцев и итальянцев. Все эти люди, которые довольно равнодушны к французским коммунальным свободам, предлагают нечто совсем иное, и когда я сказал, что в каждом движении имеется разумное зерно я подразумевал конечно не их".

95. Телеграмма д'Уби от 15/27 апреля почти в тех же выражениях, что и в донесении, сообщает об обстоятельствах выплаты французами сумм, предназначенных на содержание немецких войск.

96. Уошберн Элью-Бенджамен (Washburne) (1816—1887) — американский политик, виг по убеждениям и сотрудник президента Гранта, бывший послом во Франции с 1869 г. до 1877 г. После революции 4 сентября Уошберн в качестве представителя „великой заокеанской демократии" играл в левизну и продолжал так же вести себя и после 18 марта. Биографы его подчеркивают, что „во время кровавых дней Коммуны он был единственным иностранным представителем на своем посту". Однако письма Маркса и циркуляр Интернационала 7 июля устанавливают лицемерие, реакционность и лживость его поведения (в частности по отношению к пленным коммунарам и к эмигрантам).

97. Относительно восхваления „благожелательного нейтралитета немцев", которое, по сведениям Габриака, якобы имело место в заседании Коммуны 25 апреля, в протоколах Коммуны никаких данных нет.

98. Муниципальные выборы действительно оказались более благоприятными для республики, чем предшествовавшие выборы в Национальное собрание. Из 700 тыс. муниципальных советников, — писал Маркс, — легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не могли вместе провести даже 8 тыс. своих приверженцев. Национальное собрание не только не получило необходимой ему материальной поддержки от провинции, но потеряло последнее право на роль нравственной силы: служить выражением всеобщего голосования Франции.

99. „Выборные беспорядки" в Лионе и южных городах были последней вспышкой революционной поддержки Парижу из провинции. Эта вспышка охватила в большей части те города, в которых март прошел спокойно, и была продолжением мартовского восстания в Лионе. Там поводом действительно для нового восстания явились выборы, которым решили помешать рабочие кварталы Круа-Русс и

Гилотьер. Дело дошло до баррикад и артиллерийского обстрела, в результате которого повстанцы понесли до 50 жертв.

100. Альбер Блан — очевидно синтетическая личность: в Лионе действовали два бакуниста: Альбер Ришар — 24-летний журналист и Гаспар Блан — 25-летний рабочий-железнодорожник; их-то повидимому царский информатор и объединил в „Альбера Блана". Работая осенью 1870 г. под руководством Бакунина, они не отказывались и от сотрудничества с буржуазными радикалами, а после эмигрировав в Лондон, и вовсе продались Бонапарту. Никакой руководящей роли в лионских событиях оба они конечно играть не могли.

101. В действительности форт Исси, подвергшийся 30 апреля разрушительному артиллерийскому обстрелу, был совсем оставлен коммунарами: в ночь на 30 апреля оставшиеся 300 защитников форта по приказу командующего участком Межи заклепали орудия и покинули позицию. Почему форт не заняли сразу версальцы, неизвестно, — может быть, действительно потому, что повсюду боялись мифических фугасов. Никаких переговоров о сдаче не велось, и форт снова был занят коммунарами через несколько часов, после того как его оставление стало известно в Париже.

102. Засада двух версальских дивизионов, ждавших и не дождавшихся „условного сигнала" в Булонскому лесу, имела место очевидно 29 апреля, потому что Клюзере был арестован в ночь на 1 мая.

Сведения Окунева, будто Коммуна не предает огласке ареста Клюзере из боязни казаться самой под ударом, лишены основания: арестовав Клюзере, Коммуна не успела выяснить степень обоснованности обвинения до вторжения версальцев, 21 мая комиссией Коммуны он был освобожден.

103. Комитет общественного спасения был утвержден Коммуной 1 мая по требованию якобинского большинства, желавшего воскресить орган централизованной диктаторской власти времен Великой французской революции. Против такой реорганизации исполнительной власти Коммуны резко выступили прудонисты, отчасти по формальным соображениям (Курбе), отчасти по существу, протестуя „против всякой диктатуры, являющейся узурпацией народного суверенитета". Разногласия по вопросу о комитете общественного спасения окончательно разделили Коммуну на враждующие фракции якобинско-бланкистского большинства и социалистического меньшинства (к которому примкнули и отдельные бланкисты, как Тридон, Вайян и др.). Существенного изменения в ход революции создание этого комитета не внесло: комитет не заменял собой Коммуны и не подчинил ее себе, а сам был ей подчинен; к тому же он проявил не меньше нерешительности и нераспорядительности, чем предшествующие исполнительные комиссии Коммуны.

104 Россель Луи (1844 — 1871 — инженерный поручик радикально-республиканского направления; был на службе у Гамбетты, а потом у Коммуны в качестве начальника штаба Клюзере. Назначенный 30 апреля на его место, оказался неспособным к оперативному руководству в условиях гражданской войны. Взбешенный отсутствием субординации, он после сдачи Исси 9 мая подал скандальное прошение об отставке и опубликовал его в газетах, принеся непоправимый вред военному престижу и делу обороны Коммуны. Арестованный тогда же по постановлению Коммуны, Россель скрылся до „майской недели"; 7 июня был арестован версальцами и расстрелян по приговору военно-полевого суда.

105. „Анонимный комитет" в Бордо является больше плодом испуганного воображения версальцев. Возможно, что попытки к объединению новых республиканских мэров и предпринимались; во всяком случае такие слухи муссировались в газетах Коммуны.

106. Сведения Окунева о двух газетах, которые будто бы только и остались в Париже, неверны, даже если речь идет только о контрреволюционных буржуазных газетах; на самом деле за все время существования Коммуны было закрыто 36 газет (см. прим. 84).

107. Описание баррикад в буржуазной парижской газете довольно точно именно потому, что оно предназначено не для Парижа, а для Версаля. При всей внешней импозантности описанных сооружений Коммуна в момент вступления версальцев в город к уличной борьбе оказалась недостаточно подготовленной.

108. В архиве III отделения сохранилось много документов, относящихся к Коммуне и особенно к коммунарам-полякам. В частности там хранится много списков пленных, убитых и расстрелянных коммунаров польской национальности. Эти списки, составленные по большей части тем же агентом царского посольства

в Париже „Z“, значительно более полны, заключают в себе до 600 имен. Многие из этих имен совершенно случайны для революционного движения, иные политически мало значительны.

109. Мазас — тюрьма для одиночных с 1200 камерами, существовавшая с 1850 г. до 1898 г. В ней сидело большинство политических заключенных второй половины XIX в.

110. Домбровский Теофил — брат Ярослава, активной политической деятельностью себя не проявил. В эмиграции в Лондоне проявил себя как стойкий революционер.

111. Риго (Rigault) Рауль (1848 — 1871) — левореспубликанский журналист, потом бланкист. В Коммуне отличался крайне „якобинским радикализмом“ разрешение всех вопросов видел в терроре. Делегат полицейской префектуры, потом прокурор Коммуны и один из организаторов „Комитета общественного спасения“. Сам он однако по общим отзывам террора организовать не сумел. 24 мая был расстрелян версальцами на улице.

112. Врублевский Валерий (1836 — 1908) — польский революционер, участник восстания 1863 г., в Париже примыкавший к бланкистам. Командовал войсками западного участка Коммуны. Скрылся и, приговоренный заочно к смертной казни, эмигрировал в Лондон, где был представителем в Интернационале от Польши и боролся с бакунизмом под руководством Маркса.

113. Маццини (Мадзини) — борец за объединение Италии 40—60-х годов, республиканец христианско-социалистической окраски, потерявший в 1871 г. всякое влияние и выступавший против Коммуны.

Орсини — итальянский революционер, совершивший в 1858 г. знаменитое покушение на Наполеона III.

Ментона — итальянский городок, при котором в 1867 г. французские войска, вооруженные новым (нарезным) ружьем системы Шаспо 1866 г., нанесли поражение отрядам итальянских революционеров, находившихся под предводительством Гарибальди (а не Мадзини). Тогда впервые новое ружье было использовано против „революционных кинжалов“, и генерал Файи, командовавший папско-французскими войсками, прославился донесением; „Шаспо произвели здесь чудеса“.

114. Разрушение Вандомской колонны, воздвигнутой в 1805 г. Наполеоном I (отлитой из захваченных у неприятеля пушек), произошло 16 мая согласно декрету Коммуны от 12 апреля. Вандомская колонна, говорилось в декрете, „является памятником варварства, символом грубой силы и ложной славы, укреплением военщины, постоянным оскорблением победителями побежденных, вечным покушением на один из трех великих принципов французской революции — на братство народов“.

Особняк Тьера был объявлен под секвестром с начала военных действий, а после угрозы бомбардировки Парижа 6 мая было декретировано, что имущество Тьера реквизируется, книги и предметы искусства передаются в библиотеки и музеи, белье — в госпитали, остальное продается с торгов, а дом подлежит срытию.

115. Версальцы старались убедить провинцию и Европу, что в руководстве Коммуны нет французов, что это „заговор иностранцев“. Однако и они не решились утверждать, что армия Коммуны (т. е. парижская национальная гвардия) состоит не из французов.

Фении — революционные борцы за независимость Ирландии, пользовавшиеся горячей поддержкой Маркса и Интернационала. После английских репрессий 1866 — 1868 гг. в Париже образовалось ядро их эмиграции, но оно не могло быть сколько-нибудь значительным в военном отношении; в частности ложной является информация Бисмарка в рейхстаге 2 мая, будто в национальной гвардии Коммуны сражается 8 тыс. ирландцев. Итальянцы в виде отрядов гарибальдийцев не смогли пробиться в осажденный Париж, а итальянские революционеры-эмигранты в Париже насчитывались единицами. Польская эмигрантская колония в Париже после 1863 г. была велика, но и поляков на службе Коммуны секретные агенты царского посольства в Париже не могли насчитать больше 500 — 600 человек.

116. Аахенский конгресс 1818 г. открывал собою серию конгрессов, организованных Священным союзом для укрепления режима феодальной реакции в Европе и реставрации во Франции. Непосредственной задачей его было соглашение о выводе оккупационных войск из Франции.

117. Взятый в плен со всей своей армией 1 сентября 1871 г. в Седане, Наполеон был отправлен на жительство в замок Вильгельмсгоэ, а после заключения мира переселился в Англию, в Чизлхорст.

118. Вступление версальцев в Париж произошло за два дня до срока, назначенного версальским командованием для штурма. В три часа дня 21 мая колонна версальцев беспрепятственно вошла в ворота Сен-Клу, указанные ей предателем, и к вечеру через 5 ворот в город явилось уже около 4 корпусов. Это захватило коммунаров врасплох, так что внутригородское сопротивление было оказано только на следующий вечер, когда в руках у версальцев была уже $^1/_5$ города.

119. Пожары в Париже при вступлении версальцев явились отчасти следствием бомбардировки со стороны версальцев же, отчасти необходимым методом обороны со стороны повстанцев. Здания, указанные в телеграмме, были сожжены самими коммунарами, однако не по постановлению какого-либо повстанческого центра, а стихийно, рядовыми коммунарами, так что „в казнях и пожарах последней недели не следует искать признаков заранее обдуманного плана" (Ж. Буржен).

120. Плохо информированная царская охранка была уверена, что центр деятельности Интернационала сосредоточен в Италии, и потому особенно настойчиво требовала соответствующей информации от посольства во Флоренции. В Италии было сильно влияние Бакунина, под его руководством работали тогда Кафиера, Фоста, Малатеста, но этим объяснялось, что рабочее движение севера Италии носило в то время такой раздробленный и бесплодный характер.

121. Элементы такой предумышленности версальское следствие смогло потом найти только в „научной делегации" Коммуны, которая реквизировала (или собиралась реквизировать) серу, керосин, фосфор и т. д. Маркс в знаменитом манифесте Интернационала писал об этих пожарах: „Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, пусть они не надеются ликующе вернуться в свои неповрежденные жилища. Буржуазия всего мира наслаждается массовым человекоубийством после битвы, и она же возмущается, когда „оскверняют" частные жилища!.. На войне огонь вполне законное оружие... Да и пользоваться огнем оборонявшиеся стали только тогда, когда версальские войска уже начали свои массовые избиения пленных".

122. Асси был после ареста присужден к ссылке и умер в Нуме. Жоаннар (Johannard) Жюль (1843 — 1888) — член Интернационала, член Коммуны, эмигрировал в Англию. Бильоре (Billioroy) Альфред (1840 — 1876) — якобинец, художник, член Коммуны, арестованный, был присужден к ссылке, где и умер. Но в дни вступления версальцев в Париж на улицах было „убито" несколько мифических Бильоре.

123. 28 мая действительно весь Париж был уже в руках версальцев. Рабочие районы Бельвиль и Шомон пали 27-го, тогда же были перебиты последние коммунары на кладбище Пэр-Лашез, а 28-го разрушена последняя баррикада на улице Рампонно.

124. Число убитых коммунаров точно не может быть установлено. Реакционеры, сознательно преуменьшая, называют цифры от 7 до 17 тыс. Компетентный и добросовестный историк Буржен говорит о „не менее 20 тыс. убитых", Пельтон насчитывает „до 30 тысяч". Последняя цифра представляется наиболее близкой к действительности (см. Ленин, Памяти Коммуны, 1911, Соч., т. XV, стр. 160, изд. 2-е и 3-е).

125. Убийство Делеклюза и Милльера. Делеклюз (Delecluze) Шарль (1809 — 1871) — якобинец-публицист, участвовавший в революции 1830 г. и игравший видную роль в революции 1848 г. При всей своей самоотверженности он однако не справлялся с задачами революционного руководства, — его прокламация в день вступления версальцев в Париж только способствовала дезорганизации и панике. 25 мая, когда окончательное поражение Коммуны стало ясно, погиб на баррикаде Коммуны: — см. прим. 46.

126. Только 4 человека (в том числе архиепископ Дарбуа) были расстреляны в тюрьме Роккет по приказу сверху 23 мая; 26 мая на улице в квартале Венсени были расстреляны стихийно еще 48 заложников: 34 жандарма, 10 попов и 4 шпиона.

127. Коцебу Вильгельм Августович (1813 — 1887) — сын знаменитого „немца Коцебу", драматурга-реакционера и русского шпиона в Германии, убитого в 1819 г. в Мангейме студентом Зандом. Был посланником в Берне, Карлсруэ и Дрездене.

128. Перспективы революции и союз России с Пруссией в освещении царского дипломата лишний раз подтверждают совершенную правильность тех оценок международной политики, которую давали Маркс и Энгельс, видевшие руку русского царизма в контрреволюции и считавшие Бисмарка марионеткой царя. Главное препятствие для этой революции по заявлению царского чиновника — „отношения, существующие между Россией и Германией".

129. Интереснейший документ, вскрывающий содержание таинственных переговоров дипломатов всей Европы об организации международных репрессий против коммунаров. 1 июня Горчаков уехал на лечение в Германию. Заместителем его остался управляющий министерской канцелярией В. И. Вестман, который не понимал международного значения Коммуны, подходя к ней как к локальному инциденту. Здесь Александру приходится раскрыть свои карты, он рассматривает этот вопрос „как один из серьезнейших для будущего всех правительств"; проект, о котором он говорит, — проект международной полицейской организации по борьбе с Интернационалом.

130. Информация Новикова о выступлении Бебеля в рейхстаге верна. Но указанное послом число членов Интернационала далеко от действительности. Он основывается очевидно на „материалах" полицейского следствия в Париже на третьем процессе Интернационала, причем взято среднее между указанной на процессе цифрой в 1 миллион и 5 миллионами, приводимыми в полицейской брошюре Тестю.

131. Редкий случай, когда реакционеры в секретной переписке констатируют у людей, которых официально принято было квалифицировать как банду уголовных преступников и прусских шпионов, беспримерное мужество и самоотвержение. Но наряду с этим приводится гнусно-клеветнический вымысел об „уличных вакханалиях среди бела дня". Эти „вакханалии", которых никто не видел во время Коммуны, стали любимой темой буржуазных газетчиков после „майской недели". Консьержери была во время Великой французской революции тюрьмой, непосредственно связанной с Революционным трибуналом.

133. Повторение клеветнической легенды о 20 тыс. поджигательниц, получавших 10 франков в день, имеет только то отношение к действительности, что в обороне Коммуны принимало активное участие много работниц-революционерок и что в результате „майской недели" в Париже оказалось много сожженных домов.

133. Сенар (Senard) Антуан-Жюль (1800 — 1885) — консервативно-буржуазный республиканец, бывший председателем Учредительного собрания 1848 г., организовавший разгром июньских баррикад и ставший министром внутренних дел в кабинете Кавеньяка. Весь период империи провел в бездеятельной оппозиции, в 1870 г. был дипломатом правительства национальной обороны, в Национальном собрании сидел на скамьях буржуазных республиканцев.

134. Монтебелло — второй секретарь наполеоновского посольства в Петербурге, замещал уехавшего Габриака вплоть до прибытия нового посла генерала Лефло. Кто такой „неистовых политических убеждений Тиссье", — установить не удалось.

135. Окучев докладывает царю, что политические партии готовятся к дополнительным выборам в Национальное собрание, назначенное на 2 июля. В частности бонапартисты, составляющие в Национальном собрании ничтожное меньшинство (всего человек пятнадцать), проявляют энергичную деятельность. По слухам принц Наполеон, Руэ и Мань (Magne), министр финансов времен Империи, намерены выставить свои кандитатуры. Бонапартисты рассчитывают главным образом на деревню, которая в деле подавления революции и установления порядка все надежды возлагает на императора. Душой партии является Руэ.

136. Нападки Национального собрания на Трошю объяснялись тем, что он после 4 сентября 1870 г., возглавлял правительство национальной обороны, которое было левее монархистов Национального собрания. Признание Трошю, что он никогда не верил в оборону Парижа, дало повод для нападок со стороны реакционеров, которые готовы были на любых условиях подписать мир, чтобы избежать революции. Вооружение „25 тыс. уголовных рецидивистов и 6 тыс. фанатиков" — чистый вымысел. После 4 сентября достали оружие и влились в национальную гвардию рабочие предместья, и этому ни генерал Трошю, ни его правительство помешать не могли. Уголовных предлагал вооружить Бланки, указывая на поведения гулонских каторжников в 1793 г., когда буржуазия сдала город англичанам. Доказательством отсутствия в Париже 25-тысячной массы вооруженных рецидивистов служит тот факт, что никогда в Париже не было так мало грабежей и других уголовных преступлений, как в период Коммуны.

137. Комиссия прошений о помиловании была навязана Тьеру монархистами, потому что они стремились ограничить его полномочия, а вовсе не из-за его республиканской мягкости; буржуазные республиканцы проявляли тогда по отношению к коммунарам не меньше, а больше зверства, чем монархисты.

138. Буржуазная реакция констатировала ошибочность своих представлений

об Интернационале как о заговорщической организации, но продолжала усматривать в нем идейный центр международной революции и вдохновителя Парижской коммуны. Маркс, зная лучше, чем кто бы то ни был, взаимоотношения Интернационала и Коммуны, называл революцию 18 марта 1871 г. „славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания" (1848).

139. Циркуляр Ж. Фавра от 6 июня получил широкую известность. На этот циркуляр генеральный совет Интернационала реагировал постановлением 13 июня, в котором давал характеристику самого Фавра и его циркуляра, советовал судебным органам „обратить внимание на документы, относящиеся к Жюлю Фавру и опубликованные в Париже покойным Миллье́ром, в которых заявлялось, что он окончательно оказался обманщиком и фальсификатором". Но Фавр, поощренный успехом своего произведения у Бисмарка, намеревался издать второй циркуляр с предложением международного полицейского содействия в еще более широких масштабах, чем это предлагали царские жандармы. Повидимому холодное отношение к его циркуляру в Англии заставило его отказаться от этого намерения.

140. „Ганноверский король" Георг V в 1871 г. не был уже королем: за австрофильскую позицию в войне 1867 г. он был лишен престола и изгнан из Северогерманского союза, а владения его были присоединены к Пруссии. После этого „ганноверский король" жил в Австро-Венгрии и во Франции. В 1869 г. он издавал в Париже газету, направленную против Пруссии. Только на этом основании Бисмарк мог изобразить его как „поддерживающего" Бебеля.

141. Речь Гренвиля можно понять как мягкое отклонение проектов континентальной реакции. Он не боится влияния французских эмигрантов: они слишком „политики", и даже у бланкистов их революционность плохо связывается с повседневной экономической борьбой рабочего класса. Очень интересно в этом свете указание Гренвиля на немецких „агитаторов" как более опасных: Гренвиль не мог здесь подразумевать никого кроме фактических руководителей Интернационала — Маркса и Энгельса.

142. Закон об иностранцах в Англии действовал с 1608 г. до 1870 г., когда кабинет Гладстона его отменил. Увеличивая возможность для иностранцев приобретать собственность и т. п., этот закон также охранял их право убежища.

143. Пожары в провинции хотя и вспыхивали „почти одновременно" в июне-июле, однако деятельности коммунаров их конечно приписать нельзя. Во всяком случае клеветническое обвинение коммунаров в поджогах стало предлогом для окончательного разоружения муниципальных отрядов.

144. Вопрос о лишении Парижа звания столицы имел длинную историю. Роль в стране этого города, сконцентрировавшего все политическое руководство, идейное влияние и львиную долю революционной энергии, объясняет, почему реакция всегда требовала лишения Парижа звания столицы: для реакции Париж представлялся символом революционной диктатуры. Поэтому вопрос о перенесении столицы на юг встал сразу после падения Империи, тогда он обосновывался стратегическими соображениями. Теперь монархические помещики из Национального собрания требуют декретировать лишение Парижа звания столицы, откровенно мотивируя это его революционной ролью. Характерно, что буржуазия, представленная Тьером, противится этому домогательству только жалкими уловками: откладыванием прения до холодов, когда неприспособленность помещений Версаля принудит депутатов правой отказаться от декапитализации.

145. Задержка начала деятельности военных судов вызвана была грандиозностью подготовительных „работ". Военнослественный аппарат, даже подкрепленный гражданской магистратурой и добровольными „комитетами чистки" буржуазных районов, не мог справиться с десятками тысяч арестованных во время непрекращавшихся повальных обысков и с сотнями тысяч доносов (которых только 24 мая до 13 июня поступило 3 9823). *Информация ответственных руководителей расправы часто однако совершенно не соответствовала действительности.* В частности Клюзере и Пиа были в это время уже за пределами Франции — первый в Константинополе, второй — в Швейцарии.

146. По данным Л. Дюбрейля только с 21 по 29 мая было арестовано 20 тыс. человек, а за июнь-июль еще 25 тыс.; те из них, которые не были убиты и не умирали от лишений, массами свозились на понтоны.

147. Разуа — батальонный командир национальной гвардии, участвовавший в попытке революционного восстания 22 января 1871 г. Представитель генераль-

ного совета Интернационала в Швейцарии И. Ф. Беккер, сообщая об этой истории в Америку Ф. А. Зорге, писал 31 августа 1871 г.: „Благодаря нашим энергичным требованиям наконец-то третьего дня, в 10 час. утра, Разуа был выпущен на свободу. Эмиграция снова легче вздохнула. Говоря по правде, наши энергичные шаги и угрозы революцией в деле освобождения Разуа предпринимались не из-за его личности (он, в скобках заметим, уже 22 мая трусливо покинул свой пост, а значит по отношению к нам не совсем чист), а в силу защиты принципа права убежища. Однако освобождение Разуа не дает нам права почить на лаврах“ и т. д.

148. Летом — осенью 1871 г. итальянское правительство, полностью завершая объединение Италии, переезжало из Флоренции в Рим; дипломатический корпус следовал за ним с некоторым запозданием.

149. Информация из Испании совершенно не касается событий во Франции и даже испанского рабочего движения. Между тем число эмигрантов Коммуны было в Испании довольно велико. „Либеральное“ правительство предупредительно спешило арестовать каждого коммунара даже без соответствующего требования со стороны Франции.

Лафарг Поль (1842—1911) — французский социалист сначала прудонистского толка, связанный с бакунистами, потом работавший под руководством Маркса и ставший основателем французской социал-демократической партии. В движении Коммуны, вполне разделяя ее цели, активного участия принять не мог. Эмигрировав в Испанию, он был там арестован очевидно главным образом за свою известную по Лондону близость к Марксу: он был женат на второй дочери Маркса — Лауре.

150. Свидание в Гаштейне имело целью наметить предварительные условия для австро-германского соглашения. Характерно, что, информируя об этом свидании русское правительство, которое имело все основания опасаться сближения Пруссии с Австрией, германский поверенный в делах успокаивал его уверением, что в Гаштейне речь шла только об Интернационале и социализме.

151. „Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его палачей, — писал Маркс, — надо вернуться ко временам Суллы и обоих римских триумвиров. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; те же пытки пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса;... то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе“. Царский информатор предпочитает сравнивать версальский террор с драгонадами — истреблением протестантского населения в деревнях Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Подобно драгонадам и версальская бойня привела к подрыву производства. Нехватка рабочих рук во Франции давала себя знать долго после подавления Коммуны.

Вот состав лиц, осужденных в Париже военно-полевыми судами комиссии генерала Аппера: литераторов — 2901, учителей — 106, слесарей — 2664, каменщиков — 2293, столяров — 1659, сапожников — 1491, маляров — 863, типографских рабочих — 819, каменотесов — 766, портных — 681, столяров-полировщиков — 639, ювелиров — 528, плотников — 382, кожевников — 347, жестяников — 277, литейщиков — 224, шапочников — 210, портных — 206, басонщиков — 193, часовых дел мастеров — 179, позолотчиков — 172, обойщиков — 154, переплетчиков — 106, формовщиков — 157, картонажников — 124, и т. д. „В общем Париж потерял около 100 тыс. сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий“ (Ленин).

152. Идея „ассоциации промышленников“ для „уравновешения крупной революционной ассоциации“ должна была в 1871 г. показаться еще „непрактичной“, но характерно уже то, что эта идея возникла после Коммуны.

153. Лига мира и свободы — международная организация буржуазных радикалов, созданная приблизительно в то же время, что и Интернационал. Бакунин, живший тогда в романской Швейцарии, вступил со своими единомышленниками в эту лигу в 1867 г., был избран в ее центральный совет и помышлял об ее „слиянии“ с Интернационалом, а в 1868 г. вышел оттуда с большим шумом. В лиге тогда остались только радикал-демократы, из которых лишь очень немногие (как сторонники Гарибальди) могли высказывать сочувствие Парижской коммуне.

154. Греви Жюль (1807—1891) — видный политик французской буржуазии консервативно-республиканского направления. Заседал в Учредительном собрании

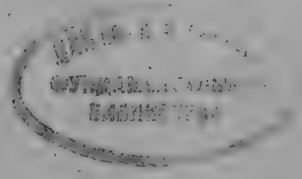
в 1848 г., был во главе оппозиции в последние годы Империи и председателем Национального собрания с момента его учреждения и до 1873 г. На этих постах проявил недюжинную способность к оппортунистическому лавированию, что дважды обеспечило ему избрание в президенты республики.

Ройе-Колар Пье-Поль (1763—1845) — политик времени Великой революции и реставрации.

155. Ожидание революции в Англии и сведения о заговорщической деятельности Интернационала совместно с ирлачдскими фениями представляют собой чистейший вымысел, характерный как показатель крайней нервозности, овладевшей буржуазным обществом после разгрома Коммуны. Следствием этого и была жестокая травля Интернационала, начавшаяся не только на континенте, но и в Англии. „Ты знаешь, — писал Маркс Кугельману 18 мая 1871 г., — что за все время парижской революции версальские газеты (в которых участвует Штибер), а вслед за ними и здешние журналы беспрерывно доносили на меня как на великого вождя Интернационала. Теперь еще этот манифест, который ты скоро получишь, он производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клевещут и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии".

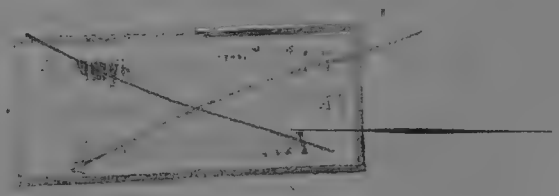
156. Уничтожение документов Империи, еще остававшихся в Тюильри было небесполезно для бонапартистов. Уже те документы, которые были оттуда изъяты и опубликованы после 4 сентября 1870 г., причиняли им много неприятностей. В частности ими был подтвержден факт подкупа „господина Фогта", которого давно уже обвинял в подкупе Маркс.

153275



Содержание

	Стр.
От Центрархива	3
Предисловие	8
Документы	29
Примечания	217



Редактор Рубинштейн.
Техредактор Кошутина.

Сдано в производство 29/VII 31 г.
Подписано к печати 4/XI 33 г.
Тираж 2.000. 15 печ. лист.
Форм. бум. 62×94/16. 52.800 зн. в печ. листе.
Изд. № 1168. Уполн. Главлита Б-32530. Заказ № 938.

2-я типография „Печатный Двор", треста „Полиграфкнига". Ленинград. Гатчинская, 26.

3 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Магазины и отделения книготоргового объединения Государственн. Издательств. Почтовые заказы направлять: „Книга-почтой“, Москва, 64, Покровка: 28, или Ленинград, Пр. 25 октября, 28. Книги высылаются только наложенным платежом (без задатка)

1001